

ФГБОУ ВПО «ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДАНГ ТХИ ТХУ ХЫОНГ

**Л.Н. ТОЛСТОЙ ВО ВЬЕТНАМЕ.
РОМАН «ВОСКРЕСЕНИЕ» В ПЕРЕВОДАХ НА ВЬЕТНАМСКИЙ
ЯЗЫК (МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ)**

Специальность: 10.01.01 – Русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Ермилова Галина Георгиевна

Иваново – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Проблема художественного перевода.

Глава 2. Л.Н. Толстой во Вьетнаме.

2.1. Переводные произведения Толстого во Вьетнаме.

2.2. Исследование жизни и творчества Л. Толстого во Вьетнаме.

2.3. Лев Толстой в системе образования Вьетнама:

Глава 3. Первый перевод романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на вьетнамский язык: ценности и недостатки.

3.1. Роман «Воскресение» в переводах на вьетнамский язык.

3.2. Характеристика общественно-литературной позиции газеты «Голос народа».

3.3. Особенности перевода романа «Воскресение».

3.4. Стил ь перевода романа «Воскресение».

Глава 4. Сюжет романа «Воскресение», его транслирование на вьетнамский язык: обретения и потери.

4.1. Жанровая уникальность «Воскресения».

4.2. Наблюдение над транслированием сюжета романа «Воскресение» на вьетнамский язык.

4.3. Образ Катюши Масловой.

4.4. Образ Дмитрия Нехлюдова.

4.5. «Евангельский текст».

Заключение

Список использованной литературы

ВВЕДЕНИЕ

В мировой литературе русская литература сыграла и играет важную роль. Особенно высочайших вершин достигла русская литература XIX века. Вместе с тем, проблемы изучения художественных произведений и их переводов всегда оказываются актуальными в литературоведении.

Русская классическая литература прославилась такими известнейшими именами, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и др. Она давно популярна во всем мире и переведена на разные языки.

Отметим, что интерес к Востоку и его древним народам и культурам рано появился у русских классиков. С XVIII века русские ученые и писатели, такие как М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, а в начале XIX века А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов..., обращают внимание на тему Востока. Эта проблема стала благородной традицией в русской классической литературе. Л. Толстой, в свою очередь, также интересовался историей и философией азиатских народов и поэтому обогатил традицию изучения Востока. Великий художник является одним из тех, кто тесно связан с Востоком. В отличие от других литераторов, он близок к народам Востока, прежде всего своей защитой поработанных и эксплуатируемых, своим решительным отрицанием угнетения. Следует отметить, что Л. Толстой был не единственным писателем, поднимавшим свой голос против захватнических войн и колониального разбоя, но он был уникальным человеком, глубоко вникавшим в жизни далеких народов, обращавшимся к ним, пристально их изучавшим.

В нашей диссертации мы обращаемся к анализу проблемы «Лев Толстой и Восток», не новой, но до конца не исследованной как в литературоведении Вьетнама, так и в русском литературоведении. Нужно сказать, что Л. Толстой является не только великим русским писателем, но и мировым классиком.

Его интерес к Востоку был необычайно велик. Связанный тысячами нитей со всем миром, он уделял Востоку особенное внимание. Насколько нам известно, эта проблема привлекает внимание многих русских и зарубежных писателей, литературоведов, таких как: Р. Роллан, А.Л. Григорьев, А.И. Шифман, К.Н. Ломунов, Е.П. Чельшев, К. Рехо... Предметом их изучения является связь Л. Толстого с Японией, Китаем, Индией.

История литературных связей Востока с Л. Толстым началась с 1886 года, когда впервые свет увидел перевод-переложение отрывка из романа «Война и мир» на японском языке. В 1905 году в журнале «Свободное слово» (№ 6) в Лондоне была опубликована статья В.Г. Черткова «Толстой и японцы», в которой впервые была переведена часть переписки Л. Толстого с деятелями японской культуры. Далее в 1924 году П.И. Бирюков опубликовал в журнале «Восток» (№ 6) статью, в которой изложил содержание подготавливавшегося им сборника «Толстой и Восток». В него же вошла часть переписки Льва Николаевича с деятелями стран мира. Составителя интересовали религиозно-нравственные проблемы в мировоззрении Толстого. В 1939 году Д.П. Сергеенко опубликовал (в неполном виде) переписку Л. Толстого с Махатмой Ганди – индийским выдающимся политическим деятелем.

Многие литературоведы заинтересовались связями русского писателя с Азией. Можно утверждать, что тема «Л. Толстой и Восток» давно интересует исследователей. Творческую историю трудов Толстого о Востоке разрабатывали Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев... Об интересе писателя к древним религиям и философским учениям Востока писали Д.Ю. Квито, Ян Хин-Шун... Ценные сведения о переводах и изданиях Л. Толстого в восточных странах содержатся в трудах В.А. Годлевского, Н.И. Конрада, Н.И. Никулина...¹. Во время Советского Союза вопрос о всемирном значении великого писателя, о его влиянии на мировую литературу становился объектом углубленного изу-

¹ Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Наука», 1971.

чения в трудах М.Б. Храпченко, К.Н. Ломунова, Е.Н. Купреяновой, А.В. Шифмана и отдельных зарубежных литературоведов.

Интерес к философии и религии Востока рано проявился у Льва Толстого. Когда мальчику было 13 лет, семья переехала в Казань, древний город на реке Волга, бывший в Средневековье одним из центров мусульманского государства. Шестнадцати лет от роду Л.Н. Толстой поступил на философский факультет Казанского университета «по разряду арабско-турецкой словесности». Кажется, этот выбор не был случен. В университете молодой граф учил арабский и турецкий языки под руководством крупного ученого Мирзы Казимбека (1802-1870) – одного из основателей российского востоковедения. «<...> "восточный вопрос" в преддверии Крымской войны приобретал остроту, и юный Толстой на это по-своему откликнулся»². Когда ему было 19 лет, он лежал больной в казанском госпитале, его соседом по койке был буддийский священник лама, получивший тяжелую рану в лицо от какого-то разбойника. На наш взгляд, именно этот человек первым раскрыл Толстому закон непротivления, который должен был тридцать лет оставаться скрытым под потоком его жизни.

Анализируя все вышесказанные события, случившиеся в юности великого художника, мы заметили, что в ранней писательской жизни Л. Толстой глубоко не задумывался над взаимосвязью культур Востока и Запада, над ролью восточных народов в человеческой жизни. Однако, в периоды писания «Войны и мира» и «Анны Карениной» его интерес к Востоку постепенно нарастал и потом сильно развился. В начале 80-х годов завершился перелом в мировоззрении Л. Толстого. Именно здесь проявилось своеобразие его сложного и противоречивого мировоззрения. С этой поры писатель решительно отталкивается от дворянского класса, перешел на сторону трудящегося наро-

² Билинкис Я.С. Лев Николаевич Толстой // История русской литературы XIX века: Вторая половина: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. – М.: Просвещение, 1987. – С. 501.

да, направил суровую критику на современные порядки. Особенно его возмущало не только бесцеремонное хозяйничание колониальных и империалистических «разбойников» в странах Азии (Индии, Китая и др.), но и несчастные судьбы страдающих народов этих государств. Л. Толстой же видел назначение человека в служении людям, в стремлении к общему благу, в неустанном нравственном самосовершенствовании. Эти идеи становились главным мотивом во всех его поздних произведениях.

А.И. Шифман в работе «Лев Толстой и Восток» объясняет причину сближения русского писателя с далеким Востоком. «Обрушившись с резкой критикой на современную ему цивилизацию, отвергнув "культуру" богатых и сытых, он часто обращался мыслью к истокам культуры древних народов, искал в них животворные силы для грядущего обновления человечества, – комментирует исследователь и добавляет, – писатель находил их в патриархальном укладе жизни русского крестьянства, в его честной трудовой морали. Такие силы он видел и в укладе жизни восточных народов, в их традиционном миролюбии и трудолюбии, в их богатейшем культурном наследии»³. Согласимся с автором книги, добавим лишь: изучая древнюю философию стран Азии, их литературу, искусство, фольклор, великий Толстой уважительно именовал все это «восточной мудростью».

После духовного кризиса везде Л. Толстой видел безумие государственного правительства, быстрое развитие цивилизации и смерть человеческой морали. Безусловно, он навсегда остался противником насилия и войны, обвинял правительства, которые, игнорируя жизнь простого народа, хотели укрепить и расширить свою власть. Один пример: *«Люди толпы <...> видят постоянную заботу всех королей, императоров, президентов о дисциплинированном войске, видят те смотры, парады, маневры, которые они делают, которыми хвастаются друг перед другом, и с увлечением бегают смотреть*

³ Шифман А.И. Указ. соч. – С. 3.

на то, как их братья, наряженные в дурацкие, пестрые, блестящие одежды, под звуки барабанов и труб превращаются в машины и, по крику одного человека, делают все враз одно и то же движение и не понимают того, что это значит <...> это не что иное, как приготовление к убийству»⁴. По убеждению Л.Н. Толстого, существует неразрешимое противоречие между телом и духом. Взволновавшись о человеческой духовной смерти, писатель начал искать драгоценные моральные учения с целью воздержания людей от этического падения.

Исследуя отрицательное отношение Л. Толстого к современной ему администрации, Н.Л. Богомазова в труде «Л.Н. Толстой в контексте японской культуры» отмечает: «Государственная власть, будучи безнравственной, по своей природе и принимая видимость закона, разрушает, по мысли Толстого, естественную целостность общества, естественную гармонию отношения между людьми, насаждая противоестественные, безнравственные отношения, выражающиеся в войнах, революциях и убийствах»⁵.

Несомненно, в своем позднем творчестве Толстой сурово обличает колонизаторов как безнравственных, антигуманных разбойников. Несмотря на то, что великий мыслитель проповедует идею «непротивление злу насилием», в своих письмах и произведениях он критикует и поработанных людей, которые привыкли к подчинению властных сил. Приведем один пример. «Письмо к индусу» Л.Н. Толстого примечательно и призывами к нравственному совершенствованию, и суровым осуждением колониального режима, и признанием о том, что конфликты между господствующими и эксплуатируемыми достигли самого предела: *«Торговая компания поработила 200-миллионный народ. Скажите это человеку, свободному от суеверия, он не*

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 Т: – М.: Гослитиздат, 1935-1958. Т. 34. – С. 201. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ Богомазова Н.Л. Л.Н. Толстой в контексте японской культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2012. №1. – С. 69.

поймет, что значат эти слова. Что значит это, что 300 тысяч людей, не силачей, даже скорее слабых и дурных людей, поработили 200 миллионов живых умных, сильных, любящих свободу людей? Разве не ясно по одним цифрам, что не англичане, а сами индусы поработили себя» [37, с. 268]. Толстой указывает на парадоксальную, одновременно очень горькую коллизию в обществе Индии. Думается, это не только парадокс одной страны, но и парадокс всех зависимых государств в то время. Единственный выход указывает Толстой из бедствия: *«Только живи человек согласно с свойственным его сердцу и открытым уже ему законом любви, включающим в себя непротивление <...> не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле»* [37, с. 268, 269].

В книге «Лев Толстой в современном мире» К. Ломунов пишет: «<...> подлинный демократизм общественной и литературной позиции Толстого, гуманистическая направленность и народность его творчества – вот главные основы всемирного авторитета Толстого»⁶. Именно эти свойства мировоззрения и творчества Толстого оказались особенно востребованными на Востоке.

Безусловно, после мировоззренческого кризиса великого писателя-мыслителя концепция Востока быстро и сильно развивалась в его идеологии, заняла доминирующее место в его доктрине. Суть этого изменения определяется тем, что с наступлением эпохи империализма Толстой первым из писателей мира выступил в защиту народов от колониального порабощения. Он написал ряд работ на эту тему: «Так что же нам делать?», «О голоде», «Рабство нашего времени», «Две войны», «Патриотизм и правительство», «Одумайтесь!», «Письмо к китайцу», «Письмо к индусу»...

С начала творческого пути внутренний мир человека стал главнейшим и актуальным объектом изучения Л. Толстого. Великий писатель не удовле-

⁶ Ломунов К. Лев Толстой в современном мире. – М.: «Современник», 1975. – С. 7.

творен словами «гнев», «презрение», «злоба», «тоска», называющими душевные переживания человека. По его мнению, подобные слова не дают никакого представления о человеке и его психике. В отличие от других писателей, Л. Толстой со своей особенной творческой психологической манерой «наводит микроскоп» на тайны человеческой души и схватывает описанием сам процесс зарождения и оформления чувства еще до того, как оно созрело и обрело завершенность. Этот аспект изображения стал более острым и важным в позднем творчестве Толстого. Великий мыслитель начал глубоко изучать восточную древнюю мудрость, которая содержит в себе глубину мысли о духовной сущности человека.

В сочинениях древних восточных философов Л. Толстой нашел мысль о всеобщей любви как нравственном законе, проповеди трудолюбия, равенства, честности и доброжелательности, и это сильно привлекало его, стало главной идеей в его творческой жизни.

Западная буржуазная цивилизация, на взгляд писателя, была слишком сурова, бесчеловечна, находясь в противоречии с элементарными, базовыми нормами морали человечества. При этом более привлекательные черты Л. Толстой видел в патриархальной жизни русской деревни, и одновременно в укладе государств Востока, с их естественностью и простотой во взаимоотношениях людей, с трудолюбием и бескорыстием простых крестьян. Наряду с этим он отмечает, что европейцы покоряют восточные народы не потому, что сами духовно выше, а совсем наоборот. При этом чувство равенства у писателя не вымышленное, искусственное, а реально вытекающее из всемирной отзывчивости русской души, из его убеждения о психологической близости России и Востока.

В статье «Философия Востока в творчестве Льва Толстого» Р.Л. Рустамзода отмечает: «В вековой мудрости, отражавшей думы и чаяния сотен поколений, в мудрости, воплотившей тысячелетние представления че-

ловечества о добре и справедливости, он (Лев Толстой) надеялся найти ответ на проблемы современности, и поэтому он заинтересованно вникал в эти древние учения и в позднейшие писания философов Востока»⁷. Мы, исследовав путь Л. Толстого к Востоку, поддерживаем идею автора этой статьи.

Несомненно, Л. Толстого интересовало, как великие философы древности понимали смысл жизни, назначение человека, каковы были у них моральные принципы. Исходя из этого, он сближал религию Христа, Мухамеда, Будды, Конфуция и других вероучителей по одному признаку — все они обращали свою проповедь к душе человека.

Эта идея гениального писателя ясно отражена в «Письме к китайцу»: *«Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью — книгами Конфуция, Ментце, Лаотце и комментариями на них»* [36, с. 290]. В этом письме Толстой прямо проповедал идею «непротивление злу насилием», утверждал, что «неотвечание злом на зло», «неучастие во зле» — вернейшее средство спасения и победы над злом.

Указывая истинный путь к свободе, Толстой пишет: *«Только бы продолжали китайские люди жить так, как они жили прежде, мирной, трудолюбивой, земледельческой жизнью, следуя в поведении основам своих трех религий: конфуцианству, таосизму, буддизму, сходящимся всем трем в своих основах к освобождению от всякой человеческой власти (конфуцианству), неделания другому, чего не хочешь, чтобы тебе делали (таосизму), самоотречения и смирения и любви ко всем людям и ко всем существам (буддизму), и сами собой исчезнут все те бедствия, от которых они страдают теперь,*

⁷ Рустамзода Г.Л. Философия Востока в творчестве Льва Толстого [Электронный ресурс] // Мир современной науки. – 2012. Т. 4. – С. 6. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-vostoka-v-tvorchestve-lva-tolstogo>

и никакие силы не одолеют их» [36, с. 299]. Кажется, эти слова обращены не только Китаю, но и всем странам, которые в то время жили под эксплуатацией колониальных захватчиков.

«Прав он был и в своей убежденности, что нравственные проблемы занимают в жизни восточных народов, в их повседневном бытии и сознании, в их древних учениях значительно большее место, чем на капиталистическом Западе»⁸, – пишет А.И. Шифман, изучая концепцию Востока в мировоззрении русского писателя. С этим мнением нельзя не согласиться. Изучая взаимосвязь между назначением индивида и смыслом жизни, между сознанием и бытием, великие философы Востока пришли к единому мнению о том, что в каждом человеке существует изначальная драгоценная душа, которую надо сберечь от вредной социальной среды, о том, что каждая личность должна воспитываться, в первую очередь, нравственно.

Говоря об интересе великого гуманиста к Востоку, мы обращаем внимание на то, что Л. Толстой защищал восточные народы и критиковал жестокость войны и бесчеловечность захватчиков. После духовного кризиса он более сурово и беспощадно относился к власти государства, к колониальному угнетению, с огромной заинтересованностью следил за освободительной борьбой народов азиатских зависимых стран, таких как Индия, Китай...

К проблеме колониализма Л. Толстой впервые обратился в 80-х годах в трактате «Так что же нам делать?»: *«Живет народец в Африке, в Австралии, как жили в старину скифы, древляне. Живет этот народец, пашет, водит скотину, сады. Мы узнаем о нем тогда, когда начинается история. История же начинается с того, что наезжают завоеватели. Завоеватели же делают всегда одно и то же: отбирают от народца все, что только могут взять у него: скотину, хлеб, ткани, даже пленников и пленниц, и увозят с со-*

⁸ Шифман А.И. Указ. соч. – С. 20-21.

бой» [25, с. 255]. По мнению Толстого, судьба закабаления слабого народа этим актом ограбления только начинается. Писатель утверждал, что колониальный гнет является одной из разновидностей рабства, продолжающего существовать в мире в форме закабаления одних народов другими.

Во многих поздних произведениях Толстого тема противления рабству сильно звучит. Например, в трактате «Рабство нашего времени» (1900) автор утверждал, что рабство в современном мире многолико, оно присутствует во всех государствах, никогда не исчезает, а только меняет одну форму другой: *«Рабство существует в полной силе»* [34, с. 168]. Иначе говоря, оно наличествует не только в господствующих формах государственного насилия, но и воплощается в обычной жизни народов, сквозь их нищету, бедность, малообразованность. По мнению великого писателя, народ, как рабочий скот, живет и работает не для себя, а для его насильников. Встревожившись этой смутной реальностью, которая день за днем происходила на свете, Л. Толстой писал в «Единственном средстве»: *«<...> малая часть людей, которая властвует над рабочим народом, пользуясь всем тем, что производит народ, живет в праздности и безумной роскоши, бесполезно и безнравственно тратя труды миллионов. И так, – добавляет он, – живет большинство людей во всем мире, не в одной России, во Франции, и в Германии, и в Англии, и в Китае, и Индии, и в Африке, – везде»* [34, с. 255].

Е.П. Чельшев в работе «Лев Толстой и литературы Востока» пишет, что русский писатель «<...> пришел в страны Востока как великий гуманист, поборник правды и справедливости, борец против деспотизма, защитник интересов трудового народа. На весь мир прозвучали его "Послания индусу", "Послания китайцу"»⁹. С этим мнением нельзя не согласиться. Для народов Востока Толстой является посланцем Бога, защитником интересов и стрем-

⁹ Чельшев Е.П. Лев Толстой и литературы Востока // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1979. Т. 38. № 1. – С. 36.

лений широких народных масс. Следовательно, Толстой стал одним из русских классиков, творчеством и яркой общественной деятельностью которого интересовались миллионы людей Востока. Безусловно, «люди на Востоке хотели знать как можно больше об этом неординарном человеке, желали ближе познакомиться с его идеями, произведениями, о которых так много писала пресса»¹⁰.

Изучая связь Толстого с Востоком, Р. Роллан в работе «Ответ Азии Толстому» пишет: «<...> мы хотим набросать вкратце общую картину отношений Толстого с Азией. "Жизнь Толстого" была бы сейчас неполной без этого очерка. Ибо воздействие Толстого на Азию окажется быть может более значительным для ее истории, чем воздействие его на Европу. Он был первой широкой стезей духа, которая связала всех членов старого материка от Запада до Востока. Теперь ее бороздят в противоположных направлениях два потока паломников»¹¹. Безусловно, в отношениях Толстого с современниками особо выделяются его связи с деятелями стран Востока. В Ясной Поляне состоялись встречи писателя с выдающимися людьми, которые приехали к нему из далеких стран Азии. Сохранилась и сохраняется до наших дней его переписка со «всеми странами Востока» (переписка с китайскими публицистами Чжан Чинтуном и Ку Хун-мином, с политическим борцом за свободу Индии – Махатмой Ганди, с японскими литераторами К. Сэнума, Масутаро Кониси, Токутоми Рока...).

Разумеется, связь Толстого с Востоком не была односторонним движением, как это было с европейскими знаменитостями, а двусторонней. При этом представления о выдающемся русском писателе, распространенные в различных странах Востока, имеют индивидуальные особенности. Но существует и общая черта – это ощущение духовного родства с Л.Н. Толстым.

¹⁰ Рустамзода Г.Л. Указ. соч. – С. 8.

¹¹ Роллан Р. Ответ Азии Толстому [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/rolland/rolland_tolstoy.htm.

Бесспорно, на Востоке Толстой был протестантом, обличителем и критиком буржуазного строя, был величайшим жизнелюбивым художником, который находил себе все больше сторонников и поклонников во всем мире, особенно, в Азии.

Анализируя влияние Л.Н. Толстого, М. Горький отмечает: «Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки – отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа – для всех и – навсегда!»¹². Поддерживая слова М. Горького, К. Ломунов в книге «Лев Толстой в современном мире» высказывает свое мнение: «Вместе с ростом мирового значения Толстого, как художника и мыслителя, развертывались и крепили его международные связи, вырос и упрочился его гигантский, поистине всесветный авторитет»¹³. К этим прекрасным словам не нужны комментарии.

Следует отметить, что творчество Л.Н. Толстого в литературоведении изучено вдоль и поперек. И оно очень близко и понятно всем людям, потому что в каждом произведении ставятся вечные проблемы жизни, которые волнуют человечество. Главной и самой острой является проблема нравственной, душевной чистоты людей. Герои произведений Толстого привлекают читателей своей неповторимостью, своим ярким индивидуальным характером, своеобразием и богатством души. Хотя великого русского писателя теперь нет на свете, но его творчество никогда не стареет. До наших дней оно помогает человеку жить, бороться со злом, создавать новую жизнь. На всем свете говорят о величии русского писателя, о его гуманизме. «Толстой дорог человечеству, его наследие будет сопутствовать людям в их борьбе за лучшую жизнь»¹⁴.

¹² Горький М. Лев Толстой // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С. А. Макашин. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. Н. М. Фортунатова. — С. 487. — (Сер. лит. мемуаров).

¹³ Ломунов К. Указ. соч. — С. 5.

¹⁴ Шифман А.И. Указ. соч. — С. 488.

Как было сказано, именно Толстой, более чем кто-либо другой из русских деятелей культуры, связал узами дружбы свою родину со странами Востока. В соответствие с этим, влияние этого гуманиста на Востоке было и остается столь великим, что для изучения его причин, масштабов и характера потребуется не один десяток исследований, выполненных деятелями культуры азиатских народов. Однако, несмотря на немалые успехи в изучении проблемы «Л.Н. Толстой и Восток», насколько нам известно, воздействие художественного опыта писателя, его гуманистической мысли на мир Востока еще не полностью изучено. Углубленная разработка этого вопроса остается насущной задачей литературоведения, особенно актуальной в изучении проблемы «Л. Толстой и культура Вьетнама».

Е.А. Маймин констатировал: «"Воскресение" – роман, в котором Толстой осветил с новой точки зрения всю русскую действительность и все общественное и государственное устройство России, – был также последним, как бы завершающим романом всей русской литературы XIX века»¹⁵.

Мы остановили свой выбор на этом романе.

Актуальность и новизна исследования состоит в том, что мы изучаем влияние Л. Толстого на культуру Вьетнама, сосредотачивая внимание на том, какое место занимал и занимает Толстой и его творчество в межкультурных коммуникациях двух народов – вьетнамского и русского. Предметом особо пристального изучения стал роман «Воскресение» в переводах на вьетнамский язык. Ни в российском, ни во вьетнамском литературоведении этому аспекту культурной коммуникации не уделяется достаточного внимания.

Предметом анализа являются, прежде всего, роман «Воскресение» (1889-1899), четыре его перевода на вьетнамский язык, письма, дневники

¹⁵ Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. – М., 1978. – С. 157.

Л.Н. Толстого, воспоминания современников о Л. Толстом, научно-критическая и методическая литература на вьетнамском языке, посвященная жизни и творчеству Толстого.

Цель работы заключается в том, чтобы показать своеобразие функционирования произведений Толстого во Вьетнаме, проанализировать содержательно-стилистические особенности транслирования романа «Воскресение» на вьетнамский язык, определить характер межкультурной русско-вьетнамской коммуникации.

Достижение поставленной цели требует решения **следующих задач**:

- 1) выделить основные этапы функционирования переводных произведений Толстого во Вьетнаме, понять причины популярности Толстого на Востоке в целом, во Вьетнаме, прежде всего;
- 2) познакомиться с работами, посвященными теории и истории перевода, определить теоретико-методологический фундамент для стратегических и частных наблюдений над переводом романа «Воскресение» на вьетнамский язык;
- 3) выявить и обосновать авторитетный перевод романа «Воскресение» на вьетнамский язык;
- 4) сделать текстовую выборку сюжетобразующих фрагментов из романа для последующего сопоставительного анализа с переводами;
- 5) дать комментарии к сопоставительному анализу;
- 6) сформулировать рекомендации для возможных в дальнейшем переводов произведений Толстого на вьетнамский язык.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Во введении раскрываются актуальность и новизна темы, предмет и источники исследования, формируются цели и задачи, дается структура диссертационного исследования, определяется методология исследования.

В первой главе рассматриваются общие теоретические вопросы художественного перевода.

Во второй главе анализируются основные этапы освоения произведений Толстого во Вьетнаме.

В третьей главе исследуются ценности и недостатки первого перевода романа «Воскресение» на вьетнамский язык.

Четвертая глава посвящена транслированию сюжета романа «Воскресение» на вьетнамский язык (анализируются третий и четвертый переводы).

Заключение обобщено представляет результаты нашего исследования.

В диссертации мы опираемся на следующие книги: «Лев Толстой как художник» (М.Б. Храпченко), «"Воскресение" Л.Н. Толстого» (Л. Кузина, К. Тюнькин), «Лев Толстой. Путь писателя» (Е.А. Маймин), «Лев Толстой в современном мире» (К.Н. Ломунов), «Лев Толстой и Восток» (А.И. Шифман), «Лев Толстой и литературы Востока» (Е.П. Чельшев) и др. Наряду с этими мы используем множество работ, посвященных жизни и творчеству Л.Н. Толстого, таких авторов, как Р. Роллан, Е.Н. Купреянова, Г.Л. Рустамзода, Н.Л. Богомазова, П. Басинский, Ким Рёхо, Нгуен Чьонг Лить, Нгуен Хай Ха, Ты Тхи Лоан, Чан Тхи Куинь Нга, Чан Тхи Фьонг Фьонг, Фам Тхи Фьонг...

Мы опираемся, прежде всего, на **историко-генетический и сравнительно-исторический методы**. Историко-генетический метод исследования с точки зрения происхождения и развития изучает жизненные, социальные истоки литературного творчества, раскрывает связи писателя и его творчества с жизнью определенной эпохи или разных исторических периодов. «Исто-

рико-генетическое изучение показывает движение литературы, смену одних литературных явлений другими, их взаимодействия и внутренние противоречия, идейную, эстетическую борьбу и историческую преемственность литературного развития»¹⁶. Особенность сравнительно-исторического метода состоит в том, что он раскрывает «взаимный обмен передовыми идеями, творческим опытом»¹⁷ между различными литературами.

Полезным оказывается метод **системного анализа**, одной из важных особенностей которого является «раскрытие внутренних связей той или иной совокупности явлений, связей отдельных компонентов различных социальных феноменов, исследование их структурного единства»¹⁸. При представлении о литературных произведениях «на первый план следует выдвинуть раскрытие внутренних соотношений в тех или иных структурных образованиях, соотношений между их различными составными частями, компонентами. При этом речь идет <...> о их соподчиненности, их месте и роли в той общей функции, которую выполняет литературное явление»¹⁹.

¹⁶ Храпченко М.Б. Указ. соч. – С. 335.

¹⁷ Храпченко М.Б. Указ. соч. – С. 340.

¹⁸ Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 316.

¹⁹ Храпченко М.Б. Указ. соч. – С. 317.

Глава 1. Проблема художественного перевода.

Перевод появился с незапамятных времен, стал древним видом человеческой деятельности. Он также выступает важнейшим средством человеческого общения, делает возможным знакомство с другими культурами. Иными словами, с самого начала он выполнял коммуникативную функцию. Перевод сыграл и играет доминирующую роль в становлении и развитии мировой культуры.

Переводческая практика начинается с античности. В Древней Греции и Древнем Риме она была интенсивно развита и выполняла в большинстве случаев информационно-коммуникативные задачи.

Перевод в Древней Греции имел свои особенности. «Характеризуя отличительные черты древнегреческой литературы, часто отмечают, что она – единственная из литератур Европы, развивавшаяся самостоятельно, без непосредственного использования других литератур»²⁰. В связи с этим греки неохотно изучали языки других народов, считая их варварскими. По указанным причинам на протяжении длительного времени художественный перевод на греческий язык был развит крайне слабо. В истории Древней Греции известен перевод с иврита на греческий. Это Септуагинта, первый перевод Ветхого Завета. Он считается уникальным и беспрецедентным в истории перевода, значительным литературным успехом.

В Древней Руси после возникновения собственной письменности появилась и необходимость в переводе религиозных текстов: Ветхого и Нового Заветов, Псалтыри, молитв. Первыми переводчиками в Древней Руси были греческие монахи Кирилл и Мефодий. Отправившись с проповедью Евангелия к славянам Восточной Европы, они перевели Библию на старославянский язык.

²⁰ Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. История и теория перевода с древнейших времен до наших дней [Электронный ресурс]. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks319367#TOC_IDAFT2AB.

После 988 года на старославянский язык были переведены многочисленные тексты религиозного характера, ставшие первыми произведениями древнерусской литературы: книги Ветхого и Нового Заветов, жития святых, апокрифы и т. д. Естественно, при переводе канонических христианских текстов первостепенное внимание уделялось точности, и потому переводы были буквальными.

В XIV-XVII веках в практике перевода предпочтительное место занимали религиозные тексты. В древнерусской переводческой деятельности большую роль сыграл Максим Грек – выдающийся богослов, религиозный автор и видный переводчик. Он переводил религиозные тексты, исправлял и дополнял переводы своих предшественников, а также записывал свои размышления о процессе перевода. Так появился первый в Древней Руси труд по переводоведению.

В XVIII веке перевод становился по-настоящему многопрофильным: переводились не только религиозные тексты, но и книги по военному делу, по технике, художественные произведения. Видными переводчиками являются В.К. Третьяковский, Н.М. Карамзин и др. В оригинальной и переводной литературе «шли упорные творческие поиски»²¹.

Переводческая проблематика привлекала внимание, в первую очередь, лингвистов. Нельзя считать это дело случайным, потому что сначала перевод воспринимается особой областью языкознания. Но изучая перевод, языковеды часто обращаются к художественным произведениям.

Вильгельм Гумбольдт (1767-1835) является одним из основоположников сравнительного языкознания, немецким лингвистом и видным переводчиком. По его мнению, каждый язык мира определяет и выражает национальное своеобразие «духа», свойственного данному народу. Он существует как осо-

²¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – С. 42.

бое видение мира, особая картина действительности, недоступная для носителей другого языка. Вильгельм Гумбольдт в письме к Августу Шлегелю (23 июля 1796 года) утверждал: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно»²². Значит, язык служит формой выражения народного духа. Немецкий ученый подчеркивает, что всякий перевод является лишь попыткой разрешить невыполнимую задачу.

В западноевропейской литературе существует иной взгляд на перевод. С точки зрения Ф. Шлейермахера, при нахождении читателей перевода в равном положении с читателями произведения-подлинника, они могут получить возможность почувствовать и постепенно воспринять своеобразный дух автора.

С положением о возможности полноценного перевода одновременно выступил Гёте. Он указывает на два принципа перевода: «<...> один из них требует переселения иностранного автора к нам, <...> другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям»²³. Немецкий писатель отмечает возможность положительного результата в переводе двумя путями: либо превращением зарубежного автора в соотечественника читателя, либо превращением зарубежного читателя в соотечественника автора.

²² Цит. по кн.: Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. Иностр. яз. Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк. 1983. – С. 31.

²³ Цит. по кн.: Федоров А.В. Указ. соч. – С. 33.

В XIX веке в России осуществлялось активное развитие переводов художественных произведений. Русские писатели, критики не просто переводят известные произведения зарубежных литераторов, но и пытаются достигнуть межкультурной эквивалентности между оригиналом и переводом.

Большой вклад в развитии русской литературы, а также в историю перевода внесли В.А. Жуковский, А.С. Пушкин. Развивая идею В. Жуковского о народности в литературе, Пушкин рассматривает ее проявление со стороны сюжетов, содержания, общей обрисовки характеров, ситуации: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками <...> Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»²⁴. Речь и у Жуковского, и у Пушкина идет, прежде всего, о воссоздании «духа» оригинала.

У В.Г. Белинского несомненная близость к суждениям А. Пушкина о переводе. Общность между ними – это требование содержательности, обращенное к литературе как оригинальной, так и переводной. Соглашаясь с великим поэтом, отвергая дословный перевод, критик понимает языковую задачу перевода как воссоздание духа оригинала. Тем более, он отрицает всякий «исправительный» перевод, требует соблюдения своеобразия подлинника и его недостатков, смотрит на перевод как на полноправную замену оригинала, предназначенную для широкого круга читателей. В результате чего русский критик разделяет перевод на два типа: художественный и поэтический. На его взгляд, художественный перевод предполагает высокую степень соответствия оригиналу. В этом типе язык, употребленный для толкования, приносится в жертву буквальности. Перевод нельзя понять без подлинника.

²⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17 т. – М. - Л., 1949, Т. 11. – С. 40.

За поэтическим переводом критик признавал право на известную свободу по отношению к подлиннику, если она оправдана соблюдением его духа. По его мнению, овладевая мыслями исходного текста, переводчик рассказывает по-своему. Наряду с этим В. Белинский придавал огромное значение верной передаче формы подлинника в ее соответствии с содержанием. Он считает, что изменить размер оригинала в переводе, значит поступить произвольно.

Углубляя цель и значение переводной литературы, В. Белинский объясняет: «<...> переводы преимущественно назначаются для не читавших и не имеющих возможности читать подлинника, а главное, что на переводах произведения литературы одного народа на язык другого основывается знакомство народов между собою, взаимное распространение идей, а отсюда самое процветание литератур и умственное движение»²⁵. С точки зрения критика, перевод играет важную роль в развитии и образовании эстетического вкуса, в распространении истинных понятий об изящном.

В. Белинский не считает задачи перевода неразрешимыми, однако исключения он делает при анализе произведений-оригиналов, которые обладают ярко выраженным национальным своеобразием. Касаясь басен Крылова, он пишет: «Басни Крылова непереводимы, и чтоб иностранец мог вполне оценить талант нашего великого баснописца, ему надо выучиться русскому языку и пожить в России, чтобы освоиться с ее житейским бытом»²⁶. Критик подчеркивает, что переводить следует только то, что входит в золотой фонд мировой литературы. На взгляд критика, нельзя «без потерь» перевести на иностранные языки, в первую очередь, Пушкина, Гоголя, Крылова...

Взгляд на своеобразие перевода И.С. Тургенев высказывает при анализе переводных произведений Шиллера и Гете, в частности, «Вильгельма Телля»

²⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. – М., 1955, Т.8. – С. 264.

²⁶ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 9. – С. 370.

и «Фауста». Он пишет: «<...> переводы можно вообще разделить на два ряда: на переводы, поставившие себе целью, как говорится, познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы, и на переводы, в которых художник старается воссоздать великое произведение»²⁷. Во втором случае, по его мнению, для переводчика важна способность проникаться чужими мыслями и чувствами. Здесь же дух (т. е. личность) переводчика «должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта»²⁸. Разумеется, такой перевод редок, потому что он сильно зависит от творческого дара, от таланта самого переводчика.

И.С. Тургенев, говоря о переводе любого вида, выступает против буквализма, который он называет «рабской верностью» подлиннику: «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; <...> хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. Такой перевод не может быть неверным, точно так же как хорошая копия Рафаэлевой Мадонны не может быть относительно шире, или длиннее, или уже оригинала»²⁹.

Далее писатель выделяет два вида ошибок: «фактическая неверность» (плохое понимание языка исходного текста) и «духовная неверность», которая возникает в связи с тем, что переводчик не передал читателю индивидуальность писателя или поэта. С вышесказанными мнениями И.С. Тургенева нельзя не согласиться. Продолжая мысль В.Г. Белинского, писатель подробно рассматривает два типа перевода: вольный и буквальный, учитывает талант переводчика, указывает на типичные ошибки при анализе художественного перевода. Эти положения мы учитываем в практико-аналитической части нашего исследования.

²⁷ Тургенев И.С. Статьи и воспоминания. – М.: Худ. лит., 1979. – С. 9.

²⁸ Тургенев И.С. Указ. соч. – С. 9.

²⁹ Тургенев И.С. Указ. соч. – С. 45.

Одна из сложнейших задач теории перевода – принципиальная возможность/невозможность адекватного перевода. В статье «По поводу выставки» Ф.М. Достоевский доказывает, что Европа не понимает русскую литературу, русское искусство. Он уточняет, что невозможно перевести многих русских писателей на другие языки без потерь. Он пишет: «<...> переведите комедию г-на Островского <...> и переведите по возможности лучше, на немецкий или французский язык, и поставьте где-нибудь на европейской сцене, – и я, право, не знаю, что выйдет. Что-нибудь, конечно, поймут и, кто знает, может быть, даже найдут некоторое удовольствие, но, по крайней мере, три четверти комедии останутся совершенно недоступны европейскому пониманию»³⁰. Далее он утверждает: ни Гоголя, ни Пушкина нельзя передать на любом чужом языке, так как «все характерное, все наше национальное по преимуществу <...> для Европы неузнаваемо»³¹.

Таким образом, перевод как особый вид художественной литературы привлекает внимание писателей и поэтов, которые ратуют за чистоту, художественность и эстетически высокий уровень перевода. Несомненно, эта проблема до наших дней еще вызывает острую полемику не только у деятелей культуры, но и у исследователей науки о переводе.

В XX веке отмечалось быстрое нарастание количества художественных переводов. Для начала XX века характерно обращение филологов и переводчиков к проблеме переводимости. В 1920-х–30-х годах в России возникает **научное переводоведение**. С 50-х годов XX века при изучении перевода критики, исследователи приходят к единодушному мнению о том, что необходимо создание единой теории перевода, однако вопрос о том, какой должна быть эта теория до сих пор вызывает большие споры. Это объясняется тем, что в настоящее время существует много нерешенных проблем, в част-

³⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1980, Т. 21. – С. 68.

³¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – С. 69.

ности, дискутируется вопрос о предмете перевода; не решен вопрос о том, куда отнести теорию перевода – к литературоведению или лингвистике. Сюда же, на наш взгляд, входит еще одна трудность: теория перевода неотделима от практики, а практика, в свою очередь, обогащает и развивает теорию.

До недавних пор вопрос о том, является ли теория перевода самостоятельным научным направлением, был в высшей степени дискуссионным. В настоящее время речь, как правило, ведется о «молодой, еще только формирующейся научной дисциплине, на что указывает, между прочим, и то, что у нее все еще нет единого общепринятого названия»³²: либо «переводоведение», либо «переводведение», либо «транслатология», либо «теория перевода». Дело в том, что, во-первых, с древнейших времен переводческая деятельность воспринималась как искусство, овладение которым доступно только незаурядным людям – писателям, поэтам, композиторам; во-вторых, в первой половине XX века переводоведение считалось одним из направлений в рамках лингвистики. Как научная дисциплина теория перевода оформилась во второй половине XX века. Только к концу этого столетия она стала молодой самостоятельной наукой.

Следует признать, что Юджин Найда является одним из первых ученых, которые употребляют слово «наука» по отношению к изучению перевода. Это слово он вводит в название одной из своих книг «Toward of Science of Translating» (1964 г.) (т. е. «К науке переводить»). Хотя книга «К науке переводить» «посвящена специфическим проблемам перевода Библии, эти проблемы рассматриваются с позиции теоретического языкознания, и многие положения, выдвигаемые автором книги, имеют отношение к переводам текстов иного характера»³³. Теоретик доказывает плодотворность использования

³² Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – С. 26.

³³ Комиссаров В.Н. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 13.

в теории перевода различных методических приемов лингвистического исследования.

Большое значение для дальнейшего развития лингвистической теории перевода имела идея переводческой эквивалентности. В работе «К науке переводить» Ю. Найда сосредоточивает внимание на проблемах «эквивалентности», «динамического» и «формального» переводов. По его мнению, поскольку не существует двух идентичных языков, то между ними не может быть точных соответствий. Из этого следует, что совершенно точный перевод невозможен. Выбор типов перевода зависит от трех основных факторов: 1) характера сообщения, 2) намерения автора и переводчика как его доверенного лица, 3) типа читателей.

Ю. Найда различает два вида «эквивалентности»: «формальную» и «динамическую». При соблюдении формальной эквивалентности внимание концентрируется на форме произведения больше, чем на его содержании. Теоретик подчеркивает, что форма и содержание оригинала воспроизводятся на основе «критерия точности и правильности»³⁴. Такой тип перевода, наиболее полно олицетворяющий структурную эквивалентность, называется «переводом-глоссой»³⁵. Поэтому он требует множества примечаний, чтобы сделать текст полностью понятным читателям. Напротив, «динамическая» эквивалентность базируется на принципе эквивалентного эффекта. Между формальным и динамическим переводами существует целый ряд промежуточных типов, представляющих различные приемлемые виды литературного перевода. За последние 50 лет перевод «динамической эквивалентности» более всего исследуется.

³⁴Найда Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 119.

³⁵ Найда Ю.А. Указ. соч. – С. 119.

Изучая особенности различных типов переводов, Ю. Найда анализирует принципы ориентации перевода на формальную и динамическую эквивалентность. При формально-эквивалентном переводе «делаются попытки воспроизвести целый ряд формальных элементов, включая: 1) грамматические единицы, 2) постоянство в употреблении слов и 3) значение в рамках исходного контекста»³⁶. С помощью принципа согласованности «формальная эквивалентность» ориентируется на оригинал и имеет цель обеспечить возможность непосредственного сопоставления разноязычных текстов. При переводе подобная эквивалентность стремится достичь полного сохранения частей речи. Отсутствует членение, перестановка членов предложения оригинала, сохраняется пунктуация, разбивка на абзацы. Сохраняется принцип конкорданса (перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием), идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках.

В «динамическом» переводе внимание направлено на реакцию читателя. Цель этого типа – донести смысл исходного сообщения, чтобы перевод становился естественным и оказывал на реципиентов такое же эмоциональное воздействие, какое предположительно оказывал на реципиентов подлинника. Кроме того, такой перевод должен явно передавать значение и цель источника. Об этом Ю. Найда пишет: «Можно описать перевод динамической эквивалентности как "самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения"»³⁷. «Динамический» перевод направлен, прежде всего, на то, чтобы вызвать эквивалентную реакцию читателя. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как автор написал бы на другом языке».

³⁶ Найда Ю.А. Указ. соч. – С. 126-127.

³⁷ Найда Ю.А. Указ. соч. – С. 129.

Ю. Найда, вслед за ним и мы, отдает предпочтение «динамической эквивалентности».

Прежде чем продолжить анализ теории художественного перевода, дадим определение понятия «перевод», которое считается немаловажным и спорным вопросом современного переводоведения. Согласно современным словарям и учебникам по переводу, этот термин может иметь более трех десятков определений, в которых отмечается специфика данного явления.

Классик отечественной теории перевода, сторонник лингвистического пути изучения перевода, российский ученый, педагог А.В. Федоров, в работе «Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)» дает такое определение понятия перевода: «Слово "перевод" принадлежит к числу общеизвестных и общепринятых, но и оно, как обозначение специального вида человеческой деятельности и ее результата, требует уточнения и терминологические определения. Оно обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта, и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), передается на другом – переводящем - языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т.е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ»³⁸. Основоположник теории перевода дает общее представление о «переводе» как о часто употребляющемся слове в разных сферах человеческой деятельности, так и о предмете теории перевода. Два терминологических значения этого слова соотносительны и тесно взаимосвязаны. Далее автор книги отмечает, что нужно разграничить эти понятия, так как на современном этапе изучения перевода интересны исследователей разделилась: одни продолжают анализировать соотношение перевода с оригиналом, как двух связанных ме-

³⁸ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. –М.: Высш. шк. 1983. – С. 9.

жду собой речевых произведений, другие занимаются преимущественно самим процессом перевода и моделированием.

В работе А.В. Федорова «перевод рассматривается, прежде всего, как речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям»³⁹. К этому положению мы вернемся при анализе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» в его переводах на вьетнамский язык.

А.Д. Швейцер в труде «Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты» считает, что проблемы эквивалентности и ее типов продолжают оставаться актуальными. Он утверждает: «<...> дифференциальным признаком перевода является <...> его коммуникативная эквивалентность, понимаемая как исчерпывающая передача коммуникативной ценности исходного текста»⁴⁰. Ученый подчеркивает, что «перевод может быть определен как: однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному ("переводческому") анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде»⁴¹.

По формулировке П.М. Топера, «перевод представляет собой "службу связи" в самом высоком и непосредственном смысле слова – связывает между собой, знакомит и раскрывает друг другу разные национальные культуры, далекие и близкие, молодые и древние, разделенные временем и пространством, традициями и обычаями. Он делает общую картину мира богаче, разнообразнее, ярче»⁴².

В «Литературном энциклопедическом словаре» перевод рассматривается в аспекте перевода литературного текста: «Перевод художественный

³⁹ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 10.

⁴⁰ Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 44.

⁴¹ Швейцер А.Д. Указ. соч. – С. 75.

⁴² Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000. – С. 245.

(П.Х.) – вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, пересоздается на другом. Между исходной точкой и результатом переводческого творчества – сложный процесс "перевыражения" жизни, закреплённой в образной ткани переводимого произведения <...> нередко произведение, не будучи переводом в строгом смысле слова, не может быть причислено и к оригинальному творчеству ("вольный перевод", "подражание", "по мотивам", "из" и т. д.)»⁴³. Далее отмечены две тенденции в изучении художественного перевода и сформулированы требования к отношениям между оригиналом и переводом: «Во взглядах на П.Х. от древности до наших дней прослеживается противоборство двух тенденций: ориентация на текст подлинника и ориентация на восприятие своего читателя. Верное понимание диалектической природы П.Х. лежит на скрещении этих тенденций. Для современных взглядов на П.Х. определяющим является требование максимально бережного отношения к объекту перевода и воссоздания его как произведения искусства в единстве содержания и формы, в национальном и индивидуальном своеобразии»⁴⁴.

Сложности передачи «картин» мира с одного языка на другой можно условно разделить на две большие группы: «формальные» и «содержательные» (однако художественное произведение существует лишь благодаря единству формы и содержания).

Во многих работах предпринимались попытки преодолеть недостатки в определении понятия «перевод». Исследователь Н.К. Гарбовский пишет: «перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе индивидуальных способностей интерпрета-

⁴³ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 273.

⁴⁴ Литературный энциклопедический словарь. – Указ. соч. – С. 273.

тора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т. е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении от одного коммуниканта другому»⁴⁵.

В.В. Сдобников и О.В. Петрова считают, что перевод – это «вид языкового посредничества, при котором на ПЯ (т. е. на переводящем языке) создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении»⁴⁶.

Как было отмечено, со второй половины XX столетия теория перевода интенсивно создается. По мнению ученых, она устанавливает определенные эквивалентности между различными языками, изучает возможности передачи художественно-эстетической силы исходного текста, воссоздание национального колорита, художественно-экспрессивной ценности оригинала, сохранение индивидуальной манеры, стиля автора.

Соглашаясь с мнением Ю. Найды о межкультурной эквивалентности, А.В. Федоров в работе «Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)» выдвинул четыре важные проблемы перевода литературных произведений.

Первой проблемой является **сохранение смысловой емкости художественного текста**. «Смысловая емкость литературного произведения проявляется либо как реалистическая типизация (когда конкретный отдельный образ приобретает обобщенный типический смысл), либо как аллегорическое иносказание (когда отдельный образ имеет условно-отвлеченный смысл), ли-

⁴⁵ Гарбовский Н.К. Теории перевода: Учебник. – М.: изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 214.

⁴⁶ Сдобников В.В. Петрова О.В. Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков]. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – С. 92.

бо как более сложная форма многоплановости (когда смысл произведения может получить разные хотя бы и не исключающие друг друга истолкования)»⁴⁷. На этой основе выдвигается ряд специфических требований к работе переводчика. Задача сохранения смысловой емкости переводимого текста может оказаться невыполнимой, если переводчик не понимает идейно-художественный замысел автора, если у него отсутствует языковое и эстетическое чутье. Несомненно, смысловая емкость литературного произведения является сложной многоплановой формой, поэтому задача ее воспроизведения остается актуальной до настоящего времени.

Второй проблемой является вопрос о **возможности передать национальное своеобразие оригинала**. Проблема национальной окраски и практически, и теоретически чрезвычайно сложна. Несмотря на то, что эта проблема не считается новым аспектом изучения, она остается всегда актуальной. Художественная литература, воспринимаемая живым памятником одного народа, отражает в образах определенную действительность, тесно связанную с жизнью конкретной нации. Учитывая суждения Пушкина и Белинского о народности в литературе, А.В. Федоров пишет: «<...> решение проблемы национальной окраски <...> возможно только на основе понятия органического единства, образуемого содержанием и формой литературного произведения в его национальной обусловленности, в его связи с жизнью народа, которую оно отражает в образах, и с языком народа, воплощающим эти образы, придающим им специфические оттенки – при учете, разумеется, и сложившихся у читателей перевода фоновых знаний»⁴⁸. Поэтому важно отметить, что в отношении национальной окраски художественный перевод в литературе двусторонне обусловлен: во-первых, он обусловлен содержанием,

⁴⁷ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 274.

⁴⁸ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 278.

во-вторых, в качестве языкового образа, он обусловлен теми языковыми категориями, которые являются его основой.

На взгляд ученого, национальная окраска выражается либо в материальном, вещественном содержании образов, либо в насыщенной идиоматике текста. В первом случае не возникает собственно переводческой проблемы, потому что образы, изображенные в оригинале, обозначают «чистые» черты данной нации и не затрудняют понимание читателей переводного языка. Однако, во втором случае, чем ближе исходный текст по своей тематике к народной жизни, тем более сложна переводческая задача. Причина состоит в том, что «национальная окраска оригинала воспринимается как нечто привычное, родное, естественное всеми теми, для которых его язык является родным»⁴⁹. При переводе возникает альтернатива: или показать специфику и впасть в «экзотику», или сохранить привычность и утратить специфику.

Далее исследователь приходит к выводу о том, что передача национальной окраски тесно зависит от полноценности перевода в целом: «а) с одной стороны, от степени верности в передаче художественных образов, связанной и с вещественным смыслом слов и с их грамматическим оформлением, и б) с другой стороны, от характера средств общенационального языка, применяемых в переводе (вплоть до идиоматики) и не имеющих специфически местной окраски (в частности, не содержащих упоминания о национальных реалиях)»⁵⁰.

Национальная окраска – конкретная особенность литературного произведения. Она часто выражается в образах и деталях, которые отражают материальную и духовную часть данного народа. Передача национальной окраски – это знакомство одной нации с другой. В этой ситуации перевод становится межкультурным эквивалентным мостом. Задачи переводчика состоят в том,

⁴⁹ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 279.

⁵⁰ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 280.

что ему нужно максимально и наиболее эффективно передать информацию, особенности художественного оригинала на другом языке. Вполне соглашаемся с мнением А.В. Федорова: «Вся проблема национальной окраски и практически, и теоретически чрезвычайно сложна и до сих пор еще мало исследована»⁵¹.

Третья проблема – это вопрос **передачи исторического колорита**. Эпоха, когда создано литературное произведение, всегда накладывает свой отпечаток на художественные образы и в содержании, и в языковой форме. А.В. Федоров так пишет: «<...> вопрос о передаче исторического колорита практически решается в связи с основной целью перевода – ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания, т. е. для читателя своей эпохи, тоже был современным»⁵². Поэтому вопрос о передаче исторического колорита практически решается в связи с основной целью перевода – ознакомить современного читателя с литературным памятником в момент его создания.

Затем исследователь замечает, что развитие разных языков обуславливается разными темпами в зависимости от исторических и жизненных условий каждой страны и каждого народа. Поддерживаем мнение ученого А.В. Федорова, добавим лишь: в отличие от других видов художественный перевод практически невозможен без учета культурного контекста. Культурный и исторический контекст позволяет объективно и детально подойти к вопросам адекватности и эквивалентности художественного перевода. Поэтому необходимо строго и настойчиво соблюдать историческую перспективу путем воссоздания исторической окраски языка. Иначе говоря, в художественном тексте, считающемся памятником предыдущего времени, существуют архаизмы и историзмы, которые должны сохраниться в переводе, так

⁵¹ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 284.

⁵² Федоров А.В. Указ. соч. – С. 285.

как их функции – создание исторического колорита, повышение эмоционально-стилистического тона, порой внесение иронической окраски.

Четвертой проблемой является передача **индивидуального своеобразия творчества писателя**. Сложность заключается в том, что «индивидуальное своеобразие, как особое качество литературного произведения, возникающее на фоне общенародного языка, национальной специфики языка и литературы и в рамках определенной исторической эпохи, предполагает огромное разнообразие своих проявлений – как в плоскости содержания, так и в плоскости языковой»⁵³. Иными словами, индивидуальный стиль писателя национально и исторически обусловлен. Если переводчик нарушает индивидуальное своеобразие текста-источника, он одновременно искажает национальную и историческую окраску, характер между содержанием и языковой формой подлинника. Предлагая выход из этой трудной ситуации, А.В. Федоров пишет: «<...> индивидуальное своеобразие в переводе требует прежде всего сопоставления перевода с оригиналом и учета связей того и другого с эпохой, с национальной средой, с литературным окружением, с мировоззрением и эстетикой автора и переводчика»⁵⁴.

Несомненно, перед переводчиками стоит трудоемкая, чрезвычайно сложная задача. По словам исследователя, при переводе художественной литературы актуальна творческая личность переводчика, его способность расширять свои собственные художественные возможности.

При рассмотрении теории художественного перевода, мы особое внимание обращает на книгу английского филолога Т. Сэвори «Искусство перевода»⁵⁵. В этом труде ученый представил условия переводческой деятельности в такой системе парадоксальных оппозиций:

⁵³ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 293.

⁵⁴ Федоров А.В. Указ. соч. – С. 294.

⁵⁵ Сейвори Т. Искусство перевода. – Лондон, 1952.

Перевод должен передавать слова оригинала.

Перевод должен передавать мысли оригинала.

Перевод должен читаться как перевод.

Перевод должен читаться как оригинал.

Перевод должен отражать стиль оригинала.

Перевод должен отражать стиль переводчика.

Перевод должен читаться как текст, современный оригиналу.

Перевод должен читаться как текст, современный переводчику.

Переводчик не вправе прибавлять нечто к оригиналу или убавлять.

Переводчик вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.

Стихи следует переводить прозой.

Стихи следует переводить стихами.

«Самые разные и противоположные требования к переводу могут быть обоснованы, и в каждом конкретном случае перевода нет и не может быть абсолютного решения»⁵⁶, – комментирует П.М. Топер парадоксальные умозаключения Т.Савори.

Видимо, по мнению Т. Сэвори, целью перевода, является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом. Ученый отмечает, что в истории и культуре вольный и буквальный переводы сменяют друг друга. В зависимости от эпох и разных культур побеждают то одни, то другие представления о переводе. Вследствие этого трудности, стоящие перед переводчиком, неисчислимы. Первая из них – понимание оригинала, потому что ошибка, вызванная непониманием текста, считается серьезным ударом по репутации переводчика. Одной из самых сложных трудно-

⁵⁶ Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000. – С. 32.

стей является та, когда язык оригинала и перевода принадлежит к разным культурам. Это именно наш случай.

Большой вклад в разработку вопросов теории художественного перевода внес грузинский ученый, профессор Г. Гачечиладзе. В частности, интересна его мысль о том, что «художественный перевод есть вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность. Соответственно своему мировоззрению переводчик отражает художественную действительность избранного им произведения в единстве формы и содержания»⁵⁷. Далее он отмечает, что художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполняется: «Взаимообогащение посредством перевода не меняет русло течения национальной культуры»⁵⁸.

В статье «Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема» И. Шайтанов обсуждает работу Вальтера Беньямина «Задача переводчика». Предисловие к переводу "Парижских картин" Бодлера» (1923 г.). Прежде чем говорить о Беньямине, автор напоминает несколько крылатых выражений, посвященных переводу: Вольтер сравнил перевод с женщиной: если красива, то неверна, если верна, то некрасива. Пушкин увидел другую аналогию: «Переводчики – почтовые лошади просвещения». Значит, Вольтер говорит о переводном тексте, а Пушкин – о культурной роли переводчика. Гете со своим афоризмом занимает промежуточную позицию – между иронией и серьезностью, между суждением о переводном тексте и ролью, которую исполняет переводчик: «Переводчики – это хлопотливые сводники, всячески

⁵⁷ Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – 2-е изд. – М.: Сов. писатель, 1980. – С. 95.

⁵⁸ Гачечиладзе Г.Р. Указ. соч. – С. 102.

выхваляющие нам полускрытую вуалью красавицу; они возбуждают неоспоримое стремление к оригиналу»⁵⁹.

Затем И. Шайтанов отмечает, что Беньямин отказался не только судить о красотах переводного текста, но и рассматривать его с точки зрения верности оригиналу. Так как главная задача переводчика, по Беньямину, – в отношении не оригинала, а своего собственного языка. Перевод совершается между двумя языками и двумя культурами. Они не могут совпадать по своим возможностям и уровню зрелости. Переводимость – именно так поставил Беньямин проблему перевода как компаративную.

На вопрос «почему Толстого, Достоевского, Чехова оценить в переводе легче, чем Пушкина?» Шайтанов отвечает, что Пушкин – «прежде всего поэт, никогда не буден исчерпан. "Сложных" русских поэтов XX века перевели и оценили, а Пушкин – по-прежнему идет по разделу "таинственной русской души". Слишком велика и потому непереводаема его культурная роль, которая была исполнена к тому же в стилистике и круге образов, имеющих для носителей других европейских языков и культур совершенно иные ассоциации»⁶⁰.

Резюмируя свои наблюдения, И. Шайтанов пишет: «Два требования к переводчику останутся неизменными: в достаточной мере понимать чужой язык и в еще большей – владеть своим. Но не менее важно то, что совершается между этими требованиями. Сегодня к этому пространству "между" – между пониманием и исполнением – прикован наиболее напряженный интерес. Это пространство культуры, в том числе и языковой культуры, где живет оригинал и рождается переводной текст. Их несовпадение, их продуктивная

⁵⁹ Шайтанов И. Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема. // Вопросы литературы. – 2009, Март-апрель. – С. 7.

⁶⁰ Шайтанов И. Указ. соч. – С. 10.

разность диктуют задачу переводчику, если он работает не столько для истории литературы, сколько литературы для читателя»⁶¹.

Одной из важнейших в теории художественного перевода является проблема переводческой эквивалентности. Безусловно, переводческий эквивалент является вторичным текстом по отношению к подлиннику. По определению, эквивалентным является то, что равнозначно другому, полностью его заменяет. Однако в действительности переводческие эквиваленты никогда не бывают равнозначной заменой оригинала потому, что у каждого переводчика есть неповторимая индивидуальность, которая требует независимости от другой личности. Сюда же входит проблема соответствия между культурами и языками исходного текста и перевода.

Рассматривая художественный текст в рамках культуры и перевода, В.А. Разумовская утверждает, что культурный контекст занимает важное положение в теории художественного перевода. По ее мнению, «введение понятия "культурный контекст" при рассмотрении переводческих проблем позволило более объективно и детально подойти к вопросу качества художественного перевода, а также к вопросам его адекватности и эквивалентности»⁶². С этим мнением нельзя не согласиться.

Соглашаясь с ученым А. Лефевром, В.А. Разумовская пишет о двух типах культуры: в одних "текстовые решетки" обнаруживают значительные совпадения, в этом случае оригинальный и переводной тексты займут практически одинаковое место. Примером могут служить французская, английская, немецкая культуры, основывающиеся на греко-римской античной традиции. Другие культуры обладают уникальными "текстовыми решетками", структура которых не имеет аналогов и характеризуется исконной гомоген-

⁶¹ Шайтанов И. Указ. соч. – С. 26.

⁶² Разумовская В.А. Художественный текст в решетках культуры и переводе [Электронный ресурс] // Вестник Тюменского гос. ун-та, 2011, № 1. – С. 207. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16892893>

ностью. Ярким примером могут являться японская, китайская, вьетнамская культуры. Подобный культурно-контекстуальный подход к художественному переводу указывает, насколько сложно и интересно переводить любое художественное произведение с русского языка на вьетнамский.

Подводя итог всему выше сказанному, мы акцентируем внимание на особой сложности именно художественного перевода, так как он обладает повышенной смысловой нагруженностью. Кроме того, он неизбежно всесторонне осмысливается с точки зрения оригинала. На восприятие текста влияет многое: культура, национальные особенности, бытовая жизнь, исторические реалии... Очевидно, это трудное, творческое дело. Переводчик должен владеть языком той литературы, с которой переводится произведение, глубоко понимать текст, авторский замысел, иметь высокий уровень культуры, эстетическое чутье и творческое мастерство. Важнейшей целью перевода, с нашей точки зрения, является установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстом. Уровень эквивалентности обуславливается степенью содержательно-формальной близости оригинала и перевода.

Глава 2. Толстой во Вьетнаме

§ 1. Переводные произведения Л. Толстого во Вьетнаме

В отличие от Японии, Китая, Индии, Вьетнам принял Л. Толстого прежде всего как выдающегося писателя в период первоначального знакомства, пройдя мимо его нравственно-философского наследия. Большое количество переводных его художественных произведений в нашей стране является ярким доказательством нашего суждения.

С нашей точки зрения, в зависимости от исторической обстановки во Вьетнаме перевод произведений Толстого можно разделить на три периода: с 20-х годов до 1945 года, с 1945 до 1975 года, с 1975 года до наших дней.

2.1.1. Переводные произведения Л. Толстого с 20-х годов XX века до 1945 года

С 20-х годов до 1945 года интерес к русской культуре был слабо развит из-за строгой французской цензуры. В колониальном Вьетнаме, кроме французского языка, считавшегося официальным в школе и вузе, другие языки, в том числе вьетнамский язык, были оттеснены на задний план. Оценивая это явление, в своей диссертации Ты Тхи Лоан пишет: «Передовая вьетнамская молодежь до революции уже знала русскую и советскую литературу, главным образом, в переводах на французский <...>. Только после революции русская и советская литература получила возможность стать широко известной вьетнамскому читателю»⁶³. Поэтому лишь вьетнамские интеллигенты, хорошо владевшие французским языком, узнавшие Л. Толстого через «европейскую дверь», смогли познакомиться с его произведениями, перевести их на вьетнамский язык, написать книги о писателе. Отсюда и единичность переводов русской классики в этот период во Вьетнаме.

Знаменательно, что первым переводным произведением Толстого был роман «Воскресение» (1927 г.). Путь нравственного самоусовершенствования личности, ведущий к оздоровлению общества в целом, предложенный Толстым в его последнем романе, показался переводчику актуальным для Вьетнама.

⁶³ Ты Тхи Лоан. Проблемы поэтического перевода с русского на вьетнамский язык (на материале переводов стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина и др.): дисс... канд. филолог. наук. – М., 1992. – С. 48.

Вьетнамский литературовед и переводчик Ву Нгок Фан случайно приобрел на аукционе роман «Анна Каренина» на французском языке, в 1937 году он приступил к переводу, который одновременно потом печатался в двух журналах в Ханое и в Хюэ – императорской столице в то время. В 40-е годы этот перевод вышел отдельным изданием, но не полностью. Его публикация прервалась из-за Второй мировой войны.

Традиции перевода русской литературы только зарождались во Вьетнаме. Первые переводчики, в том числе Ву Нгок Фан, не зная русского языка, встретились с многими трудностями в процессе перевода. Например, проблема с именами героев. «Ву Нгок Фан в своем переводе пошел на смелый эксперимент: если не на вьетнамизацию, то на адаптацию имен»⁶⁴, то есть транскрибирование русских имен по латинским буквам. Так, Каренин в переводе звучит как «Кха Ле Нинь», Вронский – «Вьонг Ки»...

В статье вьетнамского писателя, переводчика Чан Фонг Зао «Несколько мыслей для примечания» написано, что до 1945 года были переводы отдельные художественные произведения Толстого и несколько книг о нем. Однако этот процесс «был разрозненным и вскоре обратился к человеколюбию автора в большей степени, чем к ценностям его творчества и идеологии»⁶⁵.

Соглашаемся со словами российского востоковеда, вьетнамиста, литературоведа Н.И. Никулина: «В целом знакомство с творчеством Л. Толстого во Вьетнаме до 1945г. было несистематическим, очень неполным; восприятие его часто оказывалось неглубоким и субъективным, ограничивалось узким кругом интеллигенции, студенчества, учащихся, но и тогда оно было заметным фактом в их духовной жизни, вдохновляющим стимулом писательского

⁶⁴ Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М.: Наследие, 2000. – С. 155.

⁶⁵ Чан Фонг Зао. Несколько мыслей для примечания // Литература, 1969, № 128. – С. 80.

труда, способствовавшим становлению новой прозы во вьетнамской литературе»⁶⁶.

Несмотря на то, что в настоящее время первые переводные произведения Л. Толстого не читаются из-за их устарелости, но они служат историческими памятниками, которые в прошлом способствовали адаптации русской литературы во Вьетнаме и модернизации вьетнамской литературы.

2.1.2. Переводные произведения Л. Толстого с 1945 до 1975 гг.

Несмотря на то, что после завершения Августовской революции в 1945 году Вьетнам получил победу и стал независимой страной, именуемой «Демократическая Республика Вьетнам», с 1946 до 1975 годов наш народ продолжал борьбу против французских и американских захватчиков.

Следует отметить, что переводческая деятельность во Вьетнаме прервалась с 1946 до 1954 годов из-за тяжелой войны с французами. В период 1954-1975 годов Вьетнам был разделен на две части: Север и Юг. После победы над французскими колонизаторами вьетнамский народ начал строительство мирной жизни на Севере и борьбу против американских империалистов на Юге. Американская империя сделала все, чтобы Юг Вьетнама стал колонией нового типа, одновременно в этом регионе проводилась линия на стихийное развитие культуры, литературы и искусства. В результате чего появилось культурное различие между двумя зонами, в частности в переводе толстовских произведений.

В журнале «Культура и искусство» доцент, преподаватель Хошиминского педагогического университета Чан Тхи Куинь Нга пишет: «Можно сказать, что Л. Толстой пришел к вьетнамским читателям в той обстановке, когда борьба нашего народа против американцев остро и сурово продолжалась.

⁶⁶ Никулин Н.И. Указ. соч. – С. 156.

Вьетнамские читатели находили в творчестве писателя картины жизни, образы, идеи и чувства, близкие им»⁶⁷. Следует поддержать эту идею. Следовательно, больше чем когда-нибудь творчество русского художника интенсивно переведено на вьетнамский язык именно в это время. Во время войны Л. Толстой стал задушевым другом, произведения которого утешали миллионы сердец вьетнамцев.

С 1954 года Север Вьетнама стал членом социалистических государств. Вследствие чего постепенно развертывается огромная работа по изучению, распространению и переводу русской классической литературы, формируется вьетнамская русистика, ряды которой пополняются выпускниками вузов СССР, а также кандидатами и докторами наук, которые защитили диссертации в советских университетах и институтах.

Л. Толстой и его произведения входили в духовный мир вьетнамских читателей, осмысливались ими. В отличие от сайгонских переводчиков и филологов, у писателей и ученых Северного Вьетнама было обострено восприятие творчества Толстого в его тесной связи с освободительным движением. По причине чего самым близким и понятным для вьетнамского читателя стал основной пафос «Войны и мира». Говорим словами известного вьетнамского писателя Нгуен Туана об этом романе: «<...> еще не было такого пространного, такого захватывающего, такого великого антивоенного обвинительного акта»⁶⁸.

В журнале «Искусство» (№ 11/1960) публиковался на вьетнамском языке отрывок из «Войны и мира» («Наполеон перед Москвой»). Этот отрывок напомнил вьетнамцам о недалеком времени, когда Столичный полк и жители Ханоя отступали от столицы в течение 60 дней, об идее «жертвовать собой

⁶⁷ Чан Тхи Куинь Нга. Лев Толстой во Вьетнаме // Литература и искусство, 2000, № 11. – С. 88.

⁶⁸ Нгуен Туан. Толстой (1828-1910) // Литература и искусство, 1960, № 11. – С. 73.

ради Родины», о славной победе вьетнамской народной армии в битве Диен-биенфу.

В 1961-1962 годах на Севере Вьетнама был издан полный перевод в четырех томах романа-эпопеи «Война и мир», переводчиками которого явились Као Суан Хао, Ньы Тхань, Хоанг Тхиеу Шон, Чыонг Суен. Их работа была сделана с языков-посредников, французского и английского. В 1976-1977 годов она была отредактирована вьетнамским филологом Као Суан Хао на основе оригинала на русском языке. По оценке специалистов, этот перевод является сложным, трудоемким, удачным, он стал историческим памятником русской переводной литературы во Вьетнаме.

После славного происшествия в 1954 году вьетнамцы, как и русские после 1812 года, чувствовали себя победителями французов. В результате чего в нашей стране роман «Война и мир» становился еще более притягательным, трогательным.

На толстовском вечере в Доме дружбы народов в Москве вьетнамский писатель Нгуен Конг Хоан рассказал об одном вьетнамском юноше-мещанине. Несмотря на то, что французы-колонизаторы в то время всячески препятствовали тому, чтобы вьетнамская молодежь читала книги писателей России, страны коммунизма, этот человек прочел книги Толстого и понял, что должен стать на путь духовного совершенствования и бросить праздный образ жизни человека «*comme il faut*». Оставив родителей, сбросив мещанское благополучие, он стал участником Сопrotивления. В вещевом мешке он носил переписанный им от руки роман «Анна Каренина» на вьетнамском языке. «Это был поистине огромный труд, – говорил Нгуен Конг Хоан. – тот

юноша пронес книгу Толстого по тяжелым, залитым кровью дорогам войны; эта книга прошла вместе с ним, может быть, тысячи километров»⁶⁹.

Писатель Нгуен Минь Тьяу в статье «Чудесное значение литературного произведения» вспоминает событие, когда раненные солдаты читают «Войну и мир» на фронте Кхе Сань: «Товарищи больше всего читают роман «Война и мир». Все они – школьники на Севере, культурные, многие из них читали роман Толстого с детства. Именно эти товарищи теперь снова читают, запоем и радостно читают, как бы нашли интересные страницы, которые раньше пропускали»⁷⁰.

Выдающийся поэт Хоанг Чунг Тхонг не преувеличивал, когда писал, что во время войны произведения Л. Толстого «читали на боевых позициях, в разрушенных поселках, деревнях, городах. Бойцы, совершавшие марш по Тропе Хо Ши Мина, несли с собой переводы «Войны и мира», «Воскресения», «Анны Каренины». Это были измятые книги, потому, что их передавали из рук в руки на военных дорогах»⁷¹.

Роман «Анна Каренина» впервые был переведен в 1940-х годах писателем Ву Нгок Фан. С 1963 до 1964 годов два переводчика Ньи Ка и Зыонг Тыонг перевели его на вьетнамский язык с французского языка. Ньи Ка объясняет причину актуальности этого романа для Вьетнама того времени: «Современные вьетнамские читатели обращаются к жизни прошлых времен, изображенной в "Анне Карениной" для того, чтобы понять общество, похожее на вьетнамское, накануне Августовской революции, ясно увидеть экс-

⁶⁹ Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство: в 2-х кн. [Ред. С.А. Макашин]. – М.: Наука, 1965. Кн. 1. – С. 255.

⁷⁰ Нгуен Минь Тьяу. Чудесное значение литературного произведения // Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. – Хошимин, «Молодость», 2006. – С. 148.

⁷¹ Хоанг Чунг Тхонг. Лев Толстой и мы // Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. – Хошимин, «Молодость», 2006. – С. 151.

плуататорский характер старого строя, доверять новой формации, перспективе народа и будущности человечества»⁷².

В 70-х годах были изданы: «Севастопольские рассказы», «Утро помещика», «Люцерн», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хаджи Мурат» и т. д. В 1970 году талантливые переводчики Фунг Уонг, Нгуен Нам, Нгок Ан, Мок Нгиа совершили перевод романа «Воскресение» с языка оригинала с помощью других переводов (французского перевода Е. Beaux, Н. Kaninski, Teodor de Wezewa, английского перевода L. Kolesnikе, китайского перевода Ныи Лонг). Как и другие произведения Толстого, роман «Воскресение» переводился «под бомбами», в условиях воздушной войны против Северного Вьетнама. Он был опубликован в Ханое в двух томах и высоко оценен вьетнамскими критиками и исследователями. Вьетнамский литературовед Ле Шон так оценивает работу этой группы переводчиков: «Если Толстой потратил десять лет на создание книги, то переводчикам понадобилось столько же времени, чтобы увидеть "Воскресение" изданным»⁷³.

Обратим внимание на предисловие к этому переводу, которое было написано самими переводчиками. Авторы предисловия подчеркивают высокий реалистический накал романа «Воскресение». По их мнению, Л. Толстой нанес сокрушительный удар по царскому правительству, осветил важнейшие стороны жизни России конца XIX века с точки зрения угнетенного крестьянства.

Следует сказать, что Лев Толстой является одним из трех известных русских писателей, главные произведения которого рано были переведены на вьетнамский язык. С 1954 до 1975 годов многие переводы произведений Л. Толстого были изданы на Севере и на Юге Вьетнама. Например, «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Отец Сергей»... Кроме того, есть

⁷² Ныи Ка. Введение // Толстой. Анна Каренина. – Ханой, 1978. Т. 1. – С. 82-83.

⁷³ Ле Шон. Читая «Воскресение» Л. Толстого // Литература и искусство. 17.12.1971.

толстовские произведения, имеющие несколько переводов: «Война и мир», «Воскресение», «Казачьи»... Однако, некоторые переводные произведения Толстого были опубликованы на Юге, но не стали популярны на Севере Вьетнама.

Южный массовый читатель начал знакомиться с Толстым с конца 50-х годов, когда в журналах «Настоящая культура» и «Энциклопедия» были напечатаны «Соната» (т. е. «Крейцера соната»), «Смерть Андрея», «Настроение раненого солдата» (фрагменты «Войны и мира»)... Кроме книг и газет, был еще один путь знакомства жителей Южного Вьетнама с русской литературой – через передачи радио Ханоя.

Во второй половине 60-х–70-х годов в Сайгоне, центре Южного Вьетнама, переводятся и издаются толстовские романы, повести, народные рассказы: «Смерть Ивана Ильича», «Много ли человеку земли нужно?», «Три смерти», «Девчонки умнее стариков», «Чем люди живы?»... Значительность таких переводов вьетнамский филолог, педагог, переводчик Нгуен Хиен Ле мотивировал тем, что «обучение теперь ведется на вьетнамском языке, и немногие из молодого поколения владеют французским»⁷⁴.

Как и на Севере, на Юге Вьетнама в период вьетнамской войны самым популярным произведением Толстого был роман-эпопея «Война и мир». Соединяя события Отечественной войны 1812 года и трагедию Вьетнама второй половины XX века, Нгуен Хиен Ле высказывается: «Пока мы в течение полутора лет работали над переводом, в нашем сознании образы разрушений в Сайгоне, Хюэ, Ханое, бесконечные толпы беженцев, грабежи, бунты на земле Вьетнама сливались с образами Москвы, Смоленска, Калужской дороги, Мытищ полуторавековой давности»⁷⁵.

⁷⁴ Нгуен Хиен Ле. Благодарность издательству // Литература, 1969, № 128. – С. 19.

⁷⁵ Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Лев Толстой. Война и мир. – Сайгон, 1969. – С. 106.

В 1969 году в Сайгоне появились два перевода романа «Война и мир». Один из них выполнил Нгуен Дан Там на основе краткого перевода Manuel Komroff с французского языка. В этой работе отброшены главы об истории, религии, философии. Этот способ перевода принят многими людьми для быстрого знакомства с содержанием произведения.

Над другим переводом, четырехтомным, в течение трех лет серьезно работал филолог Нгуен Хиен Ле. Этот перевод является удачным и трудоемким. Во время работы Нгуен Хиен Ле прочитал четыре перевода, сравнил их друг друга, написал предисловие и составил таблицу о связях между персонажами «Войны и мира». Говоря о сложности перевода с любого языка на вьетнамский язык, переводчик в статье «Благодарность издательству» пишет: «В переводе европейских романов мы встречаем трудность в том, как персонажи называют друг друга: в французском языке только je, tu, vous, il, elle, во вьетнамском – той, тао, та, кон, чау, ань, ем, май, чу, бак, онь, ба, хан, но... надо выбрать их в конкретной сцене»⁷⁶. (Здесь мы сохраним слова автора с целью показать сложность использования вьетнамских личных местоимений. Вьетнамцы выбирают разные личные местоимения для выражении своего отношения к собеседнику).

В начале 70-х годов на Юге Вьетнама появилось большое количество переводных произведений Л. Толстого. Характерно, что переводчики произвольно меняли названия оригинала с целью завлечь читателей. Примеры: «Прекрасная соната» (т.е. «Крейцерова соната»), «Земля оживления» (т.е. «Воскресение»), «Любовь в траншеях» (т.е. «Севастопольские рассказы») и т. д. Причина состояла в том, что в этот период в Сайгоне существовало около полутора сотен издательств, конкурирующих друг с другом. Для них важны были не литературные шедевры, а интерес читателей.

⁷⁶ Нгуен Хиен Ле. Благодарность издательству // Литература, 1969, № 128. – С. 20.

Выбор творчества Л. Толстого для перевода не избежал этой печальной участи. Кроме того, как и все произведения русской классики, в Сайгоне Толстой переводился с языков-посредников, в основном, с французского, без сравнения с языком подлинника. Поэтому не всегда удавалось передать богатство красок, сложность характеров, иногда искажалось содержание оригинала. К примеру, в 1973 году в Сайгоне был опубликован перевод «Воскресения» под названием «Земля оживления», в предисловии к которому подчеркивались противоречия русского писателя в рекламном стиле: «"Земля оживления" – свидетельство возрождения гения Толстого, этого гениального писателя, этого упрямого, как ребенок, старца, этого революционера и второго российского императора, этой бочки с порохом и апостола непротивления злу насилем»⁷⁷. Кажется, эти слова написаны с целью привлечения читателей к произведению. Причина состоит в том, что, делая акцент на сложных моментах биографии Л. Толстого, издательство Фу Са не пытался раскрыть истоки его противоречий.

2.1.3. Переводные произведения Л. Толстого с 1975 года до наших дней

После победы над американцами в 1975 году, после объединения двух частей Вьетнама северная и южная литература перестала существовать. Однако с 1975 года до наших дней во Вьетнаме русская литература не так много переводится, как во время войны. Вьетнамские издательства предпочитают переиздавать ранее сделанные переводы, реже обращаются к новым выпускам.

⁷⁷ Фу Са. Толстой, «Воскресение» // Лев Толстой. Воскресение. – Сайгон, 1973. – С. 15.

Авторитетное издательство «Литература» перепечатало переводы романов «Война и мира» (в 1976-1979 годах), «Анна Каренина» (в 1978 году), «Воскресение» (в 1993 году) огромными тиражами. В 1984 году в этом издательстве был опубликован сборник избранных рассказов Л. Толстого, который выполнен двумя талантливыми переводчиками, исследователями Нгуен Хай Ха и Тхюи Тоан. Этот сборник представил русского писателя не только как автора выдающихся романов, но и литератором малых жанров.

С начала 90-х годов после распада Советского Союза культурный обмен между Россией и Вьетнамом сократился. Поэтому значительно уменьшилось число переводов и изданий русской классики во Вьетнаме, в том числе и произведений Толстого.

С 1975 года до наших дней во Вьетнаме появляются некоторые новые переводы произведений Толстого: «Крейцера соната» (2000 г.), «Детство» (2001 г.), «Три смерти» (2010 г.), «Кавказский пленник» (2010 г.), «Моя вера» (2010 г.), «Много ли человеку земли нужно?» (2010 г.), «Исповедь» (2010 г.)...

Обозначим некоторые сложности, существующие в функционировании переводных произведений Л. Толстого:

- не все произведения русского писателя переведены на вьетнамский язык;
- многие из существующих переводов катастрофически устарели;
- не все переводы отличаются высоким качеством, многие из них нуждаются в редакторской правке, в сравнении с оригиналом;
- современные издательства мало заинтересованы в заказах на новые переводные версии.

До сих пор во Вьетнаме не имеется сборника всех переводных произведений Л. Толстого.

Вьетнамские читатели давно познакомились с Толстым, гениальным художником, но мало людей, которые знают Толстого-мыслителя. В докладе «Перевод и издание произведения Толстого во Вьетнаме. Успехи и актуальные проблемы», прочитанном на международной конференции в Ясной Поляне в 2009 году, доцент Фам Винь Кы отметил: «Наследие Толстого-идеолога не знают массовые читатели и многие из них еще сохраняют устарелое предупреждение, что Толстой – замечательный писатель, но плохой мыслитель, который им не полезен»⁷⁸. В 2010 году к 100-летию со дня смерти Л. Толстого книга «Лев Толстой. Путь жизни. Избранные письма и трактаты»⁷⁹ была издана в целях знакомства вьетнамских читателей с Толстым-идеологом. Эта работа оказалась удачной и авторитетной, так как над переводом серьезно и эффективно работали самые талантливые переводчики и исследователи.

Надеемся, что интерес к наследию Толстого в полном объеме в ближайшее время будет возрастать. Мы подводим итог словами вьетнамского писателя Хоанг Чунг Тхонг: «Лев Толстой не только является замечательным писателем русского народа, но и представляет собой замечательного писателя нашего вьетнамского народа в настоящее время»⁸⁰.

§2. Исследование жизни и творчества Толстого во Вьетнаме

Л. Толстой пришел во Вьетнам на рубеже 1920-1930-х годов и его произведениями быстро заинтересовались вьетнамские читатели. Толстой сыграл и до сих пор играет важную роль в сближении вьетнамской и русской литературы. Его жизнь и творчество стали объектом серьезных исследований вьетнамскими филологами.

⁷⁸ Фам Винь Кы. Перевод и издание Толстого во Вьетнаме. Успехи и актуальные проблемы // Зарубежная литература, 2010. № 11. – С. 125.

⁷⁹ Лев Толстой. Путь жизни. Избранные письма и трактаты /

⁸⁰ Хоанг Чунг Тхонг. Указ. соч. – С. 151.

Мы разделяем исследование и критику Толстого, как и историю публикации его переводных произведений, на три периода в соответствии с вьетнамской исторической обстановкой: с 20-х годов до 1945 года, с 1945 до 1975 годов, с 1975 года до наших дней.

2.2.1. Знакомство вьетнамских читателей с творчеством Толстого до 1945 года

В начале XX века передовая вьетнамская молодежь уже познакомилась с русской литературой, главным образом через франкоязычные переводы. Одним из первых вьетнамских читателей, который начал читать произведения Толстого, является бывший президент Вьетнама Хо Ши Мин (1890-1969). В статье, посвященной пятидесятилетию со дня смерти Толстого, он назвал себя «учеником великого русского писателя»⁸¹. По его признанию, первое знакомство с повестью Л. Толстого, название которой он забыл и которую он прочитал на французском языке в Париже в 1922 году, послужило толчком к созданию его собственных очерков и рассказов. Речь, как это очевидно из содержания статьи, шла о повести «Отец Сергей». По-видимому, Хо Ши Мин воспринимал эту повесть на основе хорошо ему знакомых вьетнамских повествовательных поэм XVIII-XIX веков, в которых нормы конфуцианской морали (верность монарху, т. е. «чунг киен» на вьетнамском языке) приходят в конфликт с реальной жизнью, и он увидел в этом произведении «осуждение феодальной морали»⁸², русского царя, с одной стороны, с другой – русской Церкви и ее слуг.

Для этого интеллигента самым интересным и удивительным у русского непревзойденного художника был реалистический принцип изображения жизни: «Стиль Толстого был настолько прост, ясен и понятен, что он увлек

⁸¹ Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство: Т. 75, в 2 кн. – М.: Наука, 1965. – Кн. 1. – С. 294.

⁸² Толстой и зарубежный мир. Указ. соч. – С. 293.

меня. Охваченный юношеским порывом, я соскочил с постели, хотя в ту зиму было очень холодно, и особенно холодно в моей нетопленной комнате в гостинице. Я произнес вслух: "Совсем не так уж трудно написать небольшую повесть. Я тоже могу написать"»⁸³. Здесь Хо Ши Мин говорит о главном принципе искусства, в частности литературы: наблюдение и истинное отображение жизни. Это стало началом творческого пути молодого вьетнамского писателя, внесшего впоследствии значительный вклад в становление современной вьетнамской прозы. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что именно Л. Толстой стоял у истоков революционной вьетнамской литературы.

После появления первого перевода романа «Воскресение», в 1928 году в газете «Донг Фап Тхой Бао» знаменитый писатель, журналист Фан Кхой (1887-1959) восхищался Толстым, защитником интересов трудового класса, противником русского феодализма и Церкви: «Не шутя, перо великого писателя может сопротивляться войску, медным судам, железному оружию, а также тяжелым законам, которые установлены для подавления всего общества»⁸⁴. Особое внимание Фан Кхой обратил на Определение Святейшего Синода от 20-22 февраля 1901 года, констатировавшего отпадение Толстого от русской Православной Церкви, и на реакцию русского общества на это решение. Вьетнамский интеллигент оказался единодушен с подавляющим большинством русской интеллигенции, в штыки воспринявшей это Определение. Он даже попытался усилить накал негодования, под напором которого, по его словам, император Николай II, якобы отменил решение Синода.

В 1933 году в газете «Нейтралитет» известный журналист, писатель, революционер Нгуен Ан Нинь (1900-1943) публикует три статьи о Толстом: «Лев Толстой и его произведения» (№ 6971), «Жизнь Толстого интересна не менее его произведений» (№ 6977), «Критики Толстого» (№ 6994). В первой

⁸³ Толстой и зарубежный мир. Указ. соч. – С. 293.

⁸⁴ Фан Кхой. Сила писателя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viet-studies.info/Phankhoi/PKhoi_Tolstoy.htm

статье автор утверждает, что Толстого уважает весь мир, особенно молодежь, за его человеколюбие. В конце говорится: «Произведения Л. Толстого прекрасно учит нас. К сожалению, наш народ мало знает такого писателя»⁸⁵.

На наш взгляд, очень важна третья статья Нгуен Ан Нинь о Толстом, являющаяся ответом на статью читателя Нгуен Хоань «Несколько слов господину Н. о жизни Льва Толстого» (газета «Нейтралитет», № 6983). Нгуен Хоань высоко оценил творчество Толстого, его трезвый взгляд на общественные горячие проблемы, но непротивленчество Толстого показалось ему неактуальным, и даже вредным для вьетнамского народа. Нгуен Ан Нинь должен был высказаться по этому поводу: «Лев Толстой жаждет жить по укладу простого народа, делить с ним его страдания, разорвать свою связь с классом людей богатых и властных. Он хочет искоренить беду, уничтожить «паутину» в головах людей с частнособственническими идеями. На самом деле паутина рвется нелегко. Толстой разорвал паутину только в своем воображении»⁸⁶. Обратим внимание на то, как актуализирована толстовская проблематика для вьетнамской реальности.

Известный писатель, драматург Нгуен Хюи Тьонг (1912-1960) начал писать дневник в ноябре 1930 года. На первой странице дневника он рассказал о своих впечатлениях от романа Л. Толстого «Воскресение»: «Роман трогателен с начала до конца, его этика советует человеку считать самосовершенствование корнем, рекомендует спасать людей, помогать другим в выборе правильного пути, советует избегать эгоизма, зла и лжи; идеи возвышены, после чтения романа у меня появилось желание смирения перед жизнью»⁸⁷. Как видим, весь спектр толстовского учения от тотального неприятия зашедшей в тупик современной цивилизации до рецепта искоренения зла путем непро-

⁸⁵ Лай Нгуен Ан. Некоторые вьетнамские газетные материалы о Л. Толстом в 1920-30-х годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phongdiep.net/default.asp?action=article&ID=11661>

⁸⁶ Лай Нгуен Ан. Некоторые вьетнамские газетные материалы о Л. Толстом в 1920-30-х годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phongdiep.net/default.asp?action=article&ID=11661>

⁸⁷ Нгуен Хюи Тьонг. Дневник: в 3 т. – Ханой: Молодежь, 2006. – Т. 1. – С. 7.

тивления, самосовершенствования оказался востребованным первыми вьетнамскими интеллектуалами.

Писатель Нгуенг Хонг (1918-1982) вспоминает: «Возвращаясь в Хай Фонг в начале осени 1937 года, я брал и даже покупал книги Л. Толстого, Горького и книги издательства Общество Французской коммунистической Партии»⁸⁸. Он же пишет и о тех чувствах, которые волновали его при чтении произведений русского классика: «Спустя много лет, когда вспоминаю о Толстом, во мне возникает представление о свете и прохладном ветре с белой вершины горы, льющих ко мне, накатывающих на мою душу, уносящих стеснение и взлетающих на крыльях»⁸⁹.

Писатель Ньы Фонг (1917-1985), по его собственному признанию, вырослел, читая бессонными ночами в шестнадцатилетнем возрасте "Воскресение" Л. Толстого»⁹⁰.

До 1945 года интерес к творчеству Толстого был слабо развит из-за строгой французской цензуры: «Большинство книг и газет, изданных до 1945 года, ныне превратились в раритеты, поэтому составить даже самую неполную библиографию статей и книг о Толстом, переводов его произведений того периода стало делом чрезвычайно трудным»⁹¹.

В начале XX века во вьетнамской литературе состоялся острый спор между двумя школами: «искусство для искусства» и «искусство ради человеческой жизни». Самым ярким представителем первой школы является писатель Хоай Тхань, а лидером второй школы – Хай Чиеу. В этой обстановке русские писатели, в том числе Л. Толстой, стали великими учителями для вьетнамских литераторов.

⁸⁸ Нгуен Хонг. Мой литературный путь. Ханой, Литература, 1970. – С. 139.

⁸⁹ Нгуен Хонг. Такое чудесное произведение пришло ко мне // Литература, Ханой, № 224, 11/1962.

⁹⁰ Ньы Фонг. Суждение о литературе. – Ханой: Литература, 1977. – С. 228.

⁹¹ Чан Фонг Зао. Несколько мыслей для примечания // Литература. – 1969, № 128. – С. 81.

Отрицая идею о свободе литературы от человеческой жизни, писатель Хай Чиеу считает, что литература вносит огромный вклад в дело воспитания человеческой души. Доказывая свою мысль, он говорит: «Искусство является богатством общественного быта»⁹². Далее, утверждая свое мнение, он цитирует слова Толстого из трактатов «Что такое искусство?», «Так что же нам делать»: *«Испытывает человек это чувство, заражается тем состоянием души, в котором находится автор, и чувствует свое слияние с другими людьми, то предмет, вызывающий это состояние, есть искусство»* [30, с. 149]; *«Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение»* [25, с. 373]. По мысли вьетнамского критика, искусство – это заразительный способ передачи чувства; художник или мыслитель должен быть всегда в действиях, указывать человечеству путь освобождения от нынешней обездоленной ситуации для новых и лучших дел. Несомненно, Л. Толстой оказал огромное влияние на мировоззрение этого вьетнамского писателя, который в значительной степени определял литературно-критическую политику в 30-х годах прошлого столетия.

Видный вьетнамский писатель Ньят Линь видит особую связь между литературой и реальной жизнью в творчестве Толстого: «<...> "Анна Каренина" не искусство, не описание жизни, а сама жизнь, трогательная и эмоциональная, не только внешняя, но и внутренняя, таинственная духовная жизнь»⁹³. По его мнению, многие фрагменты в «Братьях Карамазовых» (Достоевский) и «Войне и мире» (Толстой) являются правдой жизни.

⁹² Хай Чиеу. О литературе и искусстве. – Ханой: Литература, 1969. – С. 20.

⁹³ Суждение о романах во вьетнамской литературе (с начала XX века до 1945 года) / Выонг Чи Ньян собрал и составил. – Ханой, изд-во «Сообщество писателей». 2000. – С. 411.

Знаменитый писатель Тхать Лам пишет: «То, что мы считаем маленьким, мелочным, является необходимым в интересном романе»⁹⁴. Сравнивая героинь Флобера и Толстого (мадам Бовари и Анна Каренина), он отдает безусловное предпочтение героине русского писателя: душевная трагедия героини Флобера представляется ему искусственной, а героини Толстого естественной⁹⁵.

При первом знакомстве с творчеством Толстого вьетнамские интеллигенты еще не смогли увидеть специфику толстовского психологизма, определенную Н.Г. Чернышевским как «диалектика души», но им оказались близки и понятны «противленческие» идеи Толстого. Гуманистические идеи Л. Толстого близки Востоку, они помогли русскому писателю оставить в душах вьетнамцев, особенно молодых, незабываемый нравственный след. Именно поэтому при изучении произведения Толстого большинство вьетнамских писателей и литературоведов обратили преимущественное внимание на человеколюбие выдающегося художника, а не на особенности его стиля и метода. Хотя до 1945 года во Вьетнаме восприятие идей и творчества Л. Толстого было неполным, субъективным, несистематическим, все-таки оно стало «вдохновляющим стимулом писательского труда, способствовавшим становлению новой прозы во вьетнамской литературе»⁹⁶.

2.2.2. Исследование жизни и творчества Толстого в период 1945-1975 годов

С 1946-1954 годов во Вьетнаме война против французских захватчиков была необычайно суровой и жестокой. Судьба нашего народа оказалась чрезвычайно трудной и драматической. Поэтому в течение этих лет произведения

⁹⁴ Суждение о романах во вьетнамской литературе (с начала XX века до 1945 года). Указ. соч. – С. 95.

⁹⁵ Суждение о романах во вьетнамской литературе (с начала XX века до 1945 года). Указ. соч. – С. 393.

⁹⁶ Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М.: Наследие, 2000. – С. 156.

Л. Толстого мало изучались. С 1954-1975 годов наша страна была разделена на две части. В связи с этим политический режим и литература в Северном и Южном Вьетнаме отличаются друг от друга.

«Только после установления мира в 1954 г. в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ), на севере страны, появились условия для систематического знакомства с русской классической литературой»⁹⁷. Это мнение вьетнамиста Н.И. Никулина оказывается вполне справедливым. С этого момента исследование и критика произведений русских классиков активизируются. Приведем слова видного вьетнамского писателя Нгуен Туан: «Если мы сравним русскую литературу с высокими горными вершинами, поросшими лесом, то высочайшими вершинами будут классики XIX века. И сегодня, когда мы издалека вглядываемся в них, то испытываем беспредельное уважение к ним и любовь»⁹⁸.

Отметим, что ДРВ входит в систему социалистических государств, в которой СССР становится старшим братом. Поэтому у писателей и ученых Северного Вьетнама было особенно острое восприятие творчества русских классиков, в том числе и Толстого, в тесной связи с освободительным движением.

В 1957 году талантливый критик, переводчик Хоанг Нгок Хиен (1930-2011) перевел статьи В.И. Ленина о Толстом в объеме 87 страниц. Появление этой книги стало важной вехой в исследовании Толстого на Севере Вьетнама в аспекте марксистско-ленинской идеологии. «Следует отметить, что при изучении творчества Толстого большинство вьетнамских авторов, – пишет исследователь Чан Тхань Бинь, – опиралось на ленинские статьи о писателе,

⁹⁷ Никулин Н.И. Указ. соч. – С. 162.

⁹⁸ Нгуен Туан. Толстой (1828-1910) // Литература и искусство. 1960. № 11. – С. 73.

которые явились методологической основой их анализа»⁹⁹. В это время статьи В.И. Ленина становятся основным методологическим фундаментом в литературоведении, в том числе в оценке творчества Л. Толстого. Такой подход, как это с очевидностью выявилось в дальнейшем развитии филологии, отличался односторонностью. Чан Тхань Бинь справедливо пишет: когда вьетнамские писатели и литературоведы часто и много цитируют работы В.И. Ленина о Толстом, их толкования «не только похожи друг на друга, но и отражают примитивное и безличное понимание Толстого»¹⁰⁰. Мы поддерживаем это мнение. С 1954-1975 годов северовьетнамские исследователи высоко оценивают произведения Толстого, вызывающие подъем патриотических чувств и ненависть к врагам («Война и мир», «Севастопольские рассказы», «Воскресение»...), однако проходят мимо его философских и религиозных взглядов. Докажем нашу мысль.

В статье «Толстой» известный вьетнамский писатель Нгуен Туан (1910-1987) сравнивает русского писателя с вековым деревом в широком русском литературном лесу. Он удивляется способности Толстого чутко наблюдать за человеческой душой: «Толстой наводит микроскоп для поиска проницательных деталей, предвещающих психологию»¹⁰¹. Толстой и его роман-эпопея «Война и мир» оставили у вьетнамского литератора незабываемое впечатление. Нгуен Туан называет «Войну и мир» «вершиной, возвышающейся среди пятицветных облаков на карте мировой литературы»¹⁰².

В конце своей работы Нгуен Туан пишет: «Многое из того, что Толстой говорил в своих книгах голосами героев, является шатким, неправильным, именно эти просчеты мысли Толстого критически осмысливал В. Ленин. <...>. Несмотря на эти заблуждения, Толстой велик, велик его талант, велико

⁹⁹ Чан Тхань Бинь. Изучение творчества Л.Н. Толстого в средней школе СРВ: автореф. дисс...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 8.

¹⁰⁰ Чан Тхань Бинь. Указ. соч. – С. 8.

¹⁰¹ Нгуен Туан. Толстой (1828-1910) // Литература и искусство, 1960. № 11. – С. 79-84.

¹⁰² Нгуен Туан. Указ. соч. – С. 79.

и отзывчиво его сердце»¹⁰³. Долгое время философское наследие Толстого в полном его объеме оказывалось невостребованным на Севере Вьетнама.

Напомним, что во Вьетнаме самыми близкими и понятными толстовскими произведениями являются «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение». Произведениям малых жанровых форм практически не уделялось внимания¹⁰⁴. Преподаватель Ханойского педагогического университета П Ле Тхи Тху Хиен констатирует: «Во Вьетнаме Толстой и его литературный путь упоминаются во многих курсах, научных трудах, диссертациях, исследовательских работах. Эти труды в основном изучают три бессмертных романа Толстого»¹⁰⁵.

В нашей стране роман «Война и мир» является самым известным и любимым произведением Толстого, особенно с 1954 по 1975 год. Антивоенный дух толстовского романа-эпопеи был подхвачен вьетнамскими литераторами и учеными. Для писателя Нгуен Туан «Война и мир» – «великий антивоенный обвинительный акт»¹⁰⁶. Знаменитый литературовед Нгуен Хай Ха к пятидесятилетию кончины великого русского писателя пишет об этом произведении: «Толстой нарисовал войну в истинном ее обличье»¹⁰⁷.

В долгие годы военных испытаний во второй половине XX века вьетнамских читателей интересовал в «Войне и мире» не столько «мир», сколько «война». Среди многочисленных откликов на толстовскую эпопею особенным лиризмом отмечено стихотворение видного поэта Бе Киен Куок (1949-2002):

«Скажу тебе, милая: В юности я

¹⁰³ Нгуен Туан. Указ. соч. – С. 79.

¹⁰⁴ Ле Тхи Тху Хиен. Художественный мир в рассказах Л.Н. Толстого в период 1881-1910: дисс... канд. фил. наук. 2013. – С. 4.

¹⁰⁵ Ле Тхи Тху Хиен. Указ. соч. – С. 23.

¹⁰⁶ Нгуен Туан. Указ. соч. – С. 80.

¹⁰⁷ Нгуен Хай Ха. Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. – Ханой, изд-во Вьетнамское образование. 2012. – С. 260.

Читал Толстого на школьном дворе
среди рдеющих деревьев
И воображал себя [князем] Андреем,
падающим на траву
Под синим небом Аустерлица"»¹⁰⁸

В «Войне и мире» героическое начало и все, что связано с народной войной, сильно увлекло вьетнамских читателей и литераторов. Это нетрудно объяснить. Знаменитый переводчик и литературовед Ле Шон, глубоко проанализировав образы героев этого великого романа, приходит к выводу: «В плане композиции романа Кутузов, капитан Тушин, партизан Тихон – всего лишь второстепенные персонажи. Но благодаря их страстному патриотизму, героическим поступкам, привлекательной простоте, они стоят выше центральных героев-аристократов, с точки зрения идейной доминанты романа, становятся главными персонажами»¹⁰⁹. «Мысль народная» рассматривается вьетнамскими учеными как главнейшая.

В период войны во вьетнамской литературе сформировалась «героическая эстетика», которая нацелена на отображение героического характера. В статье «Героизм в "Войне и мире"» литературовед Чан Винь Фук рассматривает два аспекта в «Войне и мире»: изображение ратного труда как апогея в описании героических черт русского воина, и нравственный подвиг русского человека. «Прежде всего, Л. Толстой видит могучую силу народной войны в любви к Родине, в великом героизме русских солдат и храбрых простых людей»¹¹⁰. По словам исследователя, «описывая героев, Л. Толстой подчеркивает их сильную любовь к жизни, стремление к идеалам, которое определило

¹⁰⁸ Бе Киен Куок. Лирическое стихотворение о «Войне и мире» // Литература и искусство, 09.09.1978.

¹⁰⁹ Ле Шон. Преемственность героических традиций русской классики в советской литературе // Литература, 1968. № 6. – С. 91.

¹¹⁰ Чан Винь Фук. Героизм в «Войне и мире» // Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. – Хошимин: «Молодость». 2006. – С. 55.

их поведение и побудило к жертвам ради высших дел»¹¹¹. По-видимому, вьетнамский литературовед рассматривает нравственную проблему в романе «Война и мир» с общественно-политической и исторической точки зрения. Дело в том, что тема «дубины» народной войны и героизма в нем созвучна вьетнамским освободительным народным войнам.

Итак, мы подводим итог словами Н.И. Никулина: «"Война и мир" вызвала во Вьетнаме суждения и высказывания по острым актуальным вопросам жизни общества и борьбы за само национальное существование, а также по актуальным проблемами литературного развития»¹¹².

Роман «Анна Каренина», как и «Война и мир», быстро заинтересовал читателей в Северном Вьетнаме. Среди северовьетнамских литературных специалистов существуют разные мнения о главной героине. Одни из них считают, что «у Анны хороший муж, но она вступает в связь с элегантным легкомысленным молодым человеком и трагически кончает свою эгоистическую чувственную жизнь»¹¹³. Русист Нгуен Хай Ха увидел «за личной трагедией героини глубокие социальные причины. Огромная реалистическая ценность произведения состоит в том, что писатель показывает фальшь и бесчестность света, который и был причиной, толкнувшей Анну к роковому шагу»¹¹⁴. Соглашаясь с мнением Нгуен Хай Ха, профессор Хоанг Суан Нь в «Истории русской литературы. XIX век» пишет: «общая тональность романа "Анна Каренина" – тональность критическая, протестующая и трагическая»¹¹⁵. Кроме того, он видит в духовной беде центральных персонажей тра-

¹¹¹ Чан Винь Фук. Указ. соч. – С. 66.

¹¹² Никулин Н.И. Указ. соч. – С. 169.

¹¹³ Нгуен Туан. Указ. соч. – С. 77.

¹¹⁴ Нгуен Хай Ха. Великий писатель Л. Толстой // Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. – Ханой, изд-во Вьетнамское образование. 2012. – С. 264.

¹¹⁵ Хоанг Суан Нь. История русской литературы. XIX век, Толстой – Чехов. – Ханой, 1962. – С. 154.

гедию всей эпохи, «которая подготавливает в будущем огромные социально-политические сдвиги»¹¹⁶.

В 1964 году в Ханое был издан второй перевод романа «Анна Каренина», авторами которого является Ньи Ка и Зыонг Тьонг. Ньи Ка, который много сделал для пропаганды русской литературы во Вьетнаме, полагает, что актуальность «Анны Каренины» заключается в том, что тогдашние вьетнамские читатели обращались к произведению для того, чтобы понять вьетнамское общество до 1945 года. С нашей точки зрения, это мнение не учитывает особенностей духовно-нравственных исканий таких героев романа, как Анна Каренина, Константин Левин. Исследователь Чан Тхи Куинь Нга также полагает, что «мысль переводчика принужденная, субъективная»¹¹⁷.

Анализируя образ главной героини «Анны Каренины», вьетнамский переводчик Ньи Ка сближал его с пушкинской Татьяной и утверждал, что «Анна Каренина является в русской классической литературе образом новой, передовой женщины, стремящейся к личной свободе, к тому, чтобы избавиться от гнета и позорных феодально-аристократических пут, связывающих ее»¹¹⁸. С подобным мнением вступает в спор исследователь Лыу Лиен. Рассматривая толстовскую героиню в контексте русской литературы XIX века, он утверждает, что «Анна – аристократка. Она не имеет той близости к трудовому люду и к деревне, которая характерна для Татьяны Лариной из «Евгения Онегина» Пушкина, она не руководствуется никакой прогрессивной идеей, как Вера Павловна из романа Чернышевского «Что делать?». Она тем более не революционная демократка, не боец на фронте борьбы за освобождение

¹¹⁶ Хоанг Суан Ньи. Указ. соч. – С. 154.

¹¹⁷ Чан Тхи Куинь Нга. Прием русской прозаической литературы XIX века во Вьетнаме. – Ханой, 2010. – С. 81.

¹¹⁸ Ньи Ка. Введение // Толстой. Анна Каренина. Ханой, 1978. – Т. 1. – С. 7.

женщины. У Анны решительный характер, она способна на безоглядную любовь, она устремлена к счастью. Только и всего»¹¹⁹.

Отметим, что Лыу Лиен дает такое суждение в статье «Обличительная сила романа "Анна Каренина"» в 1978 году, значит, после народной войны против французских и американских завоевателей. После 1975 года северовьетнамские исследователи и писатели начинают более объективно изучать русскую литературу. Во время войны они односторонне толкуют содержание творчества русских классиков. Так, в произведениях русских писателей они видят идеи высвобождения от пут феодальной морали, бунт против «гнилого» старого государственного строя и т. п.

Перевод романа «Воскресение», сделанный «под бомбами» четырьмя переводчиками Фунг Уонг, Нгуен Нам, Мок Нгиа, Нгок Ан, появился в Ханое в 1970-1971 годах. Предисловие к роману было написано самими переводчиками. В предисловии написано: «Каждый, кто читал "Воскресение", признает его высокий реалистический накал. Своим пером мастера Толстой нанес сокрушительный удар по царскому строю, осветил главнейшие стороны жизни России конца XIX в. с точки зрения миллионов угнетенного крестьянства»¹²⁰. Авторы перевода особо обращают внимание на то, что Толстой с симпатией изобразил революционеров, увидел в них людей «редких добродетелей, готовых пожертвовать всем, даже жизнью, во имя народа»¹²¹. Литературовед Хоанг Суан Ньи утверждал, что в «Воскресении» Толстой «решительно и последовательно ниспровергает жизненные основы правящих классов царской России»¹²². В статье «Читая "Воскресение" Л. Толстого» исследователь Ле Шон останавливается на трудностях, встретившихся в работе северных переводчиков: диалектизмы, профессиональные термины. По свиде-

¹¹⁹ Лыу Лиен. Обличительная сила романа «Анна Каренина» // Сборник 40 лет журнала Литература (1960-1999). Т. 4: Зарубежная литература. – С. 218.

¹²⁰ Переводчик. Вводное слово // Толстой Л. Воскресение. – Ханой, 1970, изд-во «Литература». Т. 1. – С. 13.

¹²¹ Переводчик. Вводное слово // Толстой Л. Воскресение. – Ханой, 1970, изд-во «Литература». Т. 1. – С. 14.

¹²² Хоанг Суан Ньи. Указ. соч. – С. 155.

тельству этого ученого, сложным оказался для перевода толстовский язык: «Уже одна только задача – хорошенько понять и воспроизвести стиль речи, употреблявшийся в суде и носивший на себе печать феодальных времен, – оказалась отнюдь не из простых»¹²³.

В период 1945-1975 годов северные вьетнамские исследователи останавливаются на анализе содержания толстовских произведений намного больше, чем на их художественном своеобразии. Для них идеи Толстого значительнее и привлекательнее стилистических особенностей его последнего романа.

Надо отметить, что до 1975 года в Южном Вьетнаме не было глубоких научных исследований о русской литературе. Однако размышления Толстого о вечных вопросах человеческого бытия привлекали внимание южных вьетнамских исследователей в большей мере, чем на Севере Вьетнама. В целом их концепция творчества Толстого заметно отличалась от северовьетнамской.

В 1963 году писатель, критик Во Фиен под псевдонимом Чанг Тхиен опубликовал статью «Одна из толстовских тем – смерть» в то время, когда в Южном Вьетнаме разворачивалась освободительная борьба. Критик совершенно точно почувствовал важность и значимость темы смерти в творчестве Толстого. С первого своего произведения «Детство» и до конца своего творчества Толстой пристально, пожалуй, как никто из его современников, всматривался в «глаза» смерти, пытаясь разрешить тайну человеческой жизни. В своей работе критик пишет о полнокровности избраженной Толстым жизни, и именно поэтому – по контрасту – его заинтересованно-пристальном внимании к финалу земного пути каждого человека¹²⁴. О последних минутах жизни заглавного героя повести «Смерть Ивана Ильича» он проникновенно

¹²³ Ле Шон. Читая «Воскресение» Л. Толстого // Литература и искусство. 17.12.1971. – С. ?

¹²⁴ Чанг Тхиен. Толстовская тема: смерть // Энциклопедия. 1963. № 163. – С. 67.

пишет: «Толстой обращает зоркий и мудрый взгляд на эту жизнь и смерть, медленно излагает каждую подробность. И от такой обыкновенной истории веет беспредельным мистическим ужасом»¹²⁵. Однако вьетнамский критик излишне драматизировал проблематику Толстого, придал ей не свойственный автору повести «Смерть Ивана Ильича» пессимистический оттенок. По словам же В.А. Жданова, «с давних пор мысль о смерти волновала Толстого, и тяжелая смерть ни разу не была показана писателем как жалкий финал. Во всех случаях уход из жизни представлен как торжественный акт, освещенный неземным сиянием»¹²⁶. Действительно, финал повести не заканчивается духовно-физической катастрофой героя, а его духовным прозрением, преобразованием, воскресением в жизнь вечную. Только перед смертью Иван Ильич понял, что вся его прошлая жизнь была самообманом: *«Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.*

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – вдруг вслух проговорил он. – Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его kloкотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше».

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [26, с. 113].

¹²⁵ Чанг Тхиен. Указ. соч. – С. 71.

¹²⁶ Жданов В.А. От «Анны Каренины» к «Воскресению». – М.: Книга, 1967. – С. 56 (280 с).

В 1959 году видный вьетнамский филолог Нгуен Хиен Ле пишет статью «Лев Толстой как святой», в которой говорится о том, что в XX-ом веке было два святых – М. Ганди и Л. Толстой. Он особенно сосредоточивается на личности Толстого, считает его пророком новой веры и акцентирует внимание на обличительном пафосе «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения»: «Его (Толстого) ненавидели за призывы к свободе вероисповедания, свободе слова. Несмотря на цензурные запреты, его романы, его обращения получали повсеместное распространение, переводились на все языки»¹²⁷. Следует сказать, что вьетнамский филолог познакомился только с французскими переводами этих произведений, поэтому его суждения не развернуты и не получают достаточной аргументации. Говоря о «Воскресении», он замечает: «Писатель обнажает постыдную фальшь дворянского общества, но делает это умиротворенно, будто буддийский монах, а не с той долей яда, как в "Крейцеровой сонате"»¹²⁸.

В 1969 году в Сайгоне издан полный перевод романа «Война и мир», над которым Нгуен Хиен Ле усердно работал в течение двух лет. По поводу появления этой эпопеи литератор, переводчик Чан Фонг Зао (1932-2005) писал: «Лев Толстой – великий писатель. Отрицать это не может никто. <...> Он стал великим не только для своего народа, но и для всего человечества»¹²⁹. В отличие от северных исследователей, Чан Фонг Зао имеет более объективный взгляд на толстовское учение: «Среди нас, людей Востока, влияние искусства Толстого, его идеи всеобщей любви и непротivления получили широкое распространение»¹³⁰. По оценке этого литератора, в Южном Вьетнаме Толстой популярен не только как выдающийся писатель, незаурядный художник, но и как мыслитель, религиозный философ.

¹²⁷ Нгуен Хиен Ле. Лев Толстой как святой // Энциклопедия. 1959, № 48. – С. 28.

¹²⁸ Нгуен Хиен Ле. Указ. соч. – С. 31.

¹²⁹ Чан Фонг Зао. Несколько мыслей для примечания // Литература, 1969, № 128. – С. 79 (79-84).

¹³⁰ Чан Фонг Зао. Указ. соч. – С. 80.

«Война и мир» представляется исследователю Нгуен Хиен Ле «великой панорамой русского общества прошлого века, прежде всего общества дворянского во главе с блестящим двором, тщательно выписанным художником, общества, закатывающего приемы, балы, на которых развлекаются матроны и барышни в платьях, оголяющих плечи, с блестящими брильянтами на шее и на груди, изысканные офицеры»¹³¹. Разумеется, вьетнамский ученый не проходит мимо резкой критики, внутреннего отрицания, которые содержатся в изображении аристократического света. Кроме того, толстовское понимание законов истории трактуется им в религиозно-мистическом духе: «Через славу и позор, радости и печали, любовь и ненависть, трудности, утраты, предательство и верность вырисовываются неизменные законы Творца, законы, управляющие человечеством, с которыми оно не в силах совладать»¹³².

Отметим, что Нгуен Хиен Ле, как и многие русские критики и исследователи, видит противоречия Толстого. Он пишет: «Толстой меняется мгновенно <...>. В этом старце как будто целых десять человек, противоречащих друг другу»¹³³. И он же упрекал русского писателя за то, что тот «верил в Бога, но обличал религию»¹³⁴. Ему не нравится черно-белая палитра в изображении русских и французов: «<...> абсолютно все у русских изображено в розовом свете, а у французов – только черной краской»¹³⁵. Объясняя свою мысль, он пишет: «Он (Толстой) ненавидит Наполеона <...> – врага своего народа, поэтому в "Войне и мире" он порочит французского императора. <...> Он описывает поступки и мимику Наполеона для создания образа смешного и мерзкого человека»¹³⁶. Слишком резкое заявление, противоречащее многоплановости толстовского текста!

¹³¹ Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Лев Толстой. Война и мир. – Сайгон. 1969. – С. 80.

¹³² Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Толстой Лев. Война и мир. – Сайгон. 1969. – С. 80.

¹³³ Нгуен Хиен Ле. Автор // Толстой Лев. Война и мир. – Сайгон. 1969. – С. 55.

¹³⁴ Нгуен Хиен Ле. Указ. соч. – С. 55.

¹³⁵ Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Толстой Лев. Война и мир. – Сайгон. 1969. – С. 97.

¹³⁶ Нгуен Хиен Ле. Указ. соч. – С. 82.

Хоанг Ву Дык Ван, автор статьи «Лев Толстой в "Войне и мире"», назвал «диалектику души» «волшебством в искусстве Толстого»¹³⁷. Он пишет, что «<...> хотя он (Толстой) не описывает внутренней жизни персонажей, но мы явно чувствуем эту внутреннюю жизнь, которая как бы анализируется очень кропотливо и аккуратно»¹³⁸. Реалистическое искусство Толстого тоже находит у Нгуен Хиен Ле высокую оценку. По его словам, под пером русского писателя все персонажи воспринимаются как живые: «<...> когда мы закрываем книгу, то испытываем чувство, что ее выдуманные персонажи, действовавшие на противоположном конце земли полтора века назад, ближе нам, чем люди, живущие вокруг нас»¹³⁹.

В 1970 году в Сайгоне появилось переиздание перевода романа «Анна Каренина», сделанного Ву Нгок Фан. В предисловии дается сравнение этого произведения с критикой буржуазного общества во французской литературе XIX века у Бальзака, Флобера и Золя – писателей, которые описывают «человеческую комедию». Отсюда вывод, что субъективный взгляд в романе «Анна Каренина» «играет важную роль, вследствие чего толстовское творение оказывается более жизненным и больше трогает нас»¹⁴⁰. Кроме того, критик отмечает критическое начало, свойственное толстовскому роману: «Наряду с "Войной и миром", "Анна Каренина" является замечательным психологическим романом, в котором воссоздана гигантская картина русского общества в переходный период истории России, и через все его страницы проходят искания пути, стремление найти правду жизни»¹⁴¹.

На наш взгляд, автор предисловия правильно понимает роман Толстого, осознает реалистическое изображение жизни в нем.

¹³⁷ Хоанг Ву Дык Ван. Лев Толстой в «Войне и мире» // Литература. 1964, № 22. – С. 38.

¹³⁸ Хоанг Ву Дык Ван. Указ. соч. – С. 38.

¹³⁹ Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Толстой Лев. Война и мир. – Сайгон. 1969. – С. 88.

¹⁴⁰ Нгуен Хиен Ле. Война и мир Указ. соч. – С. 19.

¹⁴¹ Предисловие // Толстой Лев. Анна Каренина. – Сайгон, 1970. – С. 26.

В 1973 году в Южном Вьетнаме был выпущен перевод итогового толстовского романа «Воскресение» под названием «Земля оживления», выполненного Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы. В предисловии издательство Фу Са высоко оценивает талант Толстого как «автора больших творений "Войны и мира" и "Воскресения" – одного из великих воплощений литературного искусства»¹⁴². На вопрос, почему «Воскресение» Толстого может «жить» в течение двух столетий, автор предисловия отвечает следующим образом. Он обращает внимание на присутствие в содержании романа чего-то глубокого и могучего, способного преодолевать время и пространство. Но затем, противореча самому себе, вычленяет в сложнейшей проблематике итогового романа русской классики, главным образом, социально-политические, хозяйственные составляющие:

- мысль об освобождении сельскохозяйственного общества;
- бесполезность переговоров между помещиками и крестьянами;
- скрытые мнения политика;
- несправедливость законов;
- не реформируемый тюремный режим;
- испытание между совестью и вероисповеданием;
- переговоры между человеком и Господом;
- любовь, начинающаяся с чувства, в итоге расширяющая разум, и заканчивающаяся слезами¹⁴³.

Кроме трех великих романов Толстого, южновьетнамских литераторов, переводчиков также интересуют его рассказы. Напомним, что в период 1945-1975 годов на Юге количество переводов толстовских рассказов быстро на-

¹⁴² Предисловие // Толстой Лев. Земля оживления. Сайгон: Фу Са. 1973. – С. 7.

¹⁴³ Там же. – С. 14.

растает. Среди них есть произведения, которые появляются в Северном Вьетнаме только после объединения страны. Несмотря на то, что исследовательских работ о них не было, все-таки частотность их появления в статьях Южного Вьетнама больше, чем Северного.

Отметим, что критическая концепция южновьетнамских литературоведов «не находились под влиянием ленинской точки зрения о Толстом, данные взгляды интересны в плане расширения литературного кругозора читателей»¹⁴⁴.

2.2.3. Исследование и критика Толстого с 1975 года до наших дней

Весной 1975 года во Вьетнаме произошло важное событие: страна становится независимой. Культурное противостояние Севера и Юга постепенно нивелируется.

С 1975 года во Вьетнаме бурно развивается исследование русской литературы, в том числе Толстого. Появляется много научных, критических, методических работ (пособия для учеников, студентов, спецкурс, курс русской литературы, диссертации и т. д.) таких вьетнамских авторитетных русистов-литературоведов, как Нгуен Чыонг Лить, Нгуен Хай Ха, Чан Тхи Куинь Нга, Фам Тхи Фыонг, Чан Тхи Фыонг Фыонг, До Хай Фонг, Нгуен Тхи Хонг, Фам Суан Хоанг, Ле Тхи Тху Хиен и т. д. В отличие от предыдущего периода, вьетнамский литературно-критический круг начинает всесторонне изучать толстовские произведения. Внимание привлекает индивидуальный стиль Толстого, поэтика его произведений, психологизм и формы его воплощения, метод писателя. Назовем наиболее авторитетные и влиятельные исследования о Толстом этого времени:

¹⁴⁴ Чан Тхань Бинь. Указ. соч. – С. 8.

– Нгуен Чыонг Лить. Л. Толстой. Изд-во «Институты и специальные училище». 1986.

– Нгуен Хай Ха. Поэтика романов Л. Толстого. Изд-во «Образование». 1992.

– Чан Тхи Фыонг Фыонг. Лев Толстой – великий русский писатель. Изд-во «Литература». 2000.

– Нгуен Ван Кха. Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. Изд-во «Молодость» и «Сообщество исследования и преподавания литературы г. Хошимин». 2006.

– Нгуен Чыонг Лить. Романы Льва Толстого. Изд-во «Литература». 2010 и т. д.

К сожалению, до сих пор ни одна работа Толстого о литературе и искусстве не переведена на вьетнамский язык. «Во Вьетнаме также нет ни одного научного исследования о художественном воззрении Л. Толстого»¹⁴⁵.

Исследователь Чан Чонг Данг Дан интересуется проблемой национального у Толстого. Он считает, что категории национального и художественного неразрывны. Национальное являет себя не только в предмете описания, но и в подходе к нему. В статье «Лев Толстой – великий писатель земли русской, чудесный человек всего человечества» он подчеркивает: «Можно сказать, что "Война и мир" – произведение, в котором наиболее четко проявились национальный характер и художественный гений Льва Толстого. Они выявляются в широте и отчетливости черт героической эпопеи, в масштабности изложения исторических событий, в изображении горячего патриотизма у положительных героев, в утверждении великой роли народа, рассматриваемого как решающая сила истории. Национальный характер и художественный гений проявляются также в описании армии захватчиков, в обрисовке

¹⁴⁵ Нгуен Хай Ха. Указ. соч. – С. 351.

и критике представителей аристократических кругов, света, погрязших в эгоистической, роскошной, хорошо обеспеченной жизни и не думающих об интересах нации, отечества»¹⁴⁶. Исследователь обнаруживает «следы» национального духа «в философии романа, в сложнейшей его композиции, в особенностях изображения психологии, портрета, пейзажа, в богатстве языка»¹⁴⁷.

Видного русиста Нгуен Хай Ха интересует простота толстовского языка: «Простота в произведениях Толстого – результат настоящего творческого подвига»¹⁴⁸.

В 1978 году, обращаясь к Л. Толстому, писатель Нгуен Туан писал: «Нас разделяет не только время, но и пространство! Сегодня я вновь убеждаюсь, что они не властны над истинным талантом, над силой справедливости, над искусством слова. И мои соотечественники, живущие, как сказали бы в старину, на самом краю света, читают Ваши книги не только по-вьетнамски, но – все чаще уже и по-русски, ибо язык России, язык Человечности и Свободы, звучит сегодня в школьных классах и институтских аудиториях Вьетнама, а великие творения русской культуры, культуры других наций и народностей Вашей страны стали неотъемлемой частью духовного богатства моего народа»¹⁴⁹.

Несомненно, три великих романа «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» являются бесконечным предметом мирового литературного изучения. Но они составляют лишь часть, хотя и значительную, творческого наследия Толстого. Составитель сборника «Толстой. Севастополь. Избран-

¹⁴⁶ Чан Чонг Данг Дан. Лев Толстой – великий писатель земли русской, чудесный человек всего человечества // Литература и искусство г. Хошимин, 18.8.1978.

¹⁴⁷ Чан Чонг Данг Дан. Указ. соч.

¹⁴⁸ Нгуен Хай Ха. Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. Ханой, изд-во Вьетнамское образование. 2012. – С. 337.

¹⁴⁹ Нгуен Туан. Монолог о войне и мире, обращенный к Льву Толстому // «Иностранная литература», 1979. № 3. – С. 212.

ные рассказы» Нгуен Хай Ха пишет: «История русской драматургии будет неполной без толстовских пьес "Власть тьмы", "Живой труп", история русской эстетики обогатилась благодаря замечательным, острым работам Толстого об искусстве»¹⁵⁰. Исследователь пытается ликвидировать пробел в изучении Толстого во Вьетнаме.

В 2000 году Нгуен Хай Ха пишет статью «Драматургия Толстого» в журнале «Литература». Здесь он с убедительностью утверждает, что «драматургия Толстого весьма малоизученна во Вьетнаме»¹⁵¹. Правда, вьетнамские читатели знают много прозаических произведений русского писателя, но из них малое число людей воспринимает Толстого как талантливое драматурга.

В 2010 году к столетию кончины Л. Толстого издательство «Вьетнамское образование» опубликовало книгу «Драматургия Льва Толстого», где Нгуен Хай Ха перевел четыре пьесы великого русского писателя на вьетнамский язык: «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «И свет во тьме светит», «Живой труп». Несомненно, этот русист внес большой вклад в распространение и изучение драматургию Толстого во Вьетнаме.

Напомним, что до 1975 года во Вьетнаме появились разные переводы рассказов и повестей русского писателя, но их анализу не уделялось достаточного внимания. Поэтому в мирный период в нашей стране литературоведы возвращаются к этой части наследия Толстого, стремятся его понять. В 1984 году вышел в Ханое перевод толстовских повестей в двух томах (переводчики Нгуен Хай Ха и Тхюи Тоан). В них включены «Севастопольские рассказы», «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «После бала», «Хаджи Мурат». В этой книге Нгуен Хай Ха пишет: «В каждом из

¹⁵⁰ Нгуен Хай Ха. Вводное слово // Толстой. Севастополь. Избранные рассказы. – Ханой, 1984. Т. 1. – С. 5.

¹⁵¹ Нгуен Хай Ха. Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. – Ханой, изд-во Вьетнамское образование. 2012. – С. 338.

произведений Толстого мы узнаем его трезвый, пронизательный взгляд, страстную любовь к добру и надежду на то, что люди станут лучше и обретут счастье»¹⁵².

В 2012 году вьетнамский преподаватель Ле Тхи Тху Хиен успешно защитила диссертацию на тему «Художественный мир в рассказах и повестях Л.Н. Толстого в период 1881-1910 годов». Это важный научный труд, автор которого справедливо утверждает, что в исследовании толстовских рассказов во Вьетнаме долгое время существовал пробел, что до 2012 года не существовало ни одного специального исследования, посвященного малой прозе писателя¹⁵³.

В этом же году в журнале «Исследование литературы» издана статья Ле Тхи Тху Хиен «Организация повествования в народных рассказах Л.Н. Толстого». Исследователь пишет: «<...> нравственные уроки о любви, о доброте, о стремлении к добру, об уничтожении зла, о любви к труду, выводясь из каждого рассказа Толстого, как он желает, станут всемирной истиной, потому, что на любом месте, во всякой эпохе человеку они нужны, чтобы стремиться к истине-добру-красоте»¹⁵⁴.

В новый период усложняется, в целом, представление о творчестве русского классика. Так, осмысливая образ смерти в произведениях Толстого, литературовед Чан Тхи Фыонг Фыонг пишет: «Тот, кто живет, не может с уверенностью утверждать, верно ли описание смерти, сделанное Толстым, но страницы Толстого о смерти интересны и трогательны, читатель чувствует в них истину. И свет освобождения, просветления в последние минуты вызывает у человека веру в то, что смерть – это не все. И конечно, через смерть

¹⁵² Нгуен Хай Ха. Вводное слово // Толстой. Севастополь. Избранные рассказы. – Ханой, 1984. Т. 1. – С. 16.

¹⁵³ Ле Тхи Тху Хиен. Указ. соч. – С. 4.

¹⁵⁴ Ле Тхи Тху Хиен. Организация повествования в народных рассказах Л.Н. Толстого // Исследование литературы. 2012, № 12. – С. 49-50 (42-50).

писатель размышляет о сути существования, в котором две стороны: жизнь и смерть»¹⁵⁵.

Важно отметить, что художественный гений Толстого по достоинству оценен во Вьетнаме, чего не скажешь о мировоззренческих идеях писателя. Профессор Нгуен Хай Ха в статье «Художественное воззрение Льва Толстого» пишет: «Сила Толстого находится не в смешных предсказаниях, не в теории нравственного самоусовершенствования, учении непротivления злу насилием, не в общей любви, пропитанной христианством. Сила Толстого отражается в "срывание всех и всяческих масок" (Ленин)»¹⁵⁶. По мысли автора статьи, положительная часть в творчестве Толстого – это критическое начало, а негативная – философские и религиозные его мысли. Иными словами, ученый отрицает полезность Толстого-мыслителя. Сторонником взгляда Нгуен Хай Ха является Хыу Нгок, который в статье «К юбилею 160 лет (1828-1988) дня рождения великого писателя Льва Толстого (1828-1910)» утверждает, что недостатки в мировоззрении русского писателя находятся в том, что «в творчестве и жизни мы видим отчаяние Толстого, противоречие между идеей и жизнью. Надежды на ликвидацию несправедливости, частной собственности на землю, возможности первобытной идеальной свободы не сбылись. Упование на решение классовых конфликтов путем религиозной нравственности явилась утопической»¹⁵⁷.

В статье «Лев Толстой, искусство и религия» вьетнамский профессор, академик Хо Ши Винь анализирует два аспекта в творческом наследии Толстого. Эта работа, с нашей точки зрения, имеет большое значение в современной вьетнамской литературной критике. О Толстом-писателе исследова-

¹⁵⁵ Чан Тхи Фьонг Фьонг. О смерти великого писателя Льва Толстого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.honvietquochoc.com.vn/bai-viet/1323-ve-cai-chet-cua-dai-van-hao-nga-lev-tolstoy.aspx>

¹⁵⁶ Нгуен Хай Ха. Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. – Ханой, изд-во Вьетнамское образование. 2012. – С. 333.

¹⁵⁷ Хыу Нгок. К юбилею 160 лет (1828-1988) дня рождения великого писателя Льва Толстого // Календарь общей культуры. 1988. – С. 248 (247-248).

тель так пишет: «Л. Толстой (1828-1910) является великим художником. Это весь мир давно знает. Никто талантливее его, сложнее его, противоречивее его и прекраснее его. Толстой – это многосторонний человек»¹⁵⁸. Как и другие исследователи, вьетнамский ученый не сомневается в художественном таланте русского писателя. Однако его волнуют религиозные размышления писателя. Толстой знает христианство, мусульманство, буддизм, но все равно «<...> в конце концов, Лев Толстой является только атеистом»¹⁵⁹. Академик завершает: «Религия Толстого – это противоречивый аспект в утопическом учении, принадлежащий азиатской идеологии. Учение Толстого имеет критические черты, в реальности иногда полезное для отдельных общественных классов <...>. Попытка идеализации толстовского учения, оправдание учения «непротивление злу насилием», просьбы о помощи "всемирного духа", упование на "нравственное самосовершенствование", "аскетизм и неделание" вредны и бессмысленны для русского народа и русской революции»¹⁶⁰.

Концепция вьетнамского академика почти буквально повторяет принятый в советском литературоведении и основанный на ленинских статьях взгляд на творчество Толстого. В последние десятилетия, как это хорошо известно, он подвергся радикальной переоценке.

В 2011 году в журнале «Исследование литературы» вышла работа профессора Ле Нгок Ча «Л.Н. Толстой, художник и идеолог», в которой исследуются эстетические взгляды писателя. Ученый справедливо считает религиозность, коммуникативность, эмоциональную заразительность основными признаками искусства в понимании Толстого. Далее он пишет: «Противоречие в мировоззрении великих писателей не всегда является отрицательным явлением, надо преодолеть подобное мнение, которое еще сохраняется в марксистских теоретических литературных курсах, преподается в наших

¹⁵⁸ Хо Ши Винь. Лев Толстой, искусство и религия // Зарубежная литература. 2010, № 11. – С. 116 (116-120).

¹⁵⁹ Хо Ши Винь. Указ. соч. – С. 120.

¹⁶⁰ Хо Ши Винь. Указ. соч. – С. 120.

университетах. Напротив, наличие противоречий доказывает богатство и сложность духовного мира художника, дает представление о непрерывных размышлениях, исканиях творца»¹⁶¹. Мы с пониманием относимся к суждению профессора Ле Нгок Ча, тем более, что в русском литературоведении подобное мнение можно считать на нынешний день общепризнанным. Никто не может отрицать, что Толстой – ищущий человек. Он ищет истину, ищет корень счастья и горя, ищет собственного Бога, а не церковного, ищет путь к самоусовершенствованию, ищет способ искоренения зла ненасилием. «Живучесть творчества Толстого, – говорит профессор Ле Нгок Ча, – наверное, частью в том, что автор не декларирует готовые идеи, а находится в постоянном искании истины»¹⁶².

Безусловно, в Л. Толстом живут талантливый художник и мудрый мыслитель. Задача современного вьетнамского литературоведения состоит в преодолении устаревших предубеждений, в переоценке философско-религиозной части его наследия.

Во Вьетнаме есть такой афоризм: «Тьяк Тон онь кхонг банг Лев Толстой», который так переводится на русский язык: «Наверняка Вы ниже Льва Толстого». Это игра слов. Словосочетание «Тон онь» используется во вьетнамском языке в высоко уважительным значением. Данный афоризм показывает беспредельную любовь и почтение вьетнамских читателей к великому русскому писателю – Льву Толстому.

Доцент Чан Тхи Куинь Нга оценивает значение творчества Толстого во Вьетнаме: «Знакомство, изучение великого наследия русского писателя Л. Толстого в процессе приема русской культуры и литературы во Вьетнаме является неразделимой частью, важной цепью факультета исследования рус-

¹⁶¹ Ле Нгок Ча. Л.Н. Толстой, художник и идеолог // Исследование литературы. 2011, № 1. – С. 25.

¹⁶² Ле Нгок Ча. Указ. соч. – С. 27.

ской истории, культуры и литературы, а также факультета исследования вьетнамской истории, культуры и литературы»¹⁶³.

Мы подводим итог этого параграфа словами видного профессора Нгуен Хай Ха: «Толстой всегда дорог нам потому, что он является человеком, который всю жизнь ищет истину, всем своим талантом прославляет народ, всегда пишет от сердца, непрерывно творит, живет и умирает ради литературы»¹⁶⁴.

§3. Лев Толстой в системе образования Вьетнама

Зарубежная литература является особой частью в системе образования во вьетнамских школах и вузах. Она играет важную роль в гуманитарном воспитании школьников и студентов, расширяет их культурный, идейно-эстетический кругозор, способствует более глубокому пониманию процесса развития родной литературы.

2.3.1. Лев Толстой в школе

До 1954 года во Вьетнаме русская литература не преподавалась. Причина легко объяснима. В школах, открытых французскими колонизаторами, было запрещено говорить о русской литературе и ее писателях: «<...> обращение к русской литературе в школьной практике колониального Вьетнама было редкостью, скорее даже – исключением»¹⁶⁵.

«С 1954 года русская литература официально преподается во вьетнамских школах, с начальных классов до вузов, в образовательной системе ДРВ»¹⁶⁶. На Юге Вьетнама до 1975 годов она существовала нелегально.

¹⁶³ Чан Тхи Куинь Нга. К столетнему юбилею со дня смерти Льва Толстого (1910-2010). Некоторые черты о Л. Толстом во Вьетнаме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nhandan.com.vn/vanhua/dong-chay/item/13755602-.html>.

¹⁶⁴ Нгуен Хай Ха. Указ. соч. – С. 366.

¹⁶⁵ Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М.: На-следие. 2000. – С. 153.

¹⁶⁶ Чан Тхи Куинь Нга. Русская и советская литература в средней школе. Изд-во Хошиминский педагогический университет. Хошимин, 2010. – С. 10.

Только после объединения Юга и Севера школьники получили возможность легально познакомиться с русской литературой.

С 1954 года до образовательной реформы 1989 года на Севере Вьетнама русскую литературу XIX века учат в девятом классе (в то время курс школьного обучения был десятилетним). В этом классе школьники читают один эпизод романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир» под названием «Любовь Наташи к Родине» (том III, часть III, глава XVI). Кроме этого, вьетнамские ученики могут познакомиться с еще двумя отрывками: «Картина охоты» (том II, часть IV, глава III) и «Кутузов перед войском» (том IV, часть IV, глава VI). Нужно отметить, что Л. Толстой был единственным русским классиком, произведения которого учили в школе в это время.

Напомним, что в период 1954-1975 годов вьетнамский народ продолжал бороться против американских завоевателей, поэтому выбор этих эпизодов был неслучайным, в какой-то мере необходимым: на примере русской классики воспитывался патриотизм сражающихся за независимость своей Родины вьетнамцев.

В 1989-1990 годах Министерство образования и подготовки кадров Вьетнама решило реформировать школьную программу. Количество занятий для зарубежной литературы возрастает. Школьники получают возможность познакомиться с американской, индийской, японской, русской литературами. В результате реформы курс школьного обучения становится двенадцатилетним. В одиннадцатом классе изучаются следующие произведения русской классики: «Я вас любил», «Зимняя дорога» (А. Пушкин), «Война и мир» (Л. Толстой).

В 1989-1990 годах существовали северный и южный учебники по литературе для школьников. Северный учебник был составлен преподавателями Первого Ханойского педагогического университета. А южный учебник – Сообществом исследования и преподавания литературы города Хошимин для

школьников Юга. В каждом из них приводятся разные фрагменты романа-эпопеи «Война и мир». Учащиеся получили возможность узнать русскую душу, русский характер, их заинтересовал тонкий психологический анализ человеческой души.

В 2000 году северный и южный учебники по литературе объединились. Стали обязательными на всей территории Вьетнама.

Зарубежная литература, в том числе русская, изучается в переводе, поэтому составители учебника столкнулись с очень непростой задачей — выбрать наиболее точный перевод. «До сих пор переводы художественных произведений для учения и преподавания в программе зарубежной литературы, — пишет магистр Нгуен Тхи Фонг Ле, — часто выбираются из многих ранее сделанных знаменитыми писателями, поэтами, исследователями или авторитетными издательствами. Проблема хороших переводов и сейчас остается актуальной»¹⁶⁷.

Составители выбрали перевод «Войны и мира» филолога Као Суан Хао. В настоящее время этот труд признан самым авторитетным.

Качество учебников по литературе достаточно высокое: «Можно сказать, что знаменитые имена мировой литературы, присутствующие в учебниках, одновременно являются великими личностями»¹⁶⁸. В каждом уроке есть часть, в которой кратко говорится о жизни и творческом пути писателя. Кроме того, перед тем как школьники начнут читать фрагмент, они знакомятся с кратким содержанием произведения.

В средней школе Вьетнама на изучение темы Толстого отводится 3 часа, система уроков по изучению творчества Толстого распределена следующим образом:

¹⁶⁷ Нгуен Тхи Фонг Ле. Изучение о создании программы русской литературы в средней школе по реформе образования: магистерская дисс... Хошимин, 2010. — С. 24.

¹⁶⁸ Чан Тхи Куинь Нга. Указ. соч. — С. 21.

1. Ознакомление с биографией Толстого и его романом «Война и мир»;
2. Анализ душевного состояния Андрея Болконского до и после встречи с Наташей Ростовой в Отрадном.

Чан Тхань Бинь подчеркивает, что «несмотря на то, что произведения Толстого широко распространены в СРВ, в школе они изучаются в неоправданно малом объеме, что не дает возможности широкого общения молодых вьетнамцев с русской культурой»¹⁶⁹.

В настоящее время школьники не изучают целиком ни одного произведения Л. Толстого. В начальных классах вьетнамские ученики читают некоторые рассказы Толстого, которые дают им нравственные уроки. Можно назвать следующие произведения: «Лгун», «Осел и лошадь», «Охотник и перепел». Исследователь Чан Тхи Куинь Нга пишет: «В сравнении с предыдущей программой, количество учебных часов сократилось, школьники не учат фрагмент известного романа Л. Толстого "Война и мир". Нужно изменить ситуацию, потому что "Война и мир" входит в эталонные, бессмертные произведения не только русской литературы, но и мировой. Касаясь зарубежной и русской литературы, нельзя не говорить об этом великом творении»¹⁷⁰.

Мы соглашаемся с мнением Чан Тхи Куинь Нга. Думается, что невнимание к произведениям Толстого в школьной программе является серьезной ошибкой. Не знать Толстого – значит не знать русскую историю и литературу.

Чан Тхань Бинь называет несколько препятствий, затрудняющих изучение школьниками «Войны и мира»: «1. Изучение сложного и объемного романа "Война и мир" недоступно для вьетнамских учащихся и нецелесообразно в существующих условиях средней школы СРВ. 2. Существующие мето-

¹⁶⁹ Чан Тхань Бинь. Указ. соч. – С. 8.

¹⁷⁰ Чан Тхи Куинь Нга. Указ. соч. – С. 20.

дические пособия не удовлетворяют научно-педагогическим требованиям современной методики преподавания литературы. 3. Изучение биографии Толстого необстоятельно. 4. Методика организации и руководства внеклассным чтением произведений Толстого не разработана в достаточной степени. 5. Возрастные особенности школьников, их читательские интересы и специфика восприятия произведений Толстого не учитывались при включении данной темы в программу»¹⁷¹. Вьетнамский ученый предложил расширить круг изучаемых произведений Толстого. Мы с этим согласны.

Чан Тхань Бинь предложил новую систему уроков, посвященную творчеству Толстого. Для углубленного изучения им взята повесть «После бала». На наш взгляд, эта идея интересна и плодотворна. Одно из поздних произведений писателя может дать ключ к постижению биографии, сложных моментов его непростого творческого пути. Думается, что такая система уроков в большей степени соответствует интересам сегодняшних вьетнамцев.

2.3.2. Лев Толстой в вузе

В университетах вьетнамские студенты изучают значительно большее количество произведений Толстого, в сравнении со школой: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», рассказы, повести. Есть университеты, в которых студенты читают Толстого на языке оригинала (Ханойский университет, Институт иностранных языков при Ханойском национальном университете, Хошиминский педагогический университет и др.).

Проанализируем несколько авторитетных курсов лекций по русской литературе для студентов.

¹⁷¹ Чан Тхань Бинь. Указ. соч. – С. 10.

В 1962 году был опубликован пятитомный курс лекций по истории русской литературы. Один из томов посвящен Л. Толстому и А. Чехову¹⁷². Его автор – профессор Хоанг Суан Ни. Он был первым, кто «на вьетнамском языке выпустил небольшую монографию о Толстом с подробным систематическим изложением жизненного и творческого пути писателя»¹⁷³. В своей работе Хоанг Суан Ни кратко рассматривает трилогию Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», «Севастопольские рассказы», повести «Утро помещика», «Казачьи», особое внимание отдано романам, преимущественно «Войне и миру» (с. 47-145). Методологически этот труд устарел, творчество Толстого анализируется с жестко классовых позиций.

В 1966 году курс лекций «История русской литературы XIX века» был составлен коллективом преподавателей по русской литературе Первого Ханойского педагогического университета (Нгуен Хай Ха, До Суан Ха, Нгуен Нгок Ань, Ты Дык Чинь, Нгуен Ван Жай)¹⁷⁴. Этот учебник много раз переиздавался. В разделе «Л.Н. Толстой (1828-1910)» составители перечисляют главные моменты в жизни и творчестве этого выдающегося писателя. Далее, они акцентируют внимание на трех его романах. Исследователи высоко оценивают обличительно-критический пафос Толстого, однако исходят из ныне устаревшей ленинской концепции в интерпретации творчества и мировоззрения писателя.

В 1982 году появился третий курс лекций «История русской литературы», подготовленный и изданный известными профессорами Государственного университета и Ханойского педагогического университета (До Хонг

¹⁷² Хоанг Суан Ни. История русской литературы: XIX век: Толстой – Чехов. – Ханой, изд-во Образования. 1962. – 280 с.

¹⁷³ Никулин Н.И. Указ. соч. – С. 163.

¹⁷⁴ История русской литературы XIX века / Нгуен Хай Ха, До Суан Ха, Нгуен Нгок Ань... – Ханой: Образование, 1966. – 217 с.

Тьунг, Нгуен Хай Ха, Нгуен Чьонг Лить)¹⁷⁵. Он продолжил изданный в 1966 году лекционный курс, добавив имена М. Салтыкова-Щедрина и Ф. Достоевского.

В 2011 году появился учебник для студентов «История русской литературы». Его главный редактор – доцент До Хай Фонг, заведующий кафедрой зарубежной литературы Первого ханойского педагогического университета. Как и в предыдущих книгах о русской литературе, в этой работе говорится о жизни Толстого, его творческом пути, анализируются три романа «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Новизна этой книги состоит в том, что авторы исследуют не только мировоззрение Толстого, обличительный пафос его творчества, но впервые обращают внимание на метод, стиль, «диалектику души», рассматривают мировоззренческий кризис Толстого в связи с «Воскресением».

В 2013 году был опубликован самый новый курс лекций «История русской литературы», автором которого является доцент Хошиминского педагогического университета Фам Тхи Фьонг. После знакомства студентов с жизнью Толстого, исследуются особенности его художественного мира, показывается идеал народной эстетики, анализируется «диалектика души», рассматриваются иные приемы психологического анализа, обращается внимание на «религию совести» Толстого, на его педагогические идеи и практику.

Во Вьетнаме до сих пор нет общегосударственной программы по русской литературе, в том числе по творчеству Л. Толстого. В каждом университете, где преподается русская литература, преподаватели сами составляют учебную программу для своих студентов. Их работа утверждается на заседании факультета и одобряется Ученым советом университета.

¹⁷⁵ История русской литературы XIX века / До Хонг Тьунг, Нгуен Хай Ха, Нгуен Чьонг Лить. – Ханой, изд-во Университет и специальные училище. 1982. – 527с.

Хотя в современном Вьетнаме русская литература не так широко популярна, как в период 1954-1975 годов, все-таки она интересует студентов. Вызывает интерес и творчество Л.Н. Толстого. Назовем в подтверждение этой мысли последние диссертационные и дипломные работы: «Искусство отражения психологии толстовских героев в романе "Война и мир"» (диссертация Нгуен Тхи Хонг, 1998 год), «Исследование перевода романа Л. Толстого "Воскресение" в газете "Голос народа" в 1927-1928 годах» (курсовая работа Нгуен Тхи Лан Зунг, 2003 год), «Искусство композиции романа Льва Толстого «Анна Каренина» (диссертация Фам Суан Хоанг, 2006 год), «Художественный мир в рассказах Л.Н. Толстого в период 1881-1910 годов» (диссертация Ле Тхи Тху Хиен, 2012 год) и др.

В последние годы вьетнамские исследователи глубже рассматривают философско-религиозный аспект творческого наследия великого русского писателя, переоценивают ранее доминировавший жестко социологический подход к его творчеству. В специальных газетах и журналах появляются статьи, посвященные анализу толстовских философских и религиозных трактатов и публицистики. Однако в вузах учащиеся мало знают эту часть творчества русского мыслителя.

Глава 3: Первый перевод романа Л.Н. Толстого

«Воскресение» на вьетнамский язык:

ценности и недостатки

3.1. Роман «Воскресение» в переводах на вьетнамский язык

В начале работы «Роман "Воскресение" за рубежом» А.Л. Григорьев утверждает, что «ни одно из произведений Толстого не было встречено за рубежом с таким напряженным интересом, как «Воскресение». Появление ро-

мана было воспринято как сенсация»¹⁷⁶. Следует признать эту мысль ученого справедливой. Уже в 1899 году роман вышел отдельными изданиями в переводах на французский, немецкий, английский, сербо-хорватский и словацкий языки. За ними последовали издания на многих других европейских и азиатских языках – шведском (1899 – 1900 гг.), финском (1899-1900 гг.), венгерском (1900 г.), болгарском (1900 г.), голландском (1900 г.), норвежском (1900 г.), итальянском (1900 г.), польском (1900 г.), испанском (1901 г.), турецком (1907 г.), румынском (1910 г.), португальском (1913 г.).

По-видимому, роман «Воскресение» вносил в мировую литературу живительную струю глубокой человечности и художественной правды. Хотя были и есть и критики, которые ставят этот роман ниже «Войны и мира» и «Анны Карениной», «Воскресение», на наш взгляд, является одним из замечательнейших словесных шедевров. Влечение к этому роману объясняется тем, что восточные читатели увидели в нем высокий моральный пафос.

«Самый ранний японский перевод этого произведения датируется 1902 г. Тогда в журнале "Сэтэнти" ("Малая вселенная") появился отрывок из романа под названием "Ночь и утро" в переводе Мори Сидзука»¹⁷⁷. В Китае первый перевод этого романа «появился в 1914 г., три года спустя после революции 1911 г., и включал только 57 глав из первой части»¹⁷⁸. «Переводы "Воскресения" на индийские языки оказались возможными относительно недавно, уже после того как в 1947 г. образовалось самостоятельное государство Республика Индия»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Григорьев А.Л. Роман «Воскресение» за рубежом // Толстой Л.Н. Воскресение / АН СССР; Изд. подгот. Н.К. Гудзий, Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1964. – С. 552.

¹⁷⁷ Р е х о К. К истории восприятия романа «Воскресение» в Японии // Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1991. – С. 165.

¹⁷⁸ Григорьев А.Л. Роман "Воскресение" за рубежом // Толстой Л.Н. Воскресение / АН СССР; Изд. подгот. Н.К. Гудзий, Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1964. – С. 565.

¹⁷⁹ Григорьев А.Л. Указ. соч. – С. 566-567.

Во Вьетнаме Л. Толстой стал известен раньше 1945 года. Он – один из первых русских писателей, произведения которого переведены на вьетнамский язык. Его имя и творчество стали близкими сердцу читателей многих вьетнамских поколений, автор «Воскресения» стал для них задушевным другом.

Во Вьетнаме роман «Воскресение» впервые появился в 1927 году в газете «Голос народа», стал первым переводным произведением Л. Толстого. До сих пор у нас существуют следующие переводы этого романа:

- «Воскресение». Перевод Хоа Чунг. Газета «Голос народа», 1927-1928.
- «Оживление». Перевод Фунг Уонг, Нгуен Нам, Нгок Ан, Мок Нгиа. Ханой, «Литература», 1970. Этот перевод в последующих изданиях переименован в «Воскресение».
- «Земля оживления». Перевод Нгуен Дан Там, Ву Ким Тхы. Издательство: Фу Са, 1973. (Читателю может показаться странным названием, но оно именно так переводится).
- «Воскресение». Перевод Ву Динь Фонг, Фунг Уонг. Издательство: «Сообщество писателей», 1999.

Нужно отметить, что до сих пор мы еще не знаем, кто является первым переводчиком «Воскресения» на вьетнамский язык. Дело в том, что в конце первого известного нам перевода романа написано имя Хоа Чунг, но оно является псевдонимом какого-то переводчика. Многие ученые (профессор Хуинь Ли, переводчик Тхюи Тоан) считают автором этого перевода профессора Дао Зуи Ань, владеющего французским и китайским языками. Однако мне-

ние это нельзя считать общепризнанным¹⁸⁰. В настоящее время его уже не читают из-за сильной устарелости.

В начале 70-х гг. соавторы Фунг Уонг, Нгуен Нам, Нгок Ан, Мок Нгиа перевели «Воскресение» с оригинала с помощью других переводов (французского перевода Е. Веаух, Н. Канински, Teodor de Wezewa, английского перевода L. Kolesnikе, китайского перевода Ны Лонг). Сначала этот перевод получил название «Оживление» и был опубликован в Ханое в двух книгах. В последующих изданиях он переименован в «Воскресение». Считаем, что эта замена логична и соответствует названию оригинала.

3.2. Характеристика общественно-литературной позиции газеты «Голос народа»

С середины XIX века до 1945 года Вьетнам находился в колониальной зависимости от Франции. Он был искусственно разделен на три части – колонию Кохинхина (Южный Вьетнам), протектораты Аннам (Центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам). Во вьетнамских журналах и газетах 1920-х–30-х годов обычно публиковались переводные произведения французской и китайской литератур. Совершенно неожиданно, вопреки господствующей литературной политике, в 1927-1928 годах в газете «Голос народа» был впервые опубликован перевод романа «Воскресение». Факт исключительной важности: великие художественные и гуманистические ценности последнего романа русской классики оказались необходимыми вьетнамскому народу.

¹⁸⁰ Тхюи Тоан. Ищем первого переводчика романа Льва Толстого «Воскресение» на вьетнамский язык // Почтовые лошади. Ханой, 2011.

Дадим краткий обзор газеты «Голос народа», сыгравшей в первой половине XX века значительную роль в политической и общественной жизни Центрального Вьетнама.

В 1926 году Хуинь Тхук Кханг (1876-1947), вьетнамский патриот, послал французскому правительству, находящемуся во Вьетнаме, документы о выпуске новой газеты «Голос народа» на вьетнамском языке. 10 августа 1927 года был издан первый номер этой газеты. С самого начала «Голос народа» явился первым речевым независимым учреждением в Аннаме (в Центральном Вьетнаме). Газета давала достоверную информацию о положении дел в Центральном Вьетнаме: «"Голос народа" для тогдашних жителей центрального Вьетнама был похож на учителя для своих учеников, учил их, просвещал, открывал новые школы для необразованных людей»¹⁸¹.

Вначале Хуинь Тхук Кханг хотел назвать газету либо «Чунг Тхань» (прямые слова Центрального Вьетнама), либо «Зан Тхань» (голос народа). В конце концов, по совету общественного деятеля Фан Бой Тяу, он решил дать газете исконно-вьетнамским названием «Голос народа».

Редакция и типография газеты находились в тогдашней столице Вьетнама – Хуэ. С 10 августа 1927 до 29 января 1936 годов каждую неделю публиковалось два номера (по средам и субботам). С 1 февраля 1936 до 30 декабря 1939 годов каждую неделю – три номера (по вторникам, четвергам и субботам). С начала 1940 до 24 апреля 1943 годов каждую неделю – два номера, как и раньше.

Журналисты этой газеты – Хуинь Тхук Кханг (генеральный директор и редактор), Фан Боу Тяу, Чан Динь Фиен, Дао Зуи Ань, Нгуен Сьонг Тхай, Ву Динь Куанг, Чан Хоанг, Чан Динь Нам. Все они – вьетнамские интеллигенты с прогрессивными идеями.

¹⁸¹ Нгуен К. Тханг. Хунг Тхук Кханг – творчество. Изд. города Хошиминь, 1992. – С. 69.

Так, Хуинь Тхук Кханг считает, что любая политическая партия может сместить правительство вооруженным путем, но не сможет модернизировать страну, приобщить народ к цивилизации. Поэтому «единственным лекарством для лечения болезни медленного развития Вьетнама является повышение уровня знаний народа»¹⁸². Выбранный этим общественным деятелем политический путь – этот путь, приведший Индию к свободе и независимости. Это путь Махатмы Ганди. Иными словами, это учение Л. Толстого о «непротивление злу насилием».

Газета «Голос народа» следует политической практике патриота Хуинг Тхук Кханг: «<...> для народа как горькое лекарство <...> для правительства как честный друг». В течение 16 лет ее содержание не изменялось: политика страны, мировая политика, проблемы морали, философии, литературы. В газете выражались справедливые желания, откровенные чувства вьетнамского народа, прежде всего, обитателей Аннама, газета ратовала за сохранение присущие нашим предкам нравственных основ.

История существования газеты делится на четыре периода:

- первый период: с появления до 1930 года;
- второй период: с 1931 до 1935 годов (время экономического кризиса, кровавого подавления восстаний вьетнамцев);
- третий период: с 1936-1939 годов (период демократической активизации);
- четвертый период: с 1939 до 1943 годов (время Второй мировой войны).

Оценивая историческую роль газеты «Голос народа», До Куанг Хынг в книге «История вьетнамской журналистики: 1865-1945» пишет: «"Голос на-

¹⁸² Тьинь Дао. Газета «Голос народа» (1927-1943): некоторые новые материалы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hopluu.net/a2214/bao-tieng-dan-1927-1943-vai-tu-lieu-moi>.

рода» имел активный голос в защиту трудового класса, особенно с 1927 до 1929 годов; с 1930 до августа 1938 годов его ценность снижалась, положительные и негативные элементы перемешивались; с начала Второй мировой войны до последнего издания «Голос народа» заблудился в политике, перепутал друзей с врагами, положительных воздействий не имел»¹⁸³. Вызывает критику существование в газете однообразной формы, использование архаизмов, древнекитайско-вьетнамских слов, диалектизмов.

Перевод романа Л. Толстого «Воскресение» впервые издан в газете «Голос народа» в № 9 (10 августа 1927 года). Легко заметим, что эта работа появилась в период активного воздействия газеты на жизнь жителей Центрального Вьетнама. Автор перевода – Хоа Чунг, имя которого считали и считают (профессор Хуинь Ли, поэт Суан Зиеу, переводчик Тхюи Тоан...) псевдонимом профессора Дао Зуи Ань, владеющего французским и китайским языками.

В настоящее время газета «Голос народа» хранится в редком архиве из-за ее сильной устарелости. К сожалению, многие ее номера, в которых был издан перевод романа «Воскресение», либо потеряны, либо находятся в плохом состоянии, причем, одна часть перевода хранится в Ханое, другая – в Хошимине. Из-за этих трудностей мы смогли собрать лишь 48 из 75 номеров (потеряно от № 43 до № 70, значит, с главы 39 до главы 47, т. е. по сравнению с оригиналом, потеряны главы: в первой части романа – от № XLV до № LIX, во второй части – от № I до № XIX). К тому же, в газете «Голос народа» не нумеруются страницы. Поэтому в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием главы.

В этой главе мы проанализируем способ и стиль первого перевода «Воскресения» на вьетнамский язык.

¹⁸³ До Куанг Хынг. История вьетнамской журналистики. Изд. Национальный ханойский университет, 2001. – С.

3.3. Особенности перевода романа «Воскресение»

С момента появления перевод «Воскресения» выполнял социальную функцию, он сыграл и играет важную роль в становлении и развитии межкультурной коммуникации между двумя народами. Точный перевод, в силу объективных и субъективных обстоятельств в тех исторических условиях был невозможен. Затруднения вызывали, по всей видимости, всегда будут вызывать, разница грамматических строев русского и вьетнамского языков, непохожесть культурной ментальности. Руководствуясь, прежде всего просветительно-коммуникативными целями, переводчик остановился не на полном, а на сокращенном варианте перевода. Лишь отдельные фрагменты романа переведены полностью.

Полный перевод направлен на тщательное воспроизведение всех компонентов информационной упорядоченности подлинника в единицах переводного языка. В отличие от этого вида, сокращенный перевод состоит в выборе ключевых единиц оригинала и их полном виде. Все остальные компоненты исходного текста отбрасываются как второстепенные, ненужные с точки зрения достижения результата и не подлежат переводу вообще.

В начале XX века Россия, ее культура и язык неизвестны вьетнамцам. Вьетнамские интеллигенты впервые познакомились с русской культурой и литературой через переводы с языка-посредника. Хоа Чунг перевел роман «Воскресение» не с языка оригинала, а с французского или китайского перевода. В своей работе он использовал оба вида перевода: полный и сокращенный. Рассмотрим наши данные.

В первой части перевода автор чередует полный и сокращенный способы:

Глава I: полный перевод предпочтительно используется, но автор отбросил описание конвойного солдата, который сопровождает Катюшу в суд, некоторые детали внешности Масловой (руки, шея...).

Глава II: (полный перевод) история Катюши с рождения до тех пор, когда девушка попала в публичный дом.

Главы III-IV: (полный перевод) обыденный уклад жизни Дмитрия Нехлюдова, его социальный портрет и общественные отношения.

Главы V-XI, XIX-XXV: (полный перевод) описание суда и его членов, суд над Катюшей.

Главы XII-XVIII: (полный перевод) воспоминание Дмитрия Нехлюдова о его отношении к Катюше в прошлом.

Главы XXVI-XXVII: обед у Корчагиных. В этих главах отброшены описание лакея Филиппа, мысль Нехлюдова о княгине Софьи Васильевне и Колосове, разговор между Нехлюдовым, Катериной Алексеевной и Мисси.

Глава XXVIII: (полный перевод) мысль Нехлюдова о Мисси и ее родителях, о Масловой, о самом себе, о «чистке души», о решении порвать с «дворянским гнездом».

Главы XXX-XXXIII: (полный перевод) женская камера и ее обитательницы, в том числе Маслова.

Глава XXXIV: второй день судебной сессии. Подсудимый – мальчик. В этой главе отброшена мысль Нехлюдова о способе наказания преступников судом.

Главы XXXV-XXXVI: (полный перевод) обращение Нехлюдова к прокурору с просьбой о свидании с Масловой.

Глава XXXVII: настроение Масловой в тюрьме. Здесь соединяются главы XXXVII-XL из оригинала, отбрасывается чрезвычайно важная для понимания религиозно-философских взглядов Толстого сцена в тюремной церкви.

Глава XXXVIII: свидание Нехлюдова с Катюшей. В этой главе соединяются главы XLI-XLIV из оригинала, выпущены сцены посещения тюремщиков, переключки.

Во второй части сокращенный способ перевода употребляется чаще. Хоа Чунг намеренно не перевел некоторые главы из оригинала (XXX, XXXI).

Глава XLVIII (главы XX-XXIV из оригинала): Хоа Чунг не полностью перевел содержание романа, а только его идею: рассмотрение кассационной жалобы Масловой и оставление жалобы ее без последствий; встреча Нехлюдова с Mariette у тетушки; настроение Дмитрия Нехлюдова. Кроме того, автор перевода отбросил отрывки о разговоре в доме тетушки Нехлюдова, в которых затрагивается религиозная тема.

Главы XLIX-L (главы XXV-XXVIII из оригинала): Нехлюдов в квартире у Шустовой и его встреча с Mariette. Его мысль о «животной части» в каждом человеке не появилась в переводе. Глава XXVII из подлинника совсем отброшена.

Глава LI (главы XXIX-XXX из оригинала): в этой главе Хоа Чунг выбрал главные сцены для перевода: Дмитрий Нехлюдов разговаривает с Масловой, сестрой, спорит с зятем.

Главы LII (главы XXXIV-XXXIX из оригинала): выбрана сцена шествия арестантов, отброшено описание природы, сцена встречи с богатой коляской, сцена в полицейском участке и смерть арестантов. Содержание глав XL, XLI, XLII не появляется в переводе.

В третьей части, как и во второй, Хоа Чунг выбирает сокращенный способ перевода.

Глава LIII (главы I-XII из оригинала): жизнь арестантов по дороге в Сибирь. Не переведены главы II, V, VII, VIII, IX-XVI, XVIII, XIX-XXII.

Глава LIV (главы XXIII-XXVIII из оригинала): нравственное воскресение Катюши и путь Нехлюдова. В этой части выпущен фрагмент о поездке Нехлюдова в острог вместе с англичанином.

По результатам нашего исследования, в первой части романа Хоа Чунг в основном использует способ полного перевода, лишь во второй и третьей частях – сокращенного. Причина заключается, во-первых, в малых площадях газеты, во-вторых, во французской строгой цензуре (вся деятельность газеты «Голос народа» находилась под пристальным вниманием французского правительства).

Бесспорно, Хоа Чунг выбрал и перевел на вьетнамский язык то, что считал необходимым, по-своему сократил и даже удалил «ненужные» детали для того, чтобы высшая идея «вне искусства» быстрее дошла до читателей. Конечно, такой перевод лишь в малой мере смог отразить специфику толстовского стиля, философские и религиозные идеи оригинала, но он удовлетворил актуальную потребность вьетнамского общества в начале XX века, указал путь борьбы против социального и колониального зла.

Приведем конкретные примеры.

В «Воскресении» написано: «<...> она (Катюша) поступила горничной к становому, но могла прожить там только три месяца, потому что становой, пятидесятилетний старик, стал приставать к ней, и один раз, когда он стал особенно предприимчив, она вскипела, назвала его дураком и старым чертом и так толкнула в грудь, что он упал. Ее прогнали за грубость» [32, с. 8]. Этот абзац в переводе так выглядит: «*Nàng vào làm nô-tì cho anh trọc phú, đã ngoài 50 tuổi nhưng anh chàng thấy nàng xinh xắn bèn giở trò dê mặt, nàng*

*mắng cho một trận tàn nhẫn rồi phải đuổi ngay»*¹⁸⁴. Обратный перевод: «Она поступила горничной к пятидесятилетнему становому, который соблазнился ее красотой, стал к ней приставать, но она отвечала руганью на его ухаживания, за что ее скоро прогнали». Переводчик сохранил лишь «канву» эпизода, лишив его специфических авторских стилистических красок.

Еще один пример. Узнав слухи о «шашнях» Катюши с фельдшером, Нехлюдов подумал: *«Нет! То, что случилось, не может изменить – может только подтвердить мое решение. Она пусть делает то, что вытекает из ее душевного состояния, – шашни с фельдшером, так шашни с фельдшером – это ее дело...»* [32, с. 305]. Перевод: *«Ta thương nàng không phải vì ta mà vì nàng và vì Thượng đế. Nàng có đờn cợt với anh khản hộ nữa, đó cũng chỉ là quan hệ về riêng nàng»* (48). В обратном переводе: «Я люблю ее не для себя, а для нее и для Господа. У нее с фельдшером шашни – это только ее дело». У Толстого известие о связи Катюши с фельдшером не только не изменило, но укрепило решение князя искупить свой грех. В переводе же акцент сделан на великодушии Нехлюдова.

3.4. Стиль перевода романа «Воскресение»

Появление в XVII веке современной системы письменности для записи слов вьетнамского языка (твы Куокнгы) стало важным шагом в культуре вьетнамского народа. С этого момента вьетнамцы имеют собственный язык. В начале XX века твы Куокнгы стал государственным языком, однако в нем еще сохранились следы старой словесности, например, использование красивых крылатых выражений, древнекитайско-вьетнамских слов. Первый перевод «Воскресения» сохранил следы архаического письма. Докажем наше мнение.

¹⁸⁴ Воскресение // Голос народа. – Хуэ, 1927-1928. Глава 2. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием главы.

3.4.1. Фонетические неточности и орфоэпические ошибки

Современные читатели легко замечают присутствующие в первом переводе романа «Воскресение» фонетические неточности и орфоэпические ошибки. Напомню: вьетнамский язык – тоновый. В литературном языке имеется шесть тонов [банг, хюен (◻), шак (◻), хой (◻), нга (˘), нанг (.)], в центральном и южном Вьетнаме тоны «хой» и «нга» слились. Отметим, что переводчик Хоа Чунг – житель Южного Вьетнама. Кроме того, перевод «Воскресения» опубликован в газете «Голос народа» в центральной части Вьетнама, поэтому в нем есть неправильности в центральном гласном, в тоне, в начальном согласном и в конечном согласном.

А. Неправильность в центральном гласном:

Слово в переводе	Транскрипция	Литературное слово	Транскрипция	Значение
Chánh phủ	[тьань фу]	Chính phủ	[тьинь фу]	Правительство
Bệnh viện	[бинь виен]	Bệnh viện	[бень виен]	Больница
Chánh đảng	[тьань данг]	Chính đảng	[тьинь данг]	Справедливость
Gởi (thư)	[гой]	Gửi (thư)	[гый]	Послать (письмо)
Tầng (lầu)	[тынг]	Tầng (lầu)	[танг]	Этаж
Hôn nhơn	[хон ньон]	Hôn nhân	[хон ньан]	Брак
Chánh trị	[тьань чи]	Chính trị	[тьинь чи]	Политика

По нашим наблюдениям, в переводе около 30-40 слов, в которых существует неправильность в центральном гласном. Эти слова постоянно повторяются. Правда, иногда (это чистая случайность) они пишутся по правильному фонетическому произношению.

Б. Неправильность в тоне

В большинстве слов Центрального и Южного Вьетнама не отличается тон «нга» от тона «хой»:

Слово в переводе	Транскрипция	Литературное слово	Значение
Vui vẻ	[вуй ве]	Vui vẻ	Веселость
Giúp đỡ	[жуп до]	Giúp đỡ	Помощь
Phản đối	[фан дой]	Phản đối	Возражать
Thay đổi	[тхай дой]	Thay đổi	Изменять
Sợ hãi	[шо хай]	Sợ hãi	Бояться
Khoẻ khoẻ	[кхое кхоан]	Khoẻ khoẻ	Здоровый
Lãnh đạm	[лань дам]	Lãnh đạm	Равнодушно

В разных номерах газеты, где опубликован перевод «Воскресения», количество слов, в которых есть неправильность в тоне, неодинаково. В первых номерах оно заняло незначительное место. Однако, в последующих номерах от 20% до 25% слов с неправильностью. Например, в № 70 112 слов с точностью в тоне, 16 с неправильностью.

Эта особенность обусловлена спецификой произношения южных и центральных жителей.

В. Неправильность в начальном согласном

Южные люди не различают согласные «d» и «gi», путают «ch» и «tr», «x» и «s»:

Слово в переводе	Транскрипция	Литературное слово	Транскрипция	Значение
Bà gi	[ба жи]	Bà dì	[ба зи]	Тетя
Gian giói	[жан жой]	Gian dôi	[жан зой]	Врать
Dận	[зан]	Giận	[жан]	Обидеться
Dọng nói	[зонг ной]	Giọng nói	[жонг ной]	Голос
Dữa (phòng)	[зыа]	Giữa (phòng)	[жыа]	Середина (комнаты)
Dường (ngủ)	[зыонг]	Giường (ngủ)	[жыонг]	Кровать
Câu truyện	[кау чуен]	Câu chuyện	[кау тьуен]	История
Sưởng máy	[шыонг май]	Xưởng máy	[сыонг май]	Фабрика

Г. Неправильность в конечном согласном

Неправильность в конечном согласном встречается не столь часто: «rán» [ран] (т.е. стараться) вместо литературного слова «ráng» [ранг], «dắс» (tay) [зак] (т.е. водить (руку) вместо «dắт» (tay) [зат])...

Итак, два вышеназванные первые случаи – типичные неправильности, причина которых в особом произношении жителей Центрального и Южного Вьетнама, а последние являются орфоэпическими ошибками. К сожалению, подобная «специфика» до сих пор присутствуют во вьетнамском языке.

3.4.2. Лексика перевода

Лексика, которую использует переводчик, в основном, не отличается от современной вьетнамской лексики. Многие слова еще живы по сей день. Однако в переводе есть диалекты и древнекитайско-вьетнамские слова, которые теперь редко или совсем не появляются в разговорной и в письменной речи. Это является типичной стилистической чертой газеты «Голос народа». Примеры: «*tiêu thơ*» [тиеу тхо] (барышня) вместо литературного слова «*tiêu thư*» [тиеу тхы], «*thơ*» [тхо] (письмо) вместо «*thur*» [тхы], «*chánh phủ*» [тьань фу] (правительство) вместо «*chính phủ*» [тьинь фу].

Студентка Нгуен Тхи Лан Зунг под руководством известного вьетнамского профессора Нгуен Хай Ха пишет в своей дипломной работе: «Анализируя газету "Голос народа", замечаем, что почти во всех статьях есть диалекты, потому что журналисты и сотрудники – обитатели Центрального и Южного Вьетнама. Однако частотность использования диалектов различна. Результат исследования показывает, что в политических и общественных статьях диалекты меньше употребляются, чем в литературных переводах и художественных произведениях»¹⁸⁵.

Наряду с диалектизмами, в переводе «Воскресения» присутствуют древнекитайско-вьетнамские слова, которые используются либо редко в настоящие дни, либо приобретают новое значение. Примеры. Первый абзац «Воскресения» переведен: «*Mấy trăm ức triệu người ở một xó địa cầu này cứ hết sức mà phá hoại tạo hoá đi; họ cứ đào đất rải đá, dẫy cỏ đốn cây đi, họ cứ săn cầm bắn thú đi; cái cảnh tượng bốn mùa bao giờ cũng vẫn thế; chiều xuân cũng vẫn đằm thắm dịu dàng; thái dương cũng vẫn êm đềm rực rỡ; hoa cỏ trong vườn ngoài nội vẫn phô màu tươi tốt, cây cối bên đường dọc phố vẫn đằm mông nảy*

¹⁸⁵ Нгуен Тхи Лан Зунг. Исследование перевода романа Л. Толстого «Воскресение» в газете «Голос народа» в 1927-1928 гг.: Дипл. работа. – Ханой, 2003. – С. 34.

chôi, chim chích chim câu vẫn dúi dít đũa nhau làm tổ cho đến con mồi con nhặng cũng reo mừng như chào hỏi bóng thiều quang» (1). В обратном переводе это так выглядит: «Как ни старались сотни тысяч людей, собравшихся в углу этой планеты, изуродовать землю, как ни раскапывали ее, как ни рассыпали камни, вырывали траву, обрезали деревья, как ни охотились на животных и птиц, картина четырех сезонов никогда не менялась; весенний день такой же родственный, нежный; солнце спокойное, яркое; цветы в садах и на полях такие же пышные, придорожные деревья распускали клейкие и пахучие листья, певчие птицы, голуби радостно готовили гнезда, мухи как бы приветствовали солнце». В этом фрагменте есть три словосочетания: «*trăm ức triệu*» [чам ык чиеу] (т.е. сотни тысяч), «*thái dương*» [тхай зыонг] (т.е. солнце) и «*bóng thiều quang*» [бонг тхиеу куанг] (т.е. красивый весенний свет). Среди них, первое словосочетание совсем не употребляется в современном вьетнамском языке, второе и третье – архаистические существительные, приметы древней вьетнамской литературы, редко встречающиеся в настоящее время.

Другой пример. «*Bây giờ thân mẫu qua đời, công tử lại thành một nhà phú hộ to hơn nữa, thì phải quyết định cho bề nào: một là **khí tuyệt** hết thầy sản nghiệp như mười năm trước đã **khí tuyệt** mấy chục mẫu đất của thân phụ, hai là...*» (3). Обратный перевод: «Теперь мать умерла, он сделался большим землевладельцем, он должен решить одно из двух: или отказаться от своей собственности, как сделал это десять лет тому назад по отношению десятин отцовской земли, или ...». Слово «*khí tuyệt*» [кхи тует] (отказаться) не существует в современном вьетнамском языке. В наши дни используются его синонимы, такие как «*khước từ*» [кхыок ты], «*chối bỏ*» [тьоу бо], «*từ chối*» [ты тьоу].

Еще один пример. «*Ấy từ đó bắt đầu cái kiếp như nước, cái kiếp trái phàm hẳn với nhân đạo và **thiên lý**, cái kiếp mà nghìn vạn phụ nữ cũng mang chịu như nàng, không những có phép nhà nước dung cho, mà lại được pháp luật bảo hộ*

nĩa...» (2). Переведем так: «С тех пор началась мерзкая жизнь, которая противоречит человечности и природным законам, которая ведется сотнями и сотнями тысяч женщин, и ее (Катюши), не только с государственного разрешения, но под покровительством правительственной власти». Словосочетание «*thiên lý*» [тхиен ли] – крылатое выражение, которое использовалось и в китайской, и во вьетнамской культуре. Оно обозначало "природные законы" и его языковое происхождение зависит от идеалистического мировоззрения. В современности это слово редко употребляется.

Несмотря на то, что в первом переводе романа «Воскресение» присутствует много архаических древнекитайско-вьетнамских слов, переводчик Хоа Чунг все-таки старался использовать современные ему слова, чтобы передать содержание, главные идеи произведения. Бесспорно, язык постепенно изменяется, есть архаизмы, появляются неологизмы.

Примеры. «*Đêm ấy chàng (Đê-mịch-tri) không ngủ được khi chàng nghĩ đến án Mật-lô-va, nghĩ đến sự đã định bỏ hết tư sản để theo nàng, thì lại thấy cái mặt Ma-ri-ét hớn hờ tươi cười đứng một bên <...>. Rồi chàng nghĩ rằng bỏ gia tư sản nghiệp mà theo Mật-lô-va sang Tây-bá-lợi có nên không?»* (49). В обратном переводе: «В эту ночь он не мог заснуть. Вспомнил о судебном решении для Масловой, о намерении ехать за нею, о своем отказе от частной собственности; вдруг представил веселое лицо Mariette. <...>. Он подумал, хорошо ли он поступает, лишив себя собственного имущества, отправляясь за Масловой в Сибирь?». В современном вьетнамском языке словосочетание «*tư sản*» [ты шан] приобретает следующие значения «1. Человек, принадлежащий буржуазии; 2. Свойственный буржуазии, характерный для неё». Если каждое слово из этого сочетания используется отдельно, то оно приобретает другое значение. В начале XX века это словосочетание обозначает "собственное имущество", при этом слово «*tư*» обозначает «собственность», а «*sản*» – «имущество». Несомненно, словосочетание одно и то же, но в разное время оно имеет

разные значения: одно уходит в архаичность, другое применяется по сей день.

Другой пример. «*Sau chàng (Si-mông-son) làm giáo sư trường làng, gia nhập vào hội Dân-y, rồi đi diễn thuyết cổ động cách mạng*» [53]. Обратный перевод: «Потом он (Симонсон) поступил в село профессором, сошелся с народниками, проповедовал революцию». В современном вьетнамском языке слово «*giáo sư*» [жао шы] имеет значение "учёное звание и должность преподавателя вуза или научного сотрудника научно-исследовательского учреждения", в начале же XX века это слово обозначало "учитель".

В анализируемом переводе нами отмечены нарушения порядка слов. В тексте есть некоторые словосочетания, в которых порядок слов не соответствует принятым в современном литературном вьетнамском языке нормам. Рассмотрим следующий пример: «*Đê-mịch-tri lại gần bàn giấy, kéo cái ngăn rút có đê nhan là “việc gấp» thì thấy ngay thơ triệu tập*» [4]. Его перевод: «Дмитрий подошел к письменному столу, вытянул ящик под названием «срочные», увидел повестку». Нужно объяснить, что вместо словосочетания «*đê nhan*» [де ньян] (название) сейчас пишется «*nhan đê*» [ньян де], хотя семантика этих словосочетаний одна и та же.

«*Đê-mịch-tri về nhà trọ, đêm ấy cứ đi lại trong phòng không ngủ được. Chàng nghĩ rằng sự giao thiệp với Ca-tiêu-sa thế là liễu kết*» (54). Переведено так: «Дмитрий приехал в гостиницу, ночью не смог заснуть, он ходил взад и вперед в комнате. Он думал, что его дело с Катюшей было кончено». Вместо словосочетания «*liễu kết*» [лиеу кет] (т. е. закончить, сделать) в современности используется «*kết liễu*».

3.4.3. Транскрибирование имен русских героев

В любом переводе важной и сложной является проблема транскрибирования имен иноязычных героев, которая до сих пор вызывает у исследователей острый спор. В самом деле, одно иностранное слово имеет несколько вариантов транскрибирования: Москва – «Moskva, Moxkva, Moscou, Matxcova, Mat-xco-va, Mac Tu Khoa». Причина заключается в том, что в современном языке существуют разные мнения об основании для перевода: одни переводят иноязычные имена и названия с французского языка, другие – с китайского, а третьи – с языка оригинала.

В начале XX века «традиции перевода русской литературы еще только зарождались во Вьетнаме, и переводчикам, которые не знали русского языка, много хлопот доставляли труднопроизносимые для них имена героев»¹⁸⁶. Так, Дмитрий в переводе звучит как «Де-Мич-Чи», Маслова – «Мат-ло-ва», Катюша – «Ка-тиеу-ша»... Кроме того, географические названия переведены через язык-посредник: либо французский (Москва – «Мот-ку»...), либо китайский (Сибирь – «Тау-ба-лой»).

В этом же переводе существует еще одна проблема при транскрибировании русских имен. Дело в том, что имя одного персонажа переводится по-разному. Например: имя «Федосья» в переводе транскрибировалось либо [Фе-ни-ка], либо [Фи-ни-ка], «Селенин» – [Се-ле-нин], либо [Се-ле-нинь] и др.

Для современных вьетнамских читателей, знающих русский язык, это звучит как курьез. Однако Хоа Чунг старался транскрибировать иностранные имена и географические названия по латинским буквам, что, несомненно, облегчило понимание романа первыми вьетнамскими читателями.

Таким образом, недостатки первого перевода романа Л. Толстого «Воскресение» проявляются в том, что, во-первых, он был сделан не с языка-

¹⁸⁶ Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М., 2000. – С. 155.

оригинала, а с языка-посредника; во-вторых, большая часть романа была переведена в сокращенном варианте, неоправданно были отброшены как неактуальные важнейшие фрагменты произведения; в-третьих, язык перевода архаичен, во многом не соответствует нормам современного литературного языка Вьетнама, в нем присутствуют языковые неточности, даже ошибки. Стилистические особенности перевода характерны для центральной и южной частей Вьетнама. Однако, в сравнении с другими ранними переводами начала XX века, перевод «Воскресения» приобретает положительные черты: в целом он уходит от старой вьетнамской словесности, его стиль близок обыденной речи народа.

Изучая вопросы, связанные с первым переводом романа «Воскресение», вьетнамский исследователь Чан Тхи Куинь Нга убедительно пишет о том, что вьетнамская интеллигенция, впервые познакомившаяся с романом, была потрясена из-за «особенного светового потока, исходящего из гуманности содержания романа»¹⁸⁷. Разумеется, роман «Воскресение» вызывает у вьетнамских читателей сильное впечатление потому, что, во-первых, он представляет собой одну из литературных вершин, во-вторых, его содержание соответствует общественной обстановке, сложившейся тогда в стране. До 1945 года вьетнамский народ находился в обездоленном положении, стоявшая у государственного руля власть была марионеткой в руках французских колонизаторов, которые беспощадно подавляли всякий протест. Роман «Воскресение» указывал путь борьбы против сильных мира сего.

В журнале «Исследование литературы», в специальном номере к 100-ю со дня смерти Л.Н. Толстого (№ 12/2010), в статье «Лев Толстой в модернизации вьетнамской литературы (период до 1945 года)» доцент Дао

¹⁸⁷ Чан Тхи Куинь Нга. Прием русской прозаической литературы XIX века во Вьетнаме. – Ханой, 2010. – С. 35.

Туан Ань останавливается на первом переводе «Воскресения» и пишет: «Переводя «Воскресение», переводчик прицелился к одной из актуальных проблем вьетнамского общества – проституции, и надеялся на то, что это произведение поможет найти "светлый путь" путем нравственного самосовершенствования и возрождения добра в людях»¹⁸⁸.

Итак, в первом переводе романа Л. Толстого «Воскресение» есть фонетические неточности, орфоэпические ошибки, а также устарелые диалектизмы, архаичный порядок слов, который не используется в современном вьетнамском языке. Проблема транскрибирования иностранных имен, в том числе и русских, на вьетнамский язык до сих пор остается нерешенной. В этом переводе отражается не только путь изменения и развития вьетнамского языка, но и становление новых общественно-исторических, нравственных ценностей.

Несмотря на отмеченные недостатки, первый переводчик последнего романа Л. Толстого Хоа Чунг поставил перед собой и решил важные задачи: познакомил широкого вьетнамского читателя с новой великой литературой, показал нравственную высоту и актуальность для родной ему культуры и жизни идей оригинала. Поэтому первый перевод «Воскресения», как «первая ласточка», с благодарностью оценивается и воспринимается исследователями, критиками, писателями, читателями.

Глава 4. Сюжет романа «Воскресение», его транслирование на вьетнамский язык: обретения и потери

¹⁸⁸ Дао Туан Ань. Лев Толстой в модернизации вьетнамской литературы (период до 1945 года) // Исследования литературы. – Ханой, 2010. № 12. – С. 66.

4.1. Жанровая уникальность «Воскресения»

Работа над «Воскресением» была начата Толстым в 1889 году после перелома его мировоззрения. Труд по созданию романа растянулся на целое десятилетие, поэтому опубликован он был в 1899 году. Сюжетная канва и моральный смысл будущего «Воскресения» поначалу определялись случаем из практики известного судебного деятеля А.Ф. Кони. В основу произведения легла реальная история никоей Розалии Они и молодого человека из «общества». В окончательной редакции романа тема духовного возрождения главных героев органически соединялась с темой социальной. Разрыв героя – Дмитрия Нехлюдова – не только с воззрениями своей среды, но и с условиями ее существования, требовал выразительной обрисовки «практики» правящих сфер.

На наш взгляд, все романы Толстого не могут определяться в жесткой форме одного жанра, они тяготеют к жанровому синтезу.

Нужно сказать, что жанр романа «Воскресение» определяется по-разному. Сам Лев Толстой не называет свое произведение романом: «Человек определенным образом "поставлен" в романе, в жанровой традиции, композиции и сюжете; и эти структурно положенные "известные границы" Толстой своим лицам не может положить»¹⁸⁹.

М.Б. Храпченко в работе «Лев Толстой как художник» называет это произведение социально-сатирическим романом. Он разъясняет свое мнение: «Из психологического романа, каким было "Воскресение" в первоначальных редакциях, оно превратилось в произведение эпического склада, в котором

¹⁸⁹ Бочаров С.Г. Лев Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. – М.: Гослитиздат, 1963. – С. 235.

психологическая обрисовка героев соединяется с обличительно-сатирическим изображением жизни»¹⁹⁰.

На взгляд Н.К. Гудзия, Е.А. Маймина это произведение Л. Толстого принадлежит к числу социальных романов, однако, оно не похоже на большинство романов русской реалистической литературы. Исследователи пишут: «Он (т. е. роман) имеет ярко выраженную просветительскую направленность, это даже не просто роман, а роман и воззвание одновременно, "совокупное – многим – письмо", прямое обращение к читателю, страстный призыв к уничтожению лжи и необходимому социальному обновлению»¹⁹¹.

Жанровую оригинальность «Воскресения» Г.Н. Пospelов видит в его нравоописательности¹⁹².

Другие исследователи¹⁹³, изучающие позднее творчество Толстого, констатируют трансформацию его интереса от неповторимого в человеке к чертам характера, роднящим его с другими представителями социальной среды. Они останавливаются на пристальном внимании автора к судьбам социальных групп, характеризуют «Воскресение» социально-историческим романом.

В работе «Лев Толстой: Путь писателя» Е.А. Маймин называет «Воскресение» общественным романом: «Жизнь, которую Толстой изображал в "Воскресении", вся во лжи и кричащих несоответствиях, это жизнь кризисная по своей сути и очень беспокойная»¹⁹⁴.

С точки зрения Л. Кузиной и К. Тюнькина, роман представляет собой «своеобразную ступень на пути к обобщающему, энциклопедическому рома-

¹⁹⁰ Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. – М., «Сов. Писатель», 1965. – С. 253.

¹⁹¹ Гудзий Н.К., Маймин Е.А. Роман Л.Н. Толстого "Воскресение" // Толстой Л.Н. Воскресение. – М.: Наука, 1964. – С. 485.

¹⁹² Пospelов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы». – М., 1972. – С. 166.

¹⁹³ Орлова С.В. К вопросу о принципах исследования реализма Л.Н. Толстого в романе «Воскресение» // Учебные записки Ивановского гос. пед. ин-та им. Д.А. Фурманова. Иваново, 1970. – С. 63.; Опульская Л.Д. Эволюция реализма Л. Толстого // Развитие реализма в русской литературе. – М., 1974, Т. 3. – С. 19.

¹⁹⁴ Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. – М., 1978. – С. 167.

ну – роману, который соединил бы в себе особенности жанров <...> лирическую страстность исповеди, публицистичность трактата, простоту народного рассказа, социально-психологическую детерминированность повести – и не просто соединил, а представил в новом синтезе, новом качестве»¹⁹⁵.

В работе «Жанровая специфика "Воскресения" Л.Н. Толстого» Т.В. Романова рассматривает «Воскресение» как сложное в жанровом отношении произведение, которое объединяет в себе две жанровые тенденции: романическую (отношение Нехлюдова к Катюше) и этологическую (отношения князей, генералов, мужиков, арестантов, зрителей): «<...> жанр «Воскресения», выражая его "глубокое и всестороннее" содержание, был не просто "романом нового типа" (выражение, которые применяют и к "Войне и миру", и к "Анне Каренине"), а "романом-этологией", т. е. синтетическим жанром, где неразрывно и равноправно соединились сразу две жанровые тенденции»¹⁹⁶.

По нашему мнению, роман «Воскресение» определяется синтезом социального, религиозно-философского, политического, психологического начал.

4.2. Наблюдение над транслированием сюжета романа «Воскресение» на вьетнамский язык

Во Вьетнаме существует четыре перевода «Воскресения»: первый перевод появился в 1927-1928 годах, второй – в 1970 году под названием «Оживление» на Севере Вьетнама, в последующих изданиях переименовано в «Воскресение». Переводчиками этой работы были соавторы Фунг Уонг, Нгуен Нам (т. е. Ву Динь Фонг), Мок Нгиа и Нгок Ан. Третий перевод выполнен соавторами Нгуен Дан Там, Ву Ким Тхы под названием «Земля оживления» в

¹⁹⁵ Кузина Л., Тюнькин К. «Воскресение» Л.Н. Толстого. – М., 1978. – С. 109.

¹⁹⁶ Романова Т.В. Жанровая специфика «Воскресения» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник 1986: Статьи, материалы, публикации. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. – С. 135.

1973 году на Юге Вьетнама, и последний был переведен Фунг Уонг и Ву Динь Фонг прямо с русского языка. Этот труд был отредактирован на основе второго перевода, издан впервые в двух томах в 1999 году, а в последующих изданиях – в одном томе. В современности он является самым авторитетным переводом «Воскресения» во Вьетнаме.

В дальнейшей работе мы обращаемся к двум последним изданиям: «Земля оживления» (1973) и «Воскресение» (2005).

Любой перевод осложнен высокой смысловой загруженностью, поэтому это трудное, ответственное, но творческое дело. Переводчик должен в совершенстве обладать языком той литературы, с которой переводится произведение, не только понимать текст, но иметь высокий уровень культуры, эстетическое чутье, творческое мастерство, уметь проникнуть в самый дух и атмосферу произведения, глубоко изучить жизнь и деятельность писателя, осмыслить эпоху. Вместе с этим, с нашей точки зрения, уровень эквивалентности между исходным и переводным текстом обуславливается степенью смысловой близости оригинала и перевода, определяемой той частью содержания подлинника, которая сохраняется при переводе.

Выскажем некоторые предварительные соображения. Передача мастерства Л. Толстого-психолога вызывает серьезные затруднения у переводчиков. Отдельные недостатки и недочеты перевода в одних случаях являются следствием невнимательности переводчиков, в других – влиянием объективных структурных различий вьетнамского и русского языков, в третьих – этнокультурной уникальностью столь отличных друг от друга вьетнамской и русской культур.

При сопоставлении оригинала и перевода мы находим следующие сложности и недостатки в передаче душевного процесса главных героев «Воскресения»:

– неверность фактическая: переводчики допускают ошибки при передаче внешнего облика героя, что, в свою очередь, затрудняет понимание психологического состояния героя;

– неверность духовная, которая возникает при игнорировании процессуальности в изображении душевно-духовного состояния героев, сцепленности отдельных компонентов;

– принципиальная непереводаемость отдельных сцен, состояний героев, вызванная самыми разнообразными причинами.

4.3. Образ Катюши Масловой

В дневнике 5 ноября 1895 года Л. Толстой пишет: *«Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет "Воскресение". Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ о детях – "Кто прав"; я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное. И то же понял и о "Воскресении". Надо начать с нее. Сейчас хочу начать»* [53, с. 69]. Итак, Толстой начинает свой роман с судьбы народа, с образа Катюши Масловой. Два предыдущих романа начинались иначе: в «Войне и мире» изображается высший свет, «Анна Каренина» открывается портретами Левина и Анны, героев-аристократов.

Вначале обратим внимание на некоторые объективные сложности, с которыми столкнулись переводчики.

4.3.1. Фактические и психологические сложности

Приведем несколько примеров из множества существующих. В романе «Воскресение» написано: *«Черноглазая девочка вышла необыкновенно живая и миленькая, и старые барышни утешались ею»* [32, с. 7].

Рассмотрим его в разных переводах:

Третий перевод	Последний перевод
«Với đôi mắt đen nhánh, linh hoạt và dễ thương, đứa bé trở thành niềm an ủi thực sự của nhị vị ân nhân» (с. 10).	«Con bé có cặp mắt đen láy, người nhanh nhẩu, xinh xắn lạ thường. Hai bà có nó cũng vui» (с. 13).

В обратном переводе значит:

Третий перевод	Последний перевод
«С черными, живыми и миленькими глазами, девочка стала настоящим утешением двух спасительниц».	«Черноглазая девочка вышла живая и необыкновенная красивая. Она радовала барышень».

В переводе «Земля оживления» пропущено слово «необыкновенно», делающее портрет Катюши более экспрессивным. Кроме того, словосочетание «старые барышни» переводится как «две спасительницы», что «монополизирует» их исключительное право на спасение героини, хотя читатель уже в начале романа узнает о том, что эти «спасительницы» толкнули Катюшу на путь нравственной гибели.

Не считаем удачным и замену в последнем переводе «Воскресения» слов «миленькая», «утешались» на слова «красивая», «радовалась». Прилагательное «миленький» обозначает «привлекательный на вид, хорошенький», а «красивый» – «доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью». По нашему мнению, Л. Толстой обращает внимание на привлекательность облика девочки Катюши, а не на ее красоту. Значения глаголов «утешиться» и «радоваться» не являются синонимами.

Одно из них – «успокаиваться, освобождаясь от чувства тревоги, горя», а другое – «испытывать радость». Несомненно, переводчики сохранили лишь «канву» эпизода.

Стоит уделить внимание тем эпизодам, в которых дается изображение глаз Катюши. Глаза, как известно, – зеркало души. Берем следующий фрагмент из оригинала: *«Несмотря на неестественную белизну и полноту лица, особенность эта, милая, исключительная особенность, была в этом лице, в губах, в немного косивших глазах и, главное, в этом наивном, улыбающемся взгляде и в выражении готовности не только в лице, но и во всей фигуре»* [32, с. 32].

В переводах дается так:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Mặt dù khuôn mặt của nàng trắng nõn, trắng khác thường, đôi má múm mím, cái ánh sáng tâm hồn hiền hậu dường ấy, đặc biệt dường ấy, cũng vẫn lộ hẳn ra. Ánh sáng làm cho gương mặt nàng trắng bệch, đôi môi tươi đẹp, cặp mắt long lanh, hóm hờ. Một vẻ đầy thiện chí phát tiết, không những trên gương mặt, mà từ tất cả thân hình nàng» (с. 50).</p>	<p>«Mặt dầu mặt nàng trắng bệch và hơi phì phì, chàng vẫn còn thấy cái nét riêng đáng yêu, cái nét riêng đặc biệt kia trên khuôn mặt, cặp môi, đôi mắt hơi hiêng hiêng, và nhất là ở cái nhìn ngây thơ, tươi tắn, ở cái vẻ ngoan ngoãn lộ ra không chỉ trên vẻ mặt mà ở cả dáng người» (с. 56).</p>

Обратно переведено так:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Несмотря на белоснежное ли-</p>	<p>«Несмотря на ее мертвенно-</p>

<p>цо, неестественно белое, пухлые щечки, свет доброй души, исключительный, особенный, явно выражен. Свет освещает ее мертвенно-бледное лицо, красивые губы, веселые, блестящие глаза. Доброжелательность выражается не только в лице, но и во всей фигуре».</p>	<p>бледное и пухлое лицо, он (Нехлюдов) видит милую особенность, исключительную особенность в лице, в губах, в немного косивших глазах и, главное, в этом наивном, улыбающемся взгляде и в выражении готовности не только в лице, но и во всей фигуре».</p>
--	---

К сожалению, авторы «Земли оживления» не передают тонкость толстовского стиля. Толстой-портретист часто использует какую-то одну, доминирующую, повторяющуюся деталь. При изображении Катюши – это «немного косившие глаза», делающие ее облик неповторимым, единственным в своем роде. Именно эта деталь позволила Нехлюдову увидеть в проститутке Любви, обвиняемой в убийстве, когда-то любимую им Катюшу. В третьем переводе эта деталь отсутствует («веселые, блестящие глаза»), в последнем переводе она присутствует.

В одном переводе лицо Катюши выглядит как «белоснежное, неестественно белое», «мертвенно-бледное», в другом – «мертвенно-бледное и пухлое». Для вьетнамцев слово «мертвенно-бледное» выражает либо болезнь человека, либо нестерпимое страдание. Переводчики акцентно усилили момент безвинного страдания героини, присутствующий у Толстого, но неоправданно гипертрофировали его. Толстой – и это справедливо – пишет не столько о вине Катюши, сколько о беде, постигшей ее, но момент личной вины героини все-таки им не снимается. В переводе он утрачен, а значит, схематизирован психологический облик героини.

Авторы третьего перевода часто используют диалектизмы южного Вьетнама, допускают фонетические неточности и орфоэпические ошибки. В литературном вьетнамском языке имеется шесть тонов [банг, хюен (ˊ), шак

('), хой (□), нга (~), нанг (.)], в Центральном и Южном Вьетнаме тоны «хой» и «нга» слились. В анализируемом отрезке авторы используют «mũm mĩm» [мум мим] вместо литературного прилагательного «mũm mĩm».

Переходим к анализу следующего предложения: «*Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу*» [32, с. 45].

Его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Katioucha mắt long lanh, nét mặt hân hoan chạy như bay tới» (с. 70).	«Katiusa tươi cười, mắt đen láy như những trái mận dại ướt, chạy vụt đến» (с. 77).

Переведено так:

Третий перевод	Последний перевод
«Катюша с блестящими глазами, с веселым лицом летела».	«Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая дикая слива, глазами, летела».

Черные, блестящие, оживленные, косившие глаза – индивидуальная, особенная черта портрета Катюши. Однако, перевод «Земли оживления» лишь в малой мере смог отразить прелесть шестнадцатилетней девочки. С нашей точки зрения, это предложение удачно передано в последнем переводе «Воскресения», в котором присутствуют «черные, как мокрая смородина, глаза» (в переводе «как мокрая дикая слива»). Эта деталь неоднократно повторяется на страницах оригинала, особенно в той части, где речь идет о невинной Катюше. Позднее она не употребляется, так как жизнерадостность, наивность, молодость Катюши не возвращаются после пережитого ею духов-

ного страдания и кризиса (имеем в виду сцену на железной дороге). Эта деталь выражает не просто внешнюю красоту девочки, но и ее духовное богатство.

Объясняем причину замены переводчиками слова «смородина», словосочетанием «дикая слива». Во вьетнамском языке имеется слово, соответствующее слову «смородина», но оно означает «малину». Дело в том, что во Вьетнаме нет этого ягодного кустарника. Поэтому в этом переводе слово «смородина» заменяется «дикой сливой». Нам кажется, что в данном случае автор перевода поступает правильно, используя другое словосочетание.

Встретившись с Катюшей у своих тетушек второй раз, Нехлюдов нашел ее еще милее, чем прежде: *«Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся, наивные, чуть косившие черные глаза»* [32, с. 52] .

В переводах дается так:

Третий перевод	Последний перевод
«Vẫn đôi mắt đen lay láy, hớn hờ và ngây thơ ấy, lẽ duyên một chút, vẫn cái lối nhìn từ chân đến đầu ấy, và vẫn như thuở nào» (с. 82).	«Vẫn cặp mắt đen láy ngược lên nhìn, cặp mắt hơi hiêng hiêng, tươi tỉnh và ngây thơ» (с. 88).

Переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Такие же черные, веселые и наивные глаза, такой же взгляд; с ног до головы, все та же».	«Так же снизу вверх смотрели улыбающиеся, наивные, чуть косившие черные глаза».

Переводчики Фунг Уонг и Ву Динь Фонг удачно передают внешний облик Катюши, но в переводном тексте Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы есть некоторые странности. Во-первых, мы не понимаем значение словосочетания «lẻ duyên» и не находим его в словаре вьетнамского языка, поэтому не можем сделать обратный перевод; во-вторых, глагол «смотрели» в оригинале заменяется существительным «взгляд», причем, сочетание «взгляд с ног до головы» не вызывает у вьетнамского читателя симпатию; в-третьих, авторы «Земли оживления» вновь опускают индивидуализирующий облик героини деталь: глаза не просто веселые, а улыбающиеся, не просто черные, а «косившие черные».

Обратим внимание на лингвистические сложности, возникающие при переложении словосочетания «косившие глаза» с русского языка на вьетнамский. Во вьетнамском языке есть два слова: «lẻ» [ле] и «hiêng» [хиенг], которые допустимы в переводе этой детали. В третьем переводе часто используется «lẻ», а в последнем – «hiêng», даже «hiêng hiêng» (т. е. чуть-чуть косившие). Но в восприятии вьетнамских читателей эти слова не всегда тождественны, так как общеупотребляемое слово «lẻ» вызывает у них не симпатию, а, в первую очередь, представление о глазном заболевании – косоглазии. Наоборот, «hiêng», имеющее такое же значение, применяется и в художественных произведениях, обладает эмоциональным оттенком. Вьетнамский словарный запас богат. Нужно выбрать правильное слово, которое точно передаст смысл и эмоционально-экспрессивную выразительность оригинала. В данной ситуации, переводчики Ву Динь Фонг и Фунг Уонг обладают более высоким художественным чутьем, чем их коллеги Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы.

Берем для анализа другую деталь из портрета Катюши. В темную, осеннюю, дождливую и ветреную ночь Катюша прибежала к маленькой станции, чтобы увидеть Нехлюдова: «*Катюша <...> надела старые ботинки, накрылась платком*» [32, с. 130].

Переводчики так дают:

Третий перевод	Последний перевод
«<...> Katioucha mang đôi giày cũ, đầu quấn khăn, xắn cao váy» (с. 209).	«Nàng (Katiusa) đi đôi ủng cũ, trùm khăn kín» (с. 226).

Переведено так:

Третий перевод	Последний перевод
«<...> Катюша надела старые ботинки, окутала голову платком, высоко засучила платье».	«Она надела старые сапоги, накрылась платком».

В подлиннике существительное «ботинки», что значит «обувь, закрывающую ногу по щиколотку», заменяется в последнем переводе «сапогами», что обозначает высокую обувь, охватывающую голени. С нашей точки зрения, переводчики последнего перевода сделала эту ошибку из-за невнимательности, возможно, из-за незнания реалий русского быта. Более серьезной ошибкой мы считаем тот факт, что авторы «Земли оживления» произвольно заставили Катюшу «высоко засучить платье», что придало ей несколько вульгаризированный облик, не соответствующий высокой трагичности переживаемого ею момента.

Рассмотрим другой пример. При первой встрече с Нехлюдовым в тюрьме после длительного перерыва в их общении, когда Катюша узнала его, «улыбка, однако, исчезла с ее лица, лоб стал страдальчески морщиться» [32, с. 146].

Это предложение переведено так:

Третий перевод	Последний перевод
«Tuy nhiên nàng không cười nữa, trán hơi nhăn lại» (с. 234).	«Tuy nhiên, nụ cười trên môi nàng biến hẳn và vầng trán bỗng nhăn lại, đau khổ» (с. 252).

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Однако, она больше не улыбнулась, лоб немножко морщился».	«Однако улыбка на ее губах исчезла, и лоб стал страдальчески морщиться».

Сравнивая два перевода, мы заметили, что последний перевод «Воскресения» сохраняет смысл оригинала более, чем предыдущий. Неточность в этой работе одна: у Толстого улыбка исчезла с лица Катюши, а у переводчиков: «улыбка исчезла с ее губ». Однако эта неточность, на наш взгляд, не затрудняет возможность понимать читателями сложность чувств, переживаемых героиней в этот момент, тем более что наречие «страдальчески» не пропущено в этом переводе.

Во второй встрече в тюрьме Нехлюдов в первый раз ясно увидел лицо Катюши в близком расстоянии: «*морщинки около глаз и губ и подпухлость глаз*» [32, с. 164].

Эта деталь в переводах так выглядит:

Третий перевод	Последний перевод
«<...> những nếp xếp lờ mờ ở đuôi mắt có quầng, những vết nhăn quanh môi, vết lõm dưới mắt» (с. 266).	«<... > những vết nhăn ở đuôi con mắt, ở hai mép và đôi mắt hùm hụp của Maxlôva» (с. 283).

Обратно переведено так:

Третий перевод	Последний перевод
«<...> неявные морщинки около глаз, мешки под глазами, морщинки вокруг губ».	«<... > морщинки около глаз и краев губы и подпухлость глаз».

В этом описании переводчики Нгуен Дан Там и Ву Минь Тхы прибегают к другому выражению, чем у Толстого. Добавляя деталь «мешки под глазами», они усиливают усталость и беду Катюши, т.е. продолжают драматизировать судьбу героини. В последнем переводе Фунг Уонг и Ву Динь Фонг используют сочетание «края губы» вместо «губ», может быть, с целью более конкретно дать внешний облик главной героини.

Обратим внимание на такую деталь, присутствующую при описании туалета героини: «кофта» и «фартук». В переводе «Земля оживления» нет общего перевода понятий «кофта» и «фартук» с французского на вьетнамский язык. В одном случае, слово «кофта» переведено как «женская одежда, короткая – обычно до пояса или до бедер», а «фартук» – «предмет одежды, надеваемый для предохранения передней части платья от загрязнения». В другом случае, «кофта» приобретает значение «фигурная блуза», а «фартук» – «верхняя одежда».

В последнем переводе слово «кофта» переводится по-разному: либо «халат», либо «рубашка», либо «короткая верхняя одежда». На страницах этого перевода в одной ситуации «фартук» точно передается, в другой он несколько иначе звучит: «платок фартука», что может показаться читателю странным, но эта деталь переводится именно так.

Полагаем, что есть основания говорить об отмеченных нами погрешностях, большей частью возникающих из-за невнимательности переводчиков.

Дело в том, что третий и последний переводы являются трудами коллективов переводчиков, что и привело в итоге к некоторым «шероховатостям» в передаче оригинала.

Портретное описание требует скорее дословного перевода, и поэтому передать его на другой язык – задача совсем нелегкая. Сравнивая два перевода романа Л. Толстого «Воскресение», мы заметили, что авторы перевода под названием «Земля оживления» допускают значительно больше ошибок при передаче внешности Катюши Масловой, чем авторы последнего перевода. Это связано, по всей видимости, с тем, что третий перевод выполнен с французского языка-посредника, а последний – с языка оригинала. Кроме того, в Сайгоне в 1970-х годах издательства преследовали преимущественно коммерческие цели, поэтому борьба за читателя велась самыми разными средствами, не пренебрегали в связи с этим и «скороспелыми» продуктами переводной практики.

4.3.2. Сложности в передаче духовного облика

Перейдем к рассмотрению трудностей, которые не позволили переводчикам передать мощь, разнообразие, духовную напряженность оригинала. Здесь мы имеем в виду искажение образов, бледность красок, уничтожение индивидуальности подлинника. Для передачи этой стороны оригинала требуется не буквальный перевод, а вольный, передающий читателям не слова, а дух романа. В этой части работы мы сосредоточиваем внимание не только на отдельных деталях, но и на процессуальности изображения душевно-духовного состояния Катюши Масловой, на сцепленности отдельных компонентов.

Возьмем следующий фрагмент для анализа: *«Масловой предстоял выбор: или унижительное положение прислуги, в котором наверное будут пре-*

следования со стороны мужчин и тайные временные прелюбодеяния, или обеспеченное, спокойное, узаконенное положение и явное, допущенное законом и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодеяние, и она избрала последнее» [32, с. 10].

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Maslova có cơ hội lựa chọn: hoặc than phận tôi đòi, tủi nhục, chắc chắn phải lén lút tiếp đàn ông. Với những chiếc hôn vụng trộm, những chiến hôn chớp nhoáng, hoặc một địa vị đảm bảo, hợp pháp, (lấy môn bài, được luật pháp châm chước, được thù lao trọng hậu, và chắc chắn bền lâu). Nàng chọn giải pháp sau» (с. 15).</p>	<p>«Maxlôva phải chọn một trong hai con đường: hoặc cam chịu than phận tôi đòi hèn hạ, khó thoát khỏi những trò săn đuổi của bọn đàn ông và đôi khi vẫn phải làm chuyện dâm ô vụng trộm: hoặc sống cuộc đời đảm bảo, yên ổn, hợp pháp, dâm dật công khai, thường xuyên, vừa kiếm được lắm tiền, vừa được pháp luật cho phép. Nàng chọn con đường thứ hai» (с. 18).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Маслова имеет шанс выбора: или унижительное положение прислуги, наверняка будет секретное принятие мужчин, с тайными поцелуями, с быстрыми поцелуями, или обеспеченное, узаконенное положение (взятый патент, допущенное законом и хорошо оплачиваемое и постоянное прелюбодеяние). Она из-</p>	<p>«Масловой предстоял один из двух пути: или унижительное положение прислуги, в котором трудно избежать преследования со стороны мужчин и иногда должны быть тайные прелюбодеяния, или обеспеченное, спокойное, узаконенное положение и явное, постоянное прелюбодеяние, хорошо оплачиваемое и</p>

брала последнее».	допущенное законом. Она избрала второй путь».
-------------------	---

Мне кажется, что в переводах, особенно в третьем, неточно передается мысль Катюши. Объясняем наше мнение.

Проанализируем фразу: «Масловой предстоял выбор», в которой речь идет не о праве выбора Катюши, а о ее обязанности. В третьем переводе написано: «Маслова имеет шанс выбора», а в последнем – «Масловой предстоял один из двух путей». На наш взгляд, оба варианта не точно отражают смысл фразы оригинала. У Катюши нет счастливого выхода: оба варианта тупиковые. Она должна решить, кем она станет: либо прислугой, либо проституткой. Поэтому слово «шанс», употребляемое в третьем переводе, не соответствует написанной Толстым ситуации, смягчает горе бедной девушки. В последнем переводе вместо слова «выбор» авторы используют словосочетание «один из двух путей». Несмотря на то, что эта замена не дурно влияет на содержание предложения, все-таки не полностью сохраняет стиль писателя.

Наше внимание привлекает сочетание «с тайными поцелуями, с быстрыми поцелуями», которого нет в оригинале, но которое присутствует в третьем переводе. Включение лишнего словосочетание в данном случае искажает эстетическое впечатление. Так как это словосочетание в нашем языке звучит не совсем приятно. Иными словами, авторы не передали читателю не только индивидуальность Катюши, но и стилистические особенности Толстого, причем, не понимали отвращение Толстого к животной любви. Причиной этого искажения, кажется, является желание привлечь читателей. Несомненно, для переводчика в вольном переводе важна способность проникаться чужими мыслями и чувствами. В связи с этим, дух переводчика должен достойно сочетаться с духом им воссозданного поэта. Однако не трудно заметить, что в этой ситуации переводчики лишь извращают оригинал.

Берем для анализа другой отрывок. После суда в тюрьме Катюша вспоминала о многом, но только не о своем детстве и молодости, в особенности о Нехлюдове и любви к нему: *«Нынче на суде она не узнала его не столько потому, что, когда она видела его в последний раз, он был военный, без бороды, с маленькими усиками и хотя и короткими, но густыми вьющимися волосами, а теперь был старообразный человек, с бородою, сколько потому, что она никогда не думала о нем»* [32, с. 130]. Сразу скажем, что это предложение отсутствует в третьем переводе «Земля оживления». Значит, авторы перевода романа пропустила внутренний портрет главной героини, сделали ее образ бледнее и менее эмоциональным.

В последнем переводе оно так звучит: *«Hôm nay ở toà, nàng không nhận ra chàng, không phải vì bây giờ chàng đã là một người trung niên để râu, khác hẳn khi nàng gặp lần cuối cùng, - bây giờ chàng mặc quân phục, chưa có râu, chỉ có hàng ria mép nhỏ và có làn tóc quăn ngắn nhưng dày, - mà chính vì nàng chẳng hề bao giờ nghĩ đến chàng nữa»* (с. 225). В обратном переводе так выглядит: «Нынче на суде она не узнала его не потому, что теперь он был пожилой человек с бородою, отличный от того, которого она видела в последний раз, когда он носил военную одежду, был без бороды, с маленькими усиками и короткими, но густыми вьющимися волосами, а главное, потому, что она никогда не думала о нем».

В целом, это предложение переведено удачно. Однако есть неточности. Сначала мы обратим внимание на градационный союз «не столько... сколько», который пропустили переводчики Фунг Уонг и Ву Динь Фонг. Этот союз часто употребляется при соединении однородных членов предложения, второй из которых сопоставляется с первым и представляется более существенным, важным. Используя его, Толстой хочет усилить не очевидную разницу внешнего облика тогдашнего и нынешнего Нехлюдова, а воспоминание Катюши, страдающей от греха этого князя. В ужасную темную осеннюю

ночь Катюша Маслова отгоняла смущавшие ее воспоминания и принимала привычные рушения. Хотя союз «не столько... сколько» является служебными словами в предложении, но он играет важную роль в понимании текста.

Рассмотрим дальше. Слово «старообразный» приобретает значение «имеющий старческий вид», т. е. «кажущийся старше своих лет». Вместо него в переводе употребляется прилагательное «пожилой», что значит «начинающий стареть, немолодой». Думается, что эта замена не удачна, так как эти слова в точности не соответствуют друг другу.

Непонятно, почему в переводе авторы используют словосочетание «надел военную одежду». По выразительности оно дает такой же образ Нехлюдова, какой в оригинале, но нарушает лингвистическое соответствие перевода с оригиналом. Тем более, что во вьетнамском языке есть сочетание «был военным», использованное в оригинале. Поэтому неточность перевода в данном случае можно поставить в вину переводчикам из-за их невнимательности.

Перейдем к анализу предложения: *«До этой ночи, пока она надеялась на то, что он заедет, она не только не тяготилась ребенком, которого носила под сердцем, но часто удивленно умилялась на его мягкие, а иногда порывистые движения в себе»* [32, с. 130].

Переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Trước đêm ấy, nàng còn hy vọng sẽ gặp lại chàng trong một ngày nào đó, biết đâu chàng chẳng ghé thăm. Cái bào thai trong bụng lúc đó, làm nàng</p>	<p>«Cho đến tận trước đêm hôm đó, và trong khi còn hi vọng Nêkhliudôp sẽ tới thăm thì nàng chẳng những không hề thấy lo buồn vì đứa con nằm trong</p>

xúc động vô cùng, vui buồn lẫn lộn, nhứt là những lúc thấy nó động đậy khi nhẹ nhàng, lúc mạnh bạo» (с. 209).	bụng, áp dưới trái tim mình, mà còn bồi hồi cảm động mỗi khi thấy cái thai cựa quậy nhẹ, đôi khi hơi mạnh, trong bụng mình» (с. 225).
---	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«До этой ночи она надеялась на то, что он заедет. Тогда плод в животе вызывал у нее сильное умиление, смешанное с радостью и печалью, особенно когда она чувствовала его движения, то мягкие, то энергичные».	«До этой ночи, пока она надеялась на то, что он заедет, она не только не тяготилась ребенком, которого носила под сердцем, но часто умилялась, когда видела его мягкие движения в себе, а иногда немножко порывистые».

Ребенок – это драгоценный дар от Бога. Как и все женщины, Катюша чувствует развитие малыша в своей утробе, особенно умиляется подаваемым им признакам жизни. В этом отрывке русский писатель тонко и чутко описывает женственность Катюши.

Приступаем к анализу этого фрагмент из третьего перевода. Переводчики искажают содержание оригинала: «Тогда плод в животе вызывал у нее сильное впечатление, смешанное с радостью и печалью». В исходном тексте нет слова "печаль". Остается непонятным, почему это слово употребляется в этом переводе. Психологическое состояние Катюши передается искаженно. В последнем переводе авторы прибегают к другой конструкции, чем у Толстого, но, на наш взгляд, это предложение удачно переведено. Используемые слова в переводе равноценны русским словам. В результате портрет героини сохраняет ту тонкость и точность изображения, которую дал ему Толстой.

Рассмотрим другой фрагмент из подлинника: «"Пройдет поезд – под вагон, и кончено", – думала между тем Катюша, не отвечая девочке. Она решила, что сделает так. Но тут же, как это и всегда бывает в первую минуту затишья после волнения, он, ребенок – его ребенок, который был в ней, вдруг вздрогнул, стукнулся и плавно потянулся и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым. И вдруг все то, что за минуту так мучало ее, что, казалось, нельзя было жить, вся злоба на него и желание отомстить ему хоть своей смертью, – все это вдруг отдалилось. Она успокоилась, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой» [32, с. 131-132].

Он так переведен:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Katioucha chét lặg: “Bây giờ mà có xe lửa đến mình đâm đầu vào là xong!”. Nhưng cũng ngay lúc đó, nàng chợt nhớ tới bào thai, đứa con của nàng, đứa con nàng mang nặng từ nhiều tháng trời, chợt cử động như đang co lại rồi duỗi ra khiến nàng nghe đau quặn. Và những gì mà một phút trước đây làm cho nàng đau đớn tưởng chừng không sống nổi, mối tình hận, ý định trả thù, dù cho có phải tan xương nát thịt, trong phút chốc bỗng tan biến, Katioucha bình tĩnh lại, thấт thều trở về» (с. 211).</p>	<p>«"Đội đoàn tàu sau đến ta lao xuống dưới bánh xe cho rảnh" – Katiusa ngẫm nghĩ không trả lời em bé.</p> <p>Nàng định bụng nhất quyết sẽ làm như thế. Nhưng đúng lúc ấy, như bao giờ cũng vậy, ngay sau cơn xúc động vừa dịu đi, cái bào thai, con của chàng, trong bụng nàng bỗng cựa quậy, đập và duỗi ra một cách thoải mái, rồi lại đập bằng một cái gì nhỏ nhắn, mềm mại, nhọn đầu. Và bỗng nhiên, trong chốc lát, tất cả những nông nổi làm nàng đau đớn đến mức tưởng không thể nào sống nổi, lòng oán hận chàng, ý định tự tận để báo thù – tất cả những nỗi niềm đó</p>

	bỗng nhiên tiêu tan đi hết. Nàng bình tĩnh lại, sửa quần áo, lấy khăn bịt đầu và vội vã trở về nhà» (с. 228).
--	---

Обратно переведено:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Катюша онемела: "Сейчас пройдет поезд, я врежусь в него, и кончено". Но тут же, она вдруг вспомнила о плоде, ее ребенок, которого она носила много месяцев, вдруг шевельнулся, как бы сжался и потянулся, заставил ее почувствовать острую боль. И все то, что за минуту так мучало ее, что, казалось, нельзя было жить, злобная любовь, желание отомстить, хоть своей смертью, – все это вдруг отдалилось. Катюша успокоилась и медленно пошла домой».</p>	<p>«"Пройдет следующий поезд, я кончу жизни под его колесами, и кончено", – думала Катюша, не отвечая девочке. Она решила, что сделает так. Но тут же, как это и всегда, сразу после волнения, плод – его ребенок, который был в ней, вдруг шевельнулся, стукнулся и плавно потянулся и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым. И вдруг, за минуту, все то, что так мучало ее, что, казалось, нельзя было жить, злоба на него и желание отомстить ему хоть своей смертью, – все это вдруг отдалилось. Она успокоилась, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой».</p>

Эта страшная ночь многое решила в судьбе бедной Катюши. Нехлюдов, которого она полюбила, которого она считала лучшим из всех людей, жестоко бросил ее. В самый мрачный момент Катюша решила кончить жизнь под колесами поезда, чтобы отомстить своему любовнику. Но тут она услышала, как в ней шевельнулся ребенок. Именно он помог ей справиться с отчаянием,

пробудил в ней материнскую любовь. Проанализируем, насколько удачно передают смысл оригинала переводчики.

Сразу видим в третьем переводе словесную бедность, неточность, несоответствие стилю Толстого: «ее ребенок, которого она носила много месяцев», «шевелинулся, как бы сжался и потянулся, заставил ее почувствовать острую боль», «злая любовь», «замедленно». В оригинале подчеркивается сочетание «его ребенок» с целью усиления ответственности и жестокости Нехлюдова. Эта деталь не передана в переводе. Вместо местоимения «его» используется «ее», которое не вызывает сочувствия читателей к страдающей молодой матери.

Движения ребенка в животе Катюши также не точно переведены. Полностью пропущена в третьем переводе одна часть из предложения «и опять стал толкаться чем-то тонким, нежным и острым». Остается странным, почему сочетание «вся злоба» переводилось «злой любовью». Эта замена не только неудачна, но и нелогична. В выборе этого словосочетания погрешили авторы перевода. В последнем высказывании этого фрагмента кропотливо описана Толстым последовательность поступков Катюши: успокоилась после нервного волнения, оправилась, закуталась платком и поспешно пошла домой. В переводе не столько сократились эти действия, сколько ошибочно переведено последнее из них – «замедленно пошла домой». «Замедленно» и «поспешно» – эти антонимические слова, описывающие противоположные образы действия. Иначе говоря, в этом случае переводчики Нгуен Дан Там и Ву Минь Тхы допускают еще одну серьезную ошибку.

Касаясь перевода Ву Динь Фонг и Фунг Уонг, мы считаем, что смысловая емкость фрагмента из романа «Воскресение», стилистическая индивидуальность Л. Толстого сохранены. Напомним, что вьетнамский и русский языки неблизкие, принадлежат к разным культурам, но в этой ситуации переводчики достигли своей цели.

Нужно сказать, что в третьем переводе авторы часто пропускают предложения, изображающие портрет главной героини. Один пример. На первой встрече с Нехлюдовым в тюрьме Маслова не сразу узнала его, когда узнала, то помрачнела и сильно смутилась: «– *Похоже, да не признаю, – закричала она, не глядя на него, и покрасневшее вдруг лицо ее стало еще мрачнее*» [32, с. 146-147].

Его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«– Trông ông giống một người tôi quen, nhưng không nhận ra là ai» (с. 234).	«– Trông ông có giống, nhưng tôi không nhận ra ai, - nàng kêu lên, không nhìn vào mặt chàng nữa và sắc mặt nàng bỗng đỏ bừng lên rồi đổi ra u uất» (с. 252).

В обратном переводе так звучит:

Третий перевод	Последний перевод
«– Вы похожи на моего знакомого, но не признаю».	«– Вы похожи, но не признаю, – закричала она, не глядя на него, и ее лицо вдруг стало покрасневшим, более мрачным».

Другой пример. В оригинале написано: «– *То все кончено, – сказала она. – Теперь вот осудили в каторгу. И губы ее задрожали, когда она выговорила это страшное слово*» [32, с. 149].

Рассмотрим переводы этого абзаца:

Третий перевод	Последний перевод

<p>«– Dĩ vãng trả về cho dĩ vãng. Bây giờ tôi đang bị kết án khổ sai đây» (с. 238).</p>	<p>«– Thôi, mọi việc thế là đã xong cả, – nàng nói, – Và giờ đây tôi bị kết án khổ sai. Và môi nàng run lên khi nói đến hai tiếng khủng khiếp này» (с. 256).</p>
---	--

В обратном переводе так звучит:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«– Прошлое оставьте в про- шлом. Теперь меня осудили в катор- гу».</p>	<p>«– То все кончено, – сказала она. – Теперь меня осудили в катор- гу. И губы ее задрожали, когда она выговорила эти страшные слова».</p>

Итак, в вышеперечисленных примерах в третьем переводе образ Катюши выглядит неглубоким, местами поверхностным. В результате перевод проигрывает в эмоциональной выразительности, портрет героини во многом бледнеет, искажается эстетическое впечатление от толстовского романа.

Вьетнамский язык является изолирующим, т. е. вьетнамские слова не имеют словоформ, не образуют ни составных слов, ни сочетаний с суффиксами, префиксами и т. д. Одно русское слово «каторга» обозначается во вьетнамском языке двумя словами «khỏ sai» [кхо шай].

Став проституткой, Катюша жила, «утратив веру в добро и справедливость, в порядочность и честность людей. И все, что происходило с Масло-вой в дальнейшей жизни, укрепляло ее в этом убеждений»¹⁹⁷. Л. Толстой пи-шет: «Она была проститутка, приговоренная к каторге, и, несмотря на это,

¹⁹⁷ Ломунов К.Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л.Н. Толстого. Проблемы, обра-зы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. – М.: «Современник», 1978. – С. 149.

она составила себе такое мировоззрение, при котором могла одобрить себя и даже гордиться перед людьми своим положением» [32, с. 152].

Переводы этого предложения:

Третий перевод	Последний перевод
«Làm gái điếm, bị kết án khổ sai, cô ta vẫn không ý thức được gì để có thể biện minh cho hạnh kiểm đó mà trái lại còn hãnh diện trước kẻ khác» (с. 243).	«Là gái điếm, bị kết án khổ sai, nhưng nàng vẫn tự tạo cho mình một cách nhìn đời để chẳng những thấy mình là phải mà còn hãnh diện được với mọi người về hoàn cảnh của mình nữa» (с. 262).

В обратном переводе так звучит:

Третий перевод	Последний перевод
«Будучи проституткой, приговоренной к каторге, она не смогла ничего осознать, чтобы объяснить свое поведение, наоборот, даже гордилась перед людьми».	«Будучи проституткой, приговоренной к каторге, она составила себе такое мировоззрение, при котором не только могла считать себя правильной, но и гордиться перед людьми своим положением».

Мы видим большую разницу между двумя переводами. Утверждаем, что последний перевод сохраняет смысл исходного текста, в целом передает идею автора романа. Слова Толстого заставляют читателей сочувствовать настоящему положению Катюши Масловой. Однако третий перевод «Воскресения» извращает содержания оригинала, вызывает у читателей отвращение к героине, которая не только не может осознать свое унижительное положение, но и гордится им перед людьми. Под пером переводчиков Катюша ста-

новится циничной женщиной, у которой нет морали, в душе которой погасла искра Божия. Исчезает симпатия Толстого к представительнице из народа.

«И действительно, сцены второго свидания Нехлюдова и Катюши в тюрьме выделяются исключительным по напряжению драматизмом, глубочайшим проникновением в смятенную, полную боли, обиды, гнева, страдания, ненависти и любви душу героини романа»¹⁹⁸. Намерение Нехлюдова жениться на ней сильно испугало Катюшу. Она поняла, что Нехлюдов хочет вырвать ее из привычного для нее мира, которое давало ей уверенность и самоуважение: «– Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть, – вскрикнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку. – Ты мной хочешь спастись, – продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось в ее душе. – Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожка твоя. Уйди, уйди ты! – закричала она, энергическим движением вскочив на ноги» [32, с. 166].

Его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Giật mạnh tay ra, Maslova hét: – Cút đi! Tôi là con tù mà... anh là Công tước, ở lại đây làm gì?</p> <p>Maslova vội vã trút tất cả cơn giận vào sự gớm ghiếc trong lòng:</p> <p>– Anh định lấy tôi để xóa tội hả, để cứu rỗi mình hả? Kiếp này anh hại</p>	<p>«– Bước đi cho khuất mắt! Tao là con tù khổ sai, còn mày là ông công tước, mày chẳng có việc gì ở đây đâu, - nàng hét lên, giật phắt tay ra khỏi bàn tay Nêkhliudôp, cơn giận bốc lên, người nàng khác hẳn đi.</p> <p>– Mày muốn dùng tao để chuộc tội cho mày, - nàng nói tiếp, dồn dập</p>

¹⁹⁸ Ломунов К.Н. Указ. соч. – С. 156.

<p>đời tôi quá chán rồi, anh lại lấy tôi ra để chuộc tội cho kiếp sau phải không? Tôi ghê tởm anh lắm, biết không? Tất cả thân xác anh từ cặp kiềng cho đến cái mồm bần thỉu như nhóp của anh, cái gì cũng làm cho tôi ghê tởm!</p> <p>Rồi nàng gào thét và nhảy dựng lên:</p> <p>– Cút đi! Cút đi ngay! Tôi bảo anh cút ngay» (с. 269).</p>	<p>như muốn trút hết mọi ý nghĩ vừa dấy lên trong đầu. – Mày đã dùng tao làm cái đồ chơi ở thế gian này; nay mày lại muốn dùng tao để chuộc tội cho mày ở thế giới bên kia. Tao ghê tởm mày lắm, cả cặp kính của mày, cả cái bộ mặt phì nộn dơ dáy của mày. Cút đi, xéo đi! – nàng quát lên và đứng phắt dậy» (с. 286-287).</p>
--	---

Обратно так переведено:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Вырывая у него руку, Маслова кричит: "– Уйди от меня. Я заключенная, а ты князь, зачем ты здесь?".</p> <p>Маслова торопливо выражает гнев и отвращение, поднявшиеся в душе:</p> <p>– Ты мной хочешь искупить грех, спастись? Ты сделал мою жизнь унылой, мной же хочешь и на том свете искупить грех? Противен ты мне, знаешь? Все твое тело, с очков до грязной, поганой пасти, – все мне противно! Уйди, уйди ты! –</p>	<p>«– Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть, – вскрикнула она, вырывая у него руку, гнев взметнулся, она стала другой.</p> <p>– Ты мной хочешь спастись, – она продолжала говорить, как бы торопясь высказать все, что поднялось в ее голове. – Ты меня использовал игрушкой в этой жизни, мною же хочешь и на том свете искупить грех! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди! – закричала она, энер-</p>

<p>И закричала она, вскочив: – Уйди, уйди ты! Я велю тебе уйти».</p>	<p>гическим движением вскочив на но- ги».</p>
--	---

Сначала остановимся на переводе личных местоимений с иноязычного, в том числе русского, на вьетнамский язык. Одной из важных проблем практического перевода художественной литературы является проблема адекватного воспроизведения другим языком сложности человеческих отношений, это тем более сложно во вьетнамском языке, где нет развитой системы ономастики. По сравнению с русским языком личные местоимения вьетнамского языка более разнообразны по количеству. Так, местоимение «я» переводится на вьетнамский язык «та» (ta), «тао» (tao), «минь» (mình), «ань» (anh)..., а местоимение «ты» имеет такие аналоги, как «маи» (mày), «ем» (em), «нгаи» (ngài)... «Представленные различия между личными местоимениями русского и вьетнамского языков приводят к трудностям при передаче личных местоимений одного языка на другой»¹⁹⁹.

В третьем переводе переводчики перевели местоимение «я» – «той» (tôi), а «ты» – «ань». Думается, что этот выбор оказался неудачным, так как эти местоимения имеют стилистически нейтральное значение, показывают официальное отношение между собеседниками. В данном контексте Катюша сильно сердится на Нехлюдова, с ненавистью общается к нему, проводит резкую социальную границу между ним и собой.

В последнем переводе Фунг Уонг и Ву Динь Фонг перевели местоимение «я» – «тао» (tao), а «ты» – «маи» (mày). Эти местоимения обычно выражают гневное отношение или используются в отношении друзей при их равных социальных положениях. Переводчики удачно используют местоимения

¹⁹⁹ Ву Тхьонг Линь. Проблема перевода русских личных местоимений на вьетнамский язык // Русский язык за рубежом. – 2014, № 5. – С. 71.

«тао» и «маи» для выражения сильного гнева Катюши, объяснения мотива отказа от его «великодушия».

Обратим внимание на глагол «спастись», который переведен «искупить грех». Глагол «спастись» употребляется в разговорной и книжной речи, обладает нейтрально-стилистическим значением. А глагол «искупить», принадлежащий к числу книжных слов, выражает оттенки более эмоционально-экспрессивные, чем «спастись». На наш взгляд, сочетание «искупить грех», использованное в обоих переводах, отражает состояние души князя Нехлюдова, его намерение исправить преступное прошлое. По выразительности перевод получился даже эмоциональнее оригинала.

Обратим внимание на вопросительный знак в реплике Катюши в третьем переводе. В оригинале использовано повествовательное предложение. По цели высказывания повествовательными называются предложения, заключающие в себе сообщение о каком-либо факте, действительности, явлении, событии и т. д. (утверждаемом или отрицаемом), а вопросительными называются предложения, имеющие своей целью побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего. В данном фрагменте Катюша утверждает, а не находится в недоумении о мысли Нехлюдова искупить грех. Несмотря на то, что в третьем переводе применяются вопросительно-риторические предложения, в которых содержится утверждение, все-таки они не полностью передают гневное настроение главной героини.

Есть в третьем переводе отдельные немотивированные произвольности. Словосочетание «жирная, поганая вся рожа» в переводе звучит как «грязная, поганая пасть». Остается непонятным, почему «рожа» заменена «пастью», при общей негативной семантике, значения их не тождественны. Слово «рожа» обозначает «уродливое, некрасивое лицо». Существительное «пасть» применительно к человеку приобретает вульгарный тюремный оттенок. Можно подумать, что Катюша через несколько недель насильственного пре-

бывания в тюрьме уже стала ее завсегдателем, целиком вписалась в ее атмосферу.

Приступим к анализу другой цитаты: *«Если она так решительно отказывалась всякий раз, когда он упоминал об этом, принять его жертву жениться на ней, то это происходило и оттого, что ей хотелось повторить те гордые слова, которые она раз сказала ему, и, главное, оттого, что она знала, что брак с нею сделает его несчастье»* [32, с. 309].

Рассмотрим переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Mỗi lần được Nekhlioudov yêu cầu chấp nhận sự hy sinh của mình và ưng thuận kết hôn, nàng cố làm như từ chối quyết liệt – không phải vì nàng thích lặp lại những lời mà nàng đã nói với chàng lần đầu tiên – nhận thấy nếu thuận làm vợ chàng thì chỉ làm cho chàng khổ tâm thêm» (с. 535).</p>	<p>«Nếu như mỗi lần chàng năn nỉ nàng chấp nhận sự hy sinh của chàng, hãy lấy chàng mà nàng có cương quyết chối từ thì đây chỉ vì nàng ưa nhắc lại những lời kiêu hãnh nàng đã nói lần đầu tiên, mà cũng chủ yếu là vì nàng biết rằng cuộc hôn nhân đó sẽ chỉ làm cho chàng khổ sở mà thôi» (с. 542-543).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Если всякий раз Нехлюдов просил ее принять его жертву и выйти за него замуж, то она делала вид, как будто бы решительно отказывалась – не оттого, что ей понравилось</p>	<p>«Если всякий раз он настаивал на том, чтобы она приняла его жертву, выйти за него замуж, и она так решительно отказывалась, то это происходило и оттого, что ей хоте-</p>

повторять те слова, которые она раз сказала ему – она знала, что, если она выйдет за него, то сделает его горе».	лось повторить те гордые слова, которые она раз сказала ему, и, главное, оттого, что она знала, что этот брак принесет ему страдание».
--	--

Напомним, что в третьем свидании отношение между Нехлюдовым и Масловой стало лучше. В этой сцене начинается новый душевный перелом Катюши: она согласилась работать в больнице по совету Дмитрия Ивановича и обещала не пить вина. В ней главный герой видит совсем другого человека, хотя он еще чувствует ее неприязнь к себе, неизжитую обиду.

С третьей встречи в душе героини проснулась никогда не умиравшая, бескорыстная любовь к Нехлюдову. Именно это чувство заставляет ее решительно отклонить предложение князя. Здесь ключ к пониманию духовного мира и характера Масловой. В одном из писем Толстого 60-х годов написано: «<...> человек, который может любить, – все может» [61, с. 121]. Эта мысль явно отражается в образе главной героини «Воскресения». По словам К. Ломунова, «даже самые страшные унижения человеческого и женского достоинства, пережитые Катюшей, не отняли у нее способности радоваться жизни, жалеть и любить людей»²⁰⁰.

В данном отрезке романа подчеркнуты две причины отказа Катюши от предложения Нехлюдова: во-первых, она хочет сохранить свою гордость перед любимым, во-вторых, она понимает, что их брак не принесет ему счастье. Мотив отказа – ее самопожертвование. К сожалению, этот смысл приглушен в третьем переводе. Достоинство же героини – в ее способности любить, т.е. жертвовать собой ради любимого.

В обоих переводах «Воскресения» допускается еще один недочет в передаче значения слова «несчастье». Слово «несчастье», образуемое частицей

²⁰⁰ Ломунов К.Н. Указ. соч. – С. 158.

«не» и существительным «счастье», обозначает «крайнее неблагополучие». В обоих переводах используются слова «страдание» и «горе». Несмотря на то, что они тоже выражают тяжелое, трагическое духовное состояние, все-таки они не могут полностью заменить слово «несчастье». По нашему мнению, в этом случае лучше было бы выбрать словосочетание «bất hạnh» [бат хань], которое буквально переводится на русский язык как «несчастье» («бат» = «нет», «не», а «хань» = «счастье»).

Таким образом, душевно-духовный портрет Катюши в обоих переводах выглядит суховатым, не совсем точным, потому он не производит сильного впечатления. Кроме этого, в результате неправильного употребления слова «несчастье» искажается эстетическое впечатление от толстовского текста.

Далее берем для анализа сцену последней встречи Катюши с Нехлюдовым: *«Она села, сложив руки на коленях, и казалась спокойною, но, как только Нехлюдов произнес имя Симонсона, она багрово покраснела.*

– Что же он вам говорил? – спросила она.

– Он сказал мне, что хочет жениться на вас.

Лицо ее вдруг сморщилось, выражая страдание. Она ничего не сказала и только опустила глаза» [32, с. 407].

Переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Katioucha ngồi xuống, hai tay đặt trên đầu gối với vẻ điềm tĩnh nhưng vừa nghe đến tên Simonson mặt nàng đỏ bừng:</p> <p>- Anh ấy nói gì với anh?</p>	<p>«Nàng đã ngồi xuống, hai bàn tay đặt lên đầu gối, có vẻ bình tĩnh, nhưng khi Nêkhliudôp vừa nói đến Ximônxon thì mặt nàng ửng đỏ.</p> <p>- Anh ấy đã nói gì với anh?</p>

<p>- Simonson bảo muốn cưới cô. Katioucha cau mặt tỏ vẻ buồn phiền» (с. 708-709).</p>	<p>- Anh ấy nói là anh ấy muốn lấy cô. Mặt Maxlôva bỗng nhiên cau lại, lộ vẻ đau đớn...» (с. 709).</p>
---	--

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Катюша села, сложив руки на коленях, и казалась спокойной, но, как только услышала имя Симонсо- на, багрово покраснела: – Что он вам говорил? – Он сказал, что хочет жениться на вас. Лицо Катюши сморщилось, вы- ражая грусть».</p>	<p>«Она села, сложив руки на ко- ленях, и казалась спокойной, но, как только Нехлюдов произнес имя Си- монсона, она багрово покраснела. – Что он вам говорил? – Он сказал, что хочет жениться на вас. Лицо Масловой вдруг сморщи- лось, выражая страдание».</p>

Нужно сказать, что в отличие от Нехлюдова, воскрешение Катюши происходит не столько через восприятие гибельности зла, сколько через сознание возможности добра. «Нравственное воздействие Нехлюдова на Катюшу могло явиться лишь толчком к ее духовному выпрямлению, но воздействие это не могло быть основной, единственной причиной ее нравственного возрождения»²⁰¹.

Знакомство и сближение Масловой с политическими заключенными являются не только важнейшим сюжетным поворотом в развитии ее нравственного возрождения, но и определяет новый план финала «Воскресения».

²⁰¹ Храпченко М.Б. Указ. соч. – С. 281.

Катюша с радостью воспринимает свое новое место в жизни. «Чудесные люди», как она называет политических ссыльных, открыли ей совершенно новый мир, дорогу к самостоятельной жизни. Катюша Маслова не перестает любить Дмитрия Ивановича, но она понимает, что их соединение имело бы только плачевный результат. У них не будет счастья. Поэтому она решила выйти замуж за Симонсона. Это объясняет то, что, услышав от уст Нехлюдова о намерении Симонсона жениться на ней, она почувствовала страдание. И Нехлюдов понимает ее решение, ему стало стыдно, так как он ясно сознает, что Катюша жертвует собой ради него. А он, богатый князь, ничего не сделал и ничего не может сделать для нее, кроме того, что он тяготится ею.

Разумеется, пучина разврата не очернила душу этой женщины. Путь ее сердца был тоже извилист, но без рефлексий и ошибок. Катюша была дитя мучимого народа. Она искренно, непосредственно любит Нехлюдова, самоотверженна и по-человечески страдает. В последнем общении между главными героями присутствует печальное настроение. «Последние слова о ней – слова об ее страдании. Именно об этом напомнил Толстой в последнюю минуту, заканчивая последнюю фразу о ней»²⁰²: Катюша Маслова *«теперь радовалась тому, что исполнила то, что хотела, и вместе с тем страдала, расставаясь с ним»* [32, с. 433].

На наш взгляд, авторы последнего перевода «Воскресения» удачно передали психологическое состояние главной героини. Однако картина в третьем переводе более бледная, в сравнении с оригиналом. Здесь лицо героини выражает не страдание, а грусть. Несмотря на то, что эти слова синонимичные, но они обладают разными оттенками: «страдание» – душевная боль, **тяжелое** мучение, а «грусть» – чувство **легкого** томного уныния, тоскливой печали. В результате чего, существительное «грусть» никак не охватывает

²⁰² Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Материалы и наблюдения. – М.: «Сов. писатель», 1960. – С. 245.

все психическое настроение Катюши. Иными словами, портрет героини, дающийся в третьем переводе, в сопоставлении с ее портретом в оригинале, по точности и эстетическим впечатлениям проигрывает.

Итак, при сопоставлении оригинала и двух переводов романа Л. Толстого «Воскресение» на вьетнамский язык мы видим, что портрет Катюши Масловой в переводах не всегда передается с совершенной точностью, с силой художественного изображения и эмоциональной выразительности. В переводах, особенно в переводе «Земля оживления», образ толстовской героини часто не производит сильного впечатления, такого, как в подлиннике. Переводы бледнее оригинала, не всегда удается раскрыть тонкость психологического рисунка, показать виртуозную выразительность авторского психологического мастерства. Известно, что при рисовании портрета героини Толстой вкладывает в него свои чувства. К сожалению, в переводах, это не всегда явно показывается.

Кроме этого, хочется отметить, что при передаче портрета Катюши переводчики иногда допускают фактические неточности, иногда откровенную небрежность. Описывая внешность и внутреннюю «текучесть» героини, Толстой находил слова такой убедительности и силы, которые оказались не по плечу его переводчикам.

4.4. Образ Дмитрия Нехлюдова

Важно отметить, что в романе Дмитрий Иванович Нехлюдов – персонаж, который по всем признакам является главным героем. Он – богатый и знатный человек. «Князь Дмитрий Иванович Нехлюдов не относится к людям, часто встречающимся в аристократической среде, к которой он принадлежит по рождению, воспитанию и образу жизни. Не каждый день встречаются в ней люди, поднимающиеся до суждения и отрицания господствующих

порядков, готовые коренным образом изменить свою собственную жизнь, встать на путь разрыва со своим классом»²⁰³.

Следует особо подчеркнуть, что его имя неслучайно выбрано писателем. По мнению вьетнамского исследователя Фам Тхи Фыонг, «<...> Нехлюдов – повторяющая фамилия в творчестве писателя, герой носит его постоянное имя в пути паломничества для поиска спасения»²⁰⁴. Имя «Дмитрий» относится к Деметре. «В античной мифологии: Деметра – богиня плодородия и земледелия»²⁰⁵. Князь Дмитрий Иванович в какой-то мере похож на эту богиню тем, что в начале романа он, как Деметра, любит комфортную обстановку, красивых женщин и самые разные удовольствия, не испытывая при этом никаких угрызений совести в отношении прежних симпатий. Другое сходство между героем и богиней состоит в том, что толстовский князь заботится о земле. Он изучает и практикует теории о земельной собственности, о незаконности владения землей.

Известно, фамилию Нехлюдов носят также герои повестей «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), «Утро помещика» (1856) и рассказа «Из записок князя Д.Нехлюдова (Люцерн)» (1857). Этот художественный образ вообрал в себя следующие черты: напряженные духовные искания, стремление к нравственному самоусовершенствованию, строгий суд над собой и окружающей средой, чувство вины и ответственности за совершающееся в мире зло. В литературной критике этот тип получил название «ищущий герой», Н.К. Михайловский называл его «кающимся дворянином».

«Ищущий герой» в творчестве Толстого – это типичный герой, который, сближаясь с трудящейся жизнью, чувствует собственный грех и вину своего

²⁰³ Ломунов К.Н. Указ. соч. – С. 126.

²⁰⁴ Фам Тхи Фыонг. Курс по русской литературе. Хошимин, изд-во Хошиминский педагогический университет, 2013. – С. 135.

²⁰⁵ Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен/ Спец. науч. ред. О.Д. Митрофанова.-2-е изд., стереотип. – М.: рус. яз., 1980. – С. 97.

класса в беде и горе народа. Он старается искупить свой грех, не мирится с привычной общепринятой ложью и изменяет образ своего старого бессмысленного уклада. Кроме того, важно отметить, что «ищущим героем», или «текучим героем», в толстовских произведениях называют человека, который мучительно старается найти правдивую жизнь, духовную красоту в каждом человеке. Он стремится найти свое место в окружающем мире и на всем протяжении романа духовно возвышается, постепенно приходя к обретению Бога, как главного ориентира и образца в жизни. По словам Е.Н. Купреяновой, «"ищущие герои" Толстого "телесно" принадлежат "обществу", но "духовно" они движутся к народу»²⁰⁶.

4.4.2. Фактическая, психологическая достоверность

Прежде чем приступим к анализу образа Нехлюдова в последних вьетнамских переводах, мы отметим, что, в романе «Воскресение» Лев Толстой обращается к описанию психического процесса действующего героя намного больше, чем рисует его внешний портрет.

Читатель знакомится с Дмитрием Нехлюдовым, просыпающимся в своей богато убранной спальне в утро суда над Катюшей Масловой, где он обязан присутствовать присяжным заседателем. Так же как и в описании других персонажей, создавая портрет главного героя, Толстой-художник уделяет особое внимание изображению его глаз. У героя «остановившиеся глаза» [32, с. 12], значит, мертвый взгляд, говорящий об омертвлении души. Считаем, что это драгоценная деталь, которая не только выражает негативное отношение автора романа к своему герою, но и показывает читателям духовную бедность богатого князя. Рассмотрим эту деталь в переводах:

²⁰⁶ Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. – М. -Л.: Наука, 1966. – С. 215.

Третий перевод	Последний перевод
«Mắt mở vào khoảng không» (с. 18).	«Đôi mắt lơ đãng nhìn ra phía trước» (с. 21).

В обратном переводе значит:

Третий перевод	Последний перевод
«Глаза открывает в пространстве».	«Рассеянные глаза смотрели перед собой».

В третьем переводе авторы прибегали к другому смыслу, чем у Толстого. Вьетнамские читатели никак не могут заметить особенность глаз, через которые раскрывает сухость внутреннего мира знатного героя. В этом случае портрет Нехлюдова выглядит бледнее, не чувствуется антипатия писателя к герою.

В последнем переводе вместо слова «остановившиеся» используется «рассеянные». Причастие «остановившиеся» образуется от глагола совершенного вида «остановиться», что значит «перестать двигаться», что обозначает не процесс, а результат. Поэтому эта замена кажется не удачной, так как по эмоциональной выразительности прилагательное «рассеянные» («переставший быть сосредоточенным в одном месте вследствие распространения на большом пространстве») не может отражать вложенную Толстым идею в это описание. Оба перевода не передают духовную мертвенность героя, которая усиливается через параллельное антиномическое созвучие с «живыми» глазами Катюши.

Берем для анализа другой эпизод из романа: *«<...> он <...> спустил с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат и, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней*

уборную, всю пропитанную искусственным запахом эликсиров, одеколона, фиксатуаров, духов. Там он вычистил особенным порошком пломбированные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканием, потом стал со всех сторон мыться и вытираться разными полотенцами. Вымыв душистым мылом руки, старательно вычистив щетками отпущенные ногти и обмыв у большого мраморного умывальника себе лицо и толстую шею, он пошел еще в третью комнату у спальни, где приготовлен был душ. Обмыв там холодной водой мускулистое, обложившееся жиром белое тело и вытершись лохматой простыней, он надел чистое выглаженное белье, как зеркало, вычищенные ботинки и сел перед туалетом расчесывать двумя щетками небольшую черную курчавую бороду и поредевшие на передней части головы вьющиеся волосы» [32, с. 12].

Его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«<...> chàng thông hai chân trắng nõn, nhẵn thín, xỏ vào dép, choàng lên đôi vai nở nang chiếc áo ngủ bằng lụa, rồi nặng nề nhưng nhanh nhẹn bước vào phòng vệ sinh tràn ngập mùi nước hoa và sáp chải tóc. Đứng trước chậu rửa mặt bằng cẩm thạch, chàng đánh răng, súc miệng với một loại nước thơm, rồi lau mình bằng mấy thứ khăn khác nhau. Sau khi rửa mặt bằng xà phòng thơm, chàng chải tỉ mỉ từng móng tay một để dài, rồi xoa bóp cái cổ tròn lẳn và qua căn phòng thứ ba, sát</p>	<p>«Chàng buông hai bàn chân trắng nõn xuống giường, quờ xỏ vào đôi dép, khoác lên đôi vai rộng chiếc áo choàng lụa rồi bước chân thoăn thoắt nện gót xuống sàn, chàng sang phòng bên thơm nức những mùi dầu sứt, nước hoa, nước “cô-lô-nho”, gồm chải đầu. Chàng đánh kỹ hàm răng đã hàn nhiều chỗ bằng một thứ bột đặc biệt, súc miệng bằng nước thơm rồi lau bằng mấy chiếc khăn. Sau khi đã rửa tay bằng xà phòng thơm, sửa và chải tỉ mỉ bộ móng tay nuôi dài, rửa mặt và cổ –</p>

<p>với phòng ngủ. Đây là phòng tắm. Nước mát tuôn xuống thân hình trắng trẻo, gân guốc, đầy đặn, lấy khăn tay lau chùi rồi mặc y phục sạch sẽ, nỡn nà, mang đôi giày bóng như gương, ngồi xuống bàn lấy bàn chải, chải bộ râu quăn ngắn đen, và mái tóc gọn sóng đã hơi thưa trước trán» (c. 18-19).</p>	<p>cái cổ béo tròn – trong chiếc chậu cầm thạch to, chàng sang căn phòng thứ ba ở liền phòng ngủ, trong có sẵn vòi tắm hương sen. Ở đây sau khi đã tắm rửa tắm thân cường tráng, béo tốt nỡn nà bằng nước lạnh và lau mình bằng một chiếc khăn bông to, chàng mặc quần áo lót sạch, là rất phẳng, đi đôi giày bóng lộn như gương, đến ngồi trước bàn trang sức, dùng một cặp bàn chải, chải chòm râu đen ngắn và mái tóc quăn đã bắt đầu rụng thưa phía trước trán» (c. 21-22).</p>
--	---

В обратном переводе значит:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«<...> он спустил с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на развитые плечи шелковый халат и, тяжело, но быстро ступая, вошел в соседнюю со спальней уборную, всю пропитанную запахом духов и фиксатуаров. Стоя перед мраморным умывальником, он вычистил зубы, выполоскал их душистым полосканьем, потом вытерся разными полотенцами. Вымыв душистым мылом лицо, он стара-</p>	<p>«Он спустил белые ноги с кровати, нашел ими туфли, накинул на широкие плечи шелковый халат и, быстро ступая, пошел в соседнюю со спальней уборную, всю пропитанную запахом эликсиров, одеколona, фиксатуаров, духов. Он вычистил особенным порошком пломбированные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканьем, потом вытерся разными полотенцами. Вымыв душистым мылом руки,</p>

<p>тельно вычистил щетками отпущенные ногти, обмыл толстую шею, и пошел еще в третью комнату у спальни. Это душ. Холодная вода стекла по белому, мускулистому, полному телу, и вытершись, он надел чистое красивое белье, вычищенные ботинки, как зеркало, и сел расчесывать щетками небольшую черную курчавую бороду и поредевшие на передней части головы волнистые волосы».</p>	<p>старательно вычистив щетками отпущенные ногти и обмыв у большого мраморного умывальника себе лицо и шею – шею толстую, он пошел еще в третью комнату у спальни, где приготовлена была лейка для душа. Обмыв там холодной водой мускулистое, обложившееся жиром белое тело и вытершись лохматой простыней, он надел чистое выглаженное белье, вычищенные, как зеркало, ботинки, и сел перед туалетом расчесывать двумя щетками небольшую черную курчавую бороду и поредевшие на передней части головы вьющиеся волосы».</p>
--	---

В этом фрагменте последовательность поведений героя четко выражается. Действующее лицо очень аккуратно заботится о своей внешности, что производит, однако, на читателя неприятное впечатление. Нет ни слова, говорящего о душе героя. Дмитрий Нехлюдов действует, как робот, который не имеет живого сердца. Можем сказать, что «диалектика души» до этого момента еще не использована для описания центрального героя «Воскресения».

В этом фрагменте каждая портретная деталь свидетельствует о высоком социальном статусе героя, о его принадлежности к классу богатых, знатных людей. Внешность героя ни здесь, ни далее не индивидуализирована, акцент, видимо, не без влияния поэтики Гоголя, сделан на вещах, окружающих героя, а не на нем самом: *«Все вещи, которые он употреблял – принадлежности туалета: белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки – были самого*

первого сорта, незаметные, простые, прочные и ценные» [32, с. 12]. Во внешнем облике князя подчеркивается материальное, вещественное. В повторяющихся определениях героя заключена негативная авторская оценка: «гладкие белые ноги», «шелковый халат», «отпущенные ногти», «толстая шея».

Рассмотрим сначала третий перевод. В описании плеч Нехлюдова вместо прилагательного «полные» переводчики используют слово «развитые», которое говорит, скорее, о физической крепости героя, а не о его паразитической жизни.

Остается странным и непонятным, почему в предложении «вымыв душистым мылом руки» слово «руки» заменяется в переводе «лицом». Это приводит к элементарной логической несуразице, так как последующее предложение не точно переведено, в нем пропущено действие «обмыв себе лицо». Причиной этой ошибки, кажется, является невнимательность переводчиков.

Отметим, что в третьем переводе переводчики расчленили большие синтаксические конструкции Толстого на короткие, раздробленные предложения. Стиль Толстого, несомненно, нарушается. Один пример: «Вымыв душистым мылом лицо, он старательно вычистил щетками отпущенные ногти и обмыл толстую шею, и пошел еще в третью комнату у спальни. Это душ».

Берем для анализа последнее предложение этого эпизода: «Холодная вода стекла по белому, мускулистому, полному телу, и вытершись, он надел чистое красивое белье, вычищенные, как зеркало, ботиенки, и сел расчесывать щетками небольшую черную курчавую бороду и поредевшие на передней части головы волнистые волосы». Сразу можно заметить, что в этом предложении авторы перевода прибегают к другим выражениям, чем у Толстого. В переводе вместо сочетания «обложившееся жиром» тело используется слово «полное», которое в этом случае в малой мере дает представление

о нетрудовой жизни русского барина. Несомненно, причастие «обложившееся» имеет большую эмоциональную выразительность, причем, оно намекает на антипатию автора «Воскресения» к герою светского общества. Тот же смысл имеет и замена слова «выглаженное» на «красивое»: «выглаженное» – кем-то выполненное действие. Последний перевод точнее предыдущего. Социальный портрет Нехлюдова-барина, созданный Толстым, в нем более ярко выражен. Хотя и здесь есть, может быть, невольная приглушенность социально-критического пафоса Толстого, проявляющаяся, например, в замене «полных» плеч на «широкие».

К сожалению, авторы обоих переводов не обратили внимания и не перевели смыслообразующий не только в этом фрагменте, но и во всем тексте романа эпитет «искусственный», характеризующий жизнь богатых людей (не только Нехлюдова!) как нетрудовую, эгоистическую, искусственную, в отличие от трудовой, общей, естественной жизни народа.

Таким образом, в обоих переводах социальный портрет знатного барина Дмитрия Нехлюдова не точно передается. Переводчики в одном предложении добавляют какую-то лишнюю деталь, в другом – пропускают. Вместе с тем, не все русские слова точно переведены на вьетнамский язык. В результате, по эмоциональному воздействию и силе изображения перевод социального портрета действующего лица не равен оригиналу. Иными словами, в переводах чувствуется бледность красок рисования, не показывается тонкость и выразительность авторского пера, не раскрывается перед глазами вьетнамских читателей бедный внутренний мир Нехлюдова, его подлинная сущность, его бессмысленная жизнь.

4.4.2. Духовная эволюция героя

Как мы уже отметили, Л. Толстой сумел изобразить с огромной художественной силой все движения человеческой души. Он раскрыл душу своих героев, показал душевное состояние людей очень глубоко и правдиво. В про-

изведениях великого писателя мы видим обогащение души персонажей и их возрождение. В романе «Воскресение» образ Нехлюдова производит на читателей разные впечатления: и ненависть, и отвращение, и сочувствие, и симпатию... Толстовский герой не чужд противоречий, в нем происходит внутренняя борьба. В этом параграфе мы более конкретно рассмотрим его духовную эволюцию.

Следует сказать, что духовное воскресение Дмитрия Нехлюдова происходит, с одной стороны, под влиянием Катюши, с другой, – под воздействием народа. «Ищущий герой» признает свою вину перед страдающей Масловой, хочет смягчить ее судьбу. Его нравственное возрождение развивается с момента, когда герой называет себя негодяем и мерзавцем. Он с ужасом понимает, что все они – люди высших классов – виноваты перед народом.

В этом параграфе мы сосредоточиваем внимание на внутренней эволюции Дмитрия Нехлюдова и возможности ее передачи в переводах на вьетнамский язык, анализируем сложности в изображении психического процесса главного героя. Приступаем к наблюдению.

Мы отметили духовную смерть героя в начале романа. Нравственное падение героя является результатом перелома в его мировоззрении, когда он перестал верить себе, а стал верить другим. Акцентируя резкое изменение в характере Нехлюдова как типичную причину разврата людей правящего сословия, автор «Воскресения» обращает внимание на аморализм господствующих классов, и в частности, безнравственность действующего персонажа.

Изображая «мертвого» Нехлюдова, Л.Н. Толстой часто акцентирует внимание на внутренних монологах как одном из важнейших методов передачи душевно-духовного состояния героя. Обладая высокомерием, он с высоты смотрит на всех людей и испытывает смутное чувство, если кто-то, по его мнению, относится к нему не «как должно». Разговор с Петром Гераси-

мовичем в суде тяжело оскорбил его. «Этот протоиереев сын сейчас станет мне «ты» говорить», – подумал Нехлюдов и, выразив на своем лице такую печаль, которая была бы естественна только, если бы он сейчас узнал о смерти всех родных, отошел от него» [32, с. 21].

Рассмотрим переводы этого отрывка:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Nekhlioudov nghĩ thầm "Thằng ngợm này có lẽ sắp màý tao với mình chăng?". Rồi làm ra vẻ buồn bã...» (с. 33).</p>	<p>«"Đó! – Nêkhliudôp nghĩ, - thằng con nhà thầy tu này lại sắp giờ giọng suông sã “mày tao” với mình đây!". Và chàng sa sầm nét mặt lại, buồn rười rượi, tưởng chừng như mới được tin họ hàng thân thích vụt chết sạch cả» (с. 36).</p>

В обратном переводе значит:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Нехлюдов подумал "Этот дурачок скоро станет мне “ты” говорить". И он выразил печаль...».</p>	<p>«"Вот! – подумал Нехлюдов, этот сын священника скоро станет мне “ты” говорить". И он выразил на своем лице такую печаль, которая была бы естественна только, если бы он сейчас узнал о смерти всех родных, отошел от него».</p>

В оригинале со смехом и иронией писатель изображает невежливое отношение героя к собеседнику. Известно, что Нехлюдов – образованный чело-

век, но в этой ситуации он из-за надменности ведет себя бестактно, игнорируя чувства Петра Герасимовича. Печаль барина в этом случае сравнивается с печалью о смерти всех родных. Слово «печаль» здесь используется в ироническом смысле.

Сразу отметим, что в третьем переводе в целом не передается эмоциональная выразительность и точность душевной текучести Нехлюдова, свойственная оригиналу. В переводном тексте авторы совсем пропустили важную часть предложения, которая играет ключевую роль в раскрытии «мертвой души» главного героя: «которая была бы естественна только, если бы он сейчас узнал о смерти всех родных, отошел от него». Кроме того, в этом же переводе есть погрешность при выборе слова «дурачок» вместо оригинального сочетания «протоиереев сын». Эта замена не соответствует смыслу романа.

В последнем переводе сочетание «протоиереев сын» переводится как «сын священника». Это объяснение, кажется, правильным, но недостаточным. Слово «протоиерей» имеет значение «старший православный священник, настоятель соборной церкви». Звание протоиерея зачастую жалуются священнику как церковная награда. Напомним, что вьетнамцам чуждо православие, поэтому, на наш взгляд, нельзя передать значения этого слова на вьетнамский язык без потери. Однако этот недочет не мешает читателям видеть высокомерность, невежливость знатного Нехлюдова.

Отметим, что встреча в суде с Катюшей – «удивительная случайность» – напомнила Нехлюдову все, связанное с прошлым. Воспоминание возникает в его голове: последнее свидание с Катюшей, ту животную страсть, которая в то время овладела им. Все это ясно появляется в его памяти. Эти воспоминания, выполняющие психологическую функцию в «Воскресении», побуждают Нехлюдова переоценить себя: «<...> *потом никогда не вспоминал, потому что воспоминание это было слишком мучительно, слишком явно*

обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только не порядочно, но прямо подло поступил с этой женщиной» [32, с. 32].

Переводы этого предложения:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Không lúc nào chàng không gợi lại kỷ niệm đó vì nó quá đau thương với chàng. Kỷ niệm đó đã tố cáo chàng một cách rõ rệt, chàng đã tự hào một cách cao ngạo về lòng lương thiện tuyệt vời của mình, chẳng những không lương thiện chút nào mà còn can tội đối xử thật xấu xa và đê tiện với một thiếu nữ» (с. 49).</p>	<p>«<...> rồi từ đó chàng không dám nhớ lại chuyện ấy vì kỷ niệm đó đau đớn quá, nó tố cáo chàng rõ ràng quá, nó chứng tỏ rằng mặc dầu vẫn tự hào là người chính đại quang minh, chàng không những đã đối xử không chính đại quang minh mà còn hèn mạt là khác với người con gái ấy» (с. 56).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Он всегда вспоминал это событие, потому что оно было слишком мучительно для него. Оно слишком явно обличало, что он, столь гордый своей прекрасной порядочностью, не только не порядочно, но плохо и подло поступил с этой девушкой».</p>	<p>«<...> потом он отгонял от себя это событие, потому что воспоминание было слишком мучительно, слишком явно обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только не порядочно, но подло поступил с этой девушкой».</p>

Авторы третьего перевода искажают идеи оригинала. Сочетание «никогда не вспоминал» используется с целью отрицания действия, а в переводе

оно понимается как «всегда вспоминал». Думается, что в таком случае трудно судить, виноваты ли наши переводчики. Мы уже отметили, что третий перевод романа выполнен с краткого французского перевода. Причины таких ошибок вполне можно приписать переводчику с русского на французский язык.

Как было сказано выше, последний перевод сделан с русского языка известными переводчиками, владеющими русским языком. Поэтому он передает смысл оригинала точнее и эмоциональнее, чем третий. Однако и в авторитетном переводе существуют недостатки. Докажем. В передаче этого фрагмента вместо сочетания «никогда не вспоминал» авторы употребляют глагол «отгонял». Это слово не нарушает смысл, вложенный Толстым в оригинал, но по эмоциональной выразительности оно не может отражать все, что происходит в глубине души Нехлюдова. Вследствие того, картина психического процесса «мертвого» барина побледнела.

Еще один недочет, существующий в обоих переводах: существительное «женщина» переводятся как «девушка». Нужно сказать, что во вьетнамском языке, как и в русском, эти слова не только приобретают значение «лицо женского пола», но слово «женщина» применяется в случае, когда какая-то девушка уже вышла замуж, а «девушка» – не вступившая в брак.

По мысли Толстого, Нехлюдов принадлежит к числу тех «живых» людей, «которые заключают в себе разные человеческие свойства – хорошие и дурные, привлекательные и низкие»²⁰⁷. Хотя в начале романа в барине властвует «животный человек», но «духовный человек» в нем еще не умер, готов возродиться. «Нужен толчок, жизненный удар, который преодолел бы

²⁰⁷ Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. – М, «Худ. лит», 1971. – С. 264.

силу инерции животной жизни Нехлюдова, открыл ему глаза на бессмыслицу и аморализм его существования»²⁰⁸.

Во время второго приезда в деревню при встрече с Катюшей молодой герой чувствовал прежнее чувство к ней. Он чувствовал, что влюблен, но не так, как прежде. Конфликт в нем возникает с этого момента. За несколько лет духовный облик героя резко изменился, он оказывается совершенно иным в сравнении с тем, каким был раньше. Нехлюдов подвергся воздействию привычных представлений, оценок людей его круга, воздействию повседневных примеров. А эти оценки, примеры противоположны правде, добру, они порождены условиями праздной, несправедливой жизни. То, что раньше было важно и идеально для богатого князя, сейчас потеряло смысл. Образ сегодняшнего князя не отличается от большинства лиц правящего сословия.

В это время в душе Нехлюдова сталкиваются противоречивые чувства – настоящая любовь и похоть, желание добра Катюше и жажда чувственных наслаждений: *«В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один – духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и другой – животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира»* [32, с. 53].

В переводах так выглядит:

Третий перевод	Последний перевод
«Cũng như mọi người đàn ông, Nekhlioudov là sự kết hợp của hai con người tương phản: một con người đạo đức chỉ nghĩ đến việc làm phải, vừa	«Cũng như tất cả mọi người, trong Nêkhludôp có hai con người: con người tinh thần chỉ tìm thấy hạnh phúc của mình trong hạnh phúc của mọi

²⁰⁸ Кузина Л., Тюнькин К. Указ. соч. – С. 30.

làm cho người khác hài lòng vừa tự làm hài lòng, và một con người đầy khát vọng nhục dục, sẵn sàng hy sinh tất cả vũ trụ cho sự vui thú của mình» (с. 84).	người khác và một thằng người thú vật chỉ biết có hạnh phúc riêng và vì hạnh phúc riêng của mình nó sẵn sàng hy sinh hạnh phúc của tất cả mọi người khác trên đời» (с. 90).
--	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Как и во всех мужчинах, в Нехлюдове было соединение двух противоположных людей: один – нравственный, думающий о правильных делах для удовольствия других людей и своего удовольствия, и другой – человек, жаждущий чувственных наслаждений, для удовлетворения которых готовый пожертвовать всем миром».	«Как и во всех людях, в Нехлюдове было два человека: духовный человек, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей, и животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом других людей».

Сразу скажем, что, в последнем переводе авторы нечасто прибегают к другой синтаксической конструкции, чем у Толстого, в целом это предложение переведено удачно. Используемые слова в переводе равноценны русским словам. В результате душевный портрет героя сохраняет ту тонкость и точность изображения, которую дал ему Толстой.

В третьем переводе ситуация иная. Проанализируем это предложение по частям. Сначала нужно обратить внимание на сочетание «как и во всех мужчинах». Почему слово «мужчина» появляется в этом высказывании вместо слова «люди»? Это явный перекося в понимании философских размышлений

Толстого. Не удовлетворяясь изображением внешних движений чувства, Л. Толстой обращается к раскрытию самого процесса психической жизни человека любого пола: *«Люди как реки: вода во всех однаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских, и иногда проявляет одни, иногда другие, и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь одним и самим собою»* [32, с. 194]. Безусловно, Толстой ищет определение индивидуальности человека в его столкновении с окружающей средой.

В этом же переводе включено слово «противоположных», которого нет в оригинале. Несмотря на то, что с помощью этого слова переводчики уточняют содержание предложения, но они не сохраняют стиль подлинника.

В объяснении двух людей в Нехлюдове авторы «Земли оживления» выражают не совсем ту мысль, что у Толстого: «один – нравственный, думающий о правильных делах для удовольствия других людей и своего удовольствия, и другой – человек, жаждущий чувственных наслаждений». Так, в данном переводном фрагменте не выражаются противоборющиеся понятия «добро и зло», которым русский мыслитель уделяет особое внимание в процессе раскрытия тайны человеческой души. Другая проблема заключается в том, что тавтология «ищущий» в оригинале заменяются в переводе словами «думающий» и «жаждущий». Как выше отмечено, Нехлюдов принадлежит к числу «ищущих людей», которые всю жизнь непрестанно ищут блага человечества, истину и правду. Так, эта замена только мешает вьетнамским читателям понять толстовский смысл.

Следует напомнить, что в человеке Толстой разделяет два начала: духовное и телесное. «В этой характеристике роковой раздвоенности человека отчетливо отразились аскетические идеи религиозной философии Толсто-

го»²⁰⁹. Это идеи о религиозном учении, проповедующем крайнее воздержание, умерщвление плоти как путь к достижению нравственного совершенства, к общению с Богом.

Во время пребывания у тетушек, когда Нехлюдов был военным, он соблазнил Катюшу. Молодой князь, хоть мало и тихо, еще слышит голос «хорошего» человека в себе, в конце концов, телесное начало победило духовное, страшное, неудержимое животное чувство овладело им. Главный герой достиг своей цели, бросил бедную Катюшу и стал преступником.

После этой неожиданной ночи в молодом человеке еще продолжается сложная внутренняя борьба: *«В душе Нехлюдова в этот последний проведенный у тетушек день, когда свежо было воспоминание ночи, поднимались и боролись между собой два чувства: одно – жгучие, чувственные воспоминания животной любви, хотя и далеко не давшей того, что она обещала, и некоторого самодовольства достигнутой цели; другое – сознание того, что им сделано что-то очень дурное и что это дурное нужно поправить, и поправить не для нее, а для себя»* [32, с. 64].

Переводчики так дают:

Третий перевод	Последний перевод
«Suốt hôm cuối cùng lưu lại, giữa lúc những kỷ niệm hầy còn nóng hổi, hai cảm giác tương phản đã nổi dậy trong tâm hồn Nekhlioudov: một mặt là hình ảnh chói bóng của thú vui nhục dục tuy có thêm vào đó chút hãnh diện đạt được mục đích nhưng thú vui ấy	«Suốt cả ngày hôm cuối cùng ở nhà hai cô đó, tâm trí Nêkhliudôp cứ bị câu chuyện mới xảy ra đêm qua ám ảnh. Hai cảm giác trái ngược nổi lên, vật lộn nhau: một bên là cảm giác xác thịt còn nóng hổi của tình yêu thú tính, kể ra thì nó chưa đưa lại được gì như

²⁰⁹ Храпченко М. Б. Указ. соч. – С. 265.

<p>vẫn làm cho chàng thấy thất vọng, mặt khác là tư tưởng đã phạm một trọng tội cần phải chuộc lại không phải vì nàng mà vì quyền lợi của riêng mình» (с. 103).</p>	<p>chàng mong đợi, nhưng nó cũng làm chàng phần nào thoả mãn vì mục đích đã đạt được; một bên là sự nhận thức rằng mình đã làm một điều rất xấu cần phải sửa chữa, mà sửa chữa là cho mình chứ không phải cho nàng» (с. 110).</p>
---	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«В этот последний проведенный у тетюшек день, когда свежо было воспоминание ночи, в душе Нехлюдова поднимались и боролись между собой два чувства: одно – жгучие, чувственные воспоминания животной любви, и некоторая гордость достигнутой цели, но эта любовь вызвала у него и разочарование; другое – идея того, что им сделан серьезный грех и что это нужно искупить, и искупить не для нее, а для своего права».</p>	<p>«В этот последний проведенный у тетюшек день душа Нехлюдова одержима воспоминанием вчерашней ночи. В ней поднимались и боролись между собой два чувства: одно – жгучие, чувственные воспоминания животной любви, хотя и она не принесла того, что он (Нехлюдов) ожидал, но в какой-то мере принесла ему некоторое самодовольство достигнутой цели; другое – сознание того, что им сделано что-то очень дурное и что это дурное нужно поправить, и поправить для себя, а не для нее».</p>

Заметим, что в переводном фрагменте третьего перевода авторы «выпрямляют» смысл толстовского слова. В романе написано, что животная любовь не полностью удовлетворила молодого барина. Однако идея Толстого

понимается в переводе под словом «разочарование», что обозначает чувство неудовлетворённости по поводу дела несбывшегося, неудавшегося, не оправдавшего себя. Нужно сказать, что это значение не соответствует ситуации, происходящей в данном фрагменте. Нехлюдов все равно почувствовал самодовольство достигнутой цели, хотя от животной любви он ожидал большего.

Другой ошибкой является сочетание «искупить не для нее, а для своего права». Искупить грех – это тернистое духовное дело, которое должно быть связано не с правом, а с ответственностью человека. Кроме того, в толстовском философском и религиозном учении самым важным является путь к достижению нравственного совершенства, к общению с Богом. В связи с этим, при передаче психического процесса в Нехлюдове третий перевод оказывается неудачным.

Касаясь последнего перевода, мы заметим, что смысл и стиль обратного перевода близки к Толстому.

Берем для анализа следующий отрывок: *«И он вдруг понял, что то отвлечение, которое он в последнее время чувствовал к людям, и в особенности нынче, и к князю, и к Софье Васильевне, и к Мисси, и к Корнею, было отвлечение к самому себе. И удивительное дело: в этом чувстве признания своей подлости было что-то болезненное и вместе радостное и успокоительное»* [32, с. 102].

Его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Ít lâu nay chàng ghét tất cả mọi người, ghét lão Kortchaguine, ghét bà Sophie Vasilievna, Ghét Missy, ghét	«Và chàng bỗng nhận ra rằng cái cảm giác chán ghét của chàng đối với mọi người trong thời gian gần đây, và

<p>Kornei. Bây giờ còn thấy ghét nhiều hơn nữa. Tự nhiên chàng cảm thấy Missy không tốt đẹp như chàng hằng tưởng tượng. Kỳ lạ thật! Trong lúc chàng ý thức được cái bản chất hèn hạ của mình thì một cái gì đó có vẻ yếu đuối, bệnh hoạn làm cho chàng vừa vui, đồng thời vừa băn khoăn khắc khoải» (с. 162).</p>	<p>nhất là ngày hôm nay, đối với lão Korsaghin, mẹ Xofia Vaxillievna, cô Mitxi và Côrnây lại là sự chán ghét đối với chính bản thân mình. Mà kể cũng lạ, khi nhận ra tính cách hèn hạ của mình, chàng cảm thấy một cái gì vừa đau xót, nhưng cũng vừa vui sướng, thanh thản» (с. 177).</p>
---	--

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«В последнее время чувствовал отвращение к людям, ненавидел Корчагина, Софью Васильевну, ненавидел Мисси, ненавидел Корнея. Теперь больше ненавидел. Вдруг он чувствовал, что Мисси не такая порядочная, какую он воображал. Удивительно! Когда он признал свою подлость, что-то слабое, патологическое заставило его радоваться, одновременно сомневаться и беспокоиться».</p>	<p>«И он вдруг понял, что то отвращение, которое он в последнее время чувствовал к людям, и в особенности нынче, и к Корчагину, к Софье Васильевне, к Мисси, и к Корнею, было отвращение к самому себе. И удивительное дело: признав свою подлость, он чувствует что-то болезненное и вместе радостное и успокоительное».</p>

Безусловно, в Нехлюдове происходит резкая, сложная внутренняя борьба между добром и злом, между физической и нравственной частью, на этом этапе нельзя назвать его «мертвым человеком».

В третьем переводе допущена серьезная ошибка, которая способствует искажению эстетического впечатления вьетнамского читателя. В оригинале Толстой объясняет, что отвращение ко всем людям, которое Нехлюдов испытывал в последнее время, на самом деле, было отвращением к самому себе. Это понимание является важным толчком, ударом для пробуждения духовного человека в герое. Однако в третьем переводе оно совсем пропущено. Вместо него предложение «Теперь больше ненавижу» показывает не душевное изменение барина, а только чувство ненависти ко всем людям. Кроме того, предложение «Вдруг он чувствовал, что Мисси не такая порядочная, какую он воображал», свидетельствует больше о гордости, высокомерии Нехлюдова.

В этом же переводе ошибочно переведены слова «болезненное» и «успокоительное». Рассмотрим последнее предложение этого эпизода: «Когда он признал свою подлость, что-то слабое, патологическое заставило его радоваться, одновременно сомневаться и беспокоиться». Непонятно, почему слово «болезненное» («вызывающее боль»), в переводе становится «патологическим» («что-то болезненно-ненормальное, резко отклоняющееся от нормы»). В такой же ситуации и прилагательное «успокоительное», что значит «дающее успокоение». В переводе оно выглядит как «сомневаться и беспокоиться». Замененные слова не соответствуют словам в оригинале.

Таким образом, внутренний мир Нехлюдова, дающийся в третьем переводе, в сопоставлении с его душевным портретом в оригинале по точности и эстетическим впечатлениям проигрывает.

Рассмотрев целый отрывок, мы видим, что в последнем переводе в целом передается эмоциональная выразительность и точность психического процесса в душе героя, свойственная роману.

Берем для анализа понятие «чистка души», которым Нехлюдов называл *«такое душевное состояние, при котором он вдруг, после иногда большого*

промежутка времени, сознав замедление, а иногда и остановку внутренней жизни, принимался вычищать весь тот сор, который, накопившись в его душе, был причиной этой остановки» [32, с. 102]. Правда, герой очищался и поднимался несколько раз, но из-за личной слабости и влияния окружающей среды он опять падал, даже ниже того, каким он был прежде. Сам Дмитрий Нехлюдов презирает себя и считает себя «негодяем». Действительно, возрождение в душе героя не легкое и быстрое дело, а постепенный, долговременный и драматический процесс раздумья, пробуждения сознания и покаяния.

В третьем переводе неточно переведено понятие «чистка души», которое выглядит как «чистка совести». Кроме того, там же процесс «чистки души» понимается как «промывание мозгов». Это недопускаемая ошибка. Под пером Толстого Нехлюдов должен преодолеть все общественные преграды, чтобы духовно возродиться, стать новым человеком путем нравственного самосовершенствования. В связи с этим, процесс духовной чистки является ключевым моментом в его внутренней эволюции. Так, слово «совесть», что обозначает чувство нравственной ответственности за своё поведение перед окружающими людьми, обществом, появляется в этой ситуации, с нашей точки зрения, нелогично. Прежде, чем богатый князь выполнит свою ответственность перед обществом и другими людьми, он переоценит свое прошлое, вычистит свою душу, освободит ее от «грязи».

Отметим, что в последнем переводе этого непростительного недочета не существует. Переводчики четко и удачно передали содержание романа, помогли вьетнамским читателям точно понять слова писателя.

Первым толчком, жизненным ударом возбуждения добра в Нехлюдове оказывается случайная встреча в зале суда с бывшей полугорничной его тетушек Катюшей Масловой. Но князь еще не ясно видит ужас и призрачность своего уклада и жизни «всех». Он собирается пойти по правильному пути – пути к нравственной жизни и к жизни народа. «Для того чтобы преодолеть

двойственность, разрешить противоречие, Нехлюдов должен был бы не только идейно и нравственно, но и социально переродиться»²¹⁰. Двойственность в Нехлюдове еще отражается в следующем фрагменте: «На глазах его были слезы, когда он говорил себе это, и хорошие и дурные слезы; хорошие слезы потому, что это были слезы радости пробуждения в себе того духовного существа, которое все эти годы спало в нем, и дурные потому, что они были слезы умиления над самим собою, над своей добродетелью» [32, с. 103-104].

Переводы этого предложения:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Mắt chàng đã đầm đìa lệ. Đây là những giọt lệ từ tâm, những giọt nước mắt hoan hỉ của con người đạo đức, sau một giấc ngủ dài, tỉnh dậy trong cõi siêu thoát, nhưng đó cũng lại là những giọt lệ xót thương cho chính mình» (с. 165).</p>	<p>«Chàng rơm rớm nước mắt khi lắm bầm máy lời cầu nguyện nói trên. Đó là những giọt nước mắt vừa đáng quý, vừa đáng bỉ. Đáng quý vì đó là những giọt nước mắt trào ra vì sung sướng khi thấy con người tinh thần đã bao năm ngủ thiếp trong lòng mình nay bừng thức dậy, đáng bỉ vì đó là những giọt nước mắt ứa ra vì cảm kích cho riêng bản thân mình, trước phẩm chất tốt đẹp của riêng cá nhân mình» (с. 180).</p>

В обратных переводах так звучит:

Третий перевод	Последний перевод

²¹⁰ Кузина Л., Тюнькин К. Указ. соч. – С. 31.

<p>«Его глаза полны слезами. Это слезы из души, слезы радости духовного существа, которое после долгого сна проснулось в царстве отрешенности, но это же слезы жалости к себе».</p>	<p>«На глазах его были слезы, когда он говорил себе это, и хорошие и дурные слезы. Хорошие слезы потому, что это были проступающие слезы радости пробуждения в себе того духовного существа, которое все эти года спало в нем, и дурные потому, что они были бегающие слезы умиления над самим собою, над своей добродетелью».</p>
---	--

Рассмотрим третий перевод. Сразу отметим, что авторы перевода прибегают к другой конструкции, чем у Толстого: «Его глаза полны слезами». Это предложение не совсем соответствует предложению из романа. Переводчики ошибочно передают деталь о слезах Нехлюдова. Они не только выбросили прилагательные «хорошие» и «дурные», которые существуют как обобщенные слова в понимании ценности слез действующего героя, но и добавляют сочетание «слезы из души» с целью усиления нравственной стороны в Нехлюдове. Утверждаем, что на данном душевном этапе моральный человек только начинает просыпаться в князе, мало воздействует на его поступки. В этом же переводе появление сочетания «в царстве отрешенности» нарушает толстовский стиль, причем затемняет смысл подлинника. Откуда это сочетание? Это продукт самих вьетнамских переводчиков или творение автора французского перевода? В данном случае ошибка перевода оказывается непонятной.

Еще одна серьезная ошибка при передаче слез Нехлюдова в третьем переводе. Представляется странным, когда сочетание оригинала «слезы умиления над самим собою, над своей добродетелью» переводятся как «слезы жалости к себе». Значения этих словосочетаний не похожи: одно из них облича-

ет высокомерие, искусственность, ложность в мысли Нехлюдова, другое рисует героя как человека, обладающего чувствительным характером.

Так, в третьем переводе мы опять видим, что краска рисования душевного процесса Нехлюдова не просто ослаблена, но и проиграна.

В последнем переводе в целом переводчики удачно передают внутреннее движение в Нехлюдове, сохраняют смысл оригинала. Однако в нем все-таки допущен один просчет, когда авторы перевода при описании слез князя добавляют прилагательные «проступающие» и «бегающие». С нашей точки зрения, это добавление является ненужным нюансом, который не играет никакой роли в этом фрагменте.

Далее, мы остановимся на развитии отношения Нехлюдова к Масловой после судебных сцен. С нашей точки зрения, это очень важно и значительно, так как не главный герой вызывает духовное возрождение Катюши, наоборот, именно героиня воздействует на него. В далеком прошлом она помогает молодому барину приобрести чистоту и прекрасную любовь – любовь невинных людей. И в настоящее время она благотворно влияет на изменение, происходящее в Нехлюдове. Скажем, что в отношении с Катюшей князь не является пассивным человеком. Чувствуя заботу Нехлюдова, падшая женщина постепенно изменяется. Она вновь любит его и ради него жертвует собой. Нужно уяснить, что каждое свидание с Катюшей приносит барину различные чувства и что-то новое возникает в его душе, заставляет его истинно относиться к реальной действительности и в то же время отталкиваться от фальшивой иллюзии, которую создает в нем искуситель.

Первая встреча между героями описана в главе XLIII первой части романа, в ней Катюша производит на Нехлюдова удручающее впечатление. Кажется, почти все то, живое, человеческое, что было в ее натуре, теперь потеряно. Очень трудно разглядеть в ней что-то другое, кроме манер, привычек, присущих ее профессии. Катюша остается равнодушной к словам Нехлюдова

о том, что он хочет искупить свою вину. Разумеется, нехлюдовская просьба о прощении воспринимается этой женщиной как что-то чудное. Сам князь понял, что его просьба несправедлива к страдающей женщине, поэтому он не смог свободно произнести эти слова: «– Я пришел... "Да, я делаю то, что должно, я каюсь",— подумал Нехлюдов. И только что он подумал это, слезы выступили ему на глаза, подступили к горлу, и он, зацепившись пальцами за решетку, замолчал, делая усилие, чтобы не разрыдаться» [32, с. 146].

Авторы переводов так перевели:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«– Tôi đến đây để... phải, tôi đến đây để làm tròn bổn phận của tôi... tôi hối hận...</p> <p>Vừa nói tới đó, Nekhlioudov tự nhiên muốn trào nước mắt. Chàng bám vào mắc lưới, lặng thinh cố dẫn cho khỏi khóc» (с. 234).</p>	<p>«– Tôi đến đây...</p> <p>"Đúng, mình đang làm cái việc cần phải làm, mình nhận tội" – Nêkhliudôp suy nghĩ. Vừa nghĩ tới điều đó, nước mắt chàng đã trào ra và trôi xuống họng. Chàng bám chặt lấy tấm lưới, chàng ngừng nói, cố gắng giữ cho khỏi oà lên khóc» (с. 252).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«– Я пришел, чтобы..., да, я пришел, чтобы выполнить свой долг... я каюсь...</p> <p>И только что сказал это, слезы начали падать. Он уцепился за решетку, замолчал, делая усилие, что-</p>	<p>«– Я пришел...</p> <p>"Да, я делаю то, что должно, я каюсь", – подумал Нехлюдов. И только что он подумал это, слезы выступили ему на глаза, подступили к горлу, и он, зацепившись за ре-</p>

бы не разрыдаться».	шетку, замолчал, делая усилие, чтобы не разрыдаться».
---------------------	---

Кажется, духовное начало интенсивно воздействует на чуть заметный психический процесс барина. В этой сцене невербальные средства значительно помогает автору передать смутное и мучительное душевное состояние Дмитрия Нехлюдова.

Однако в третьем переводе авторы не обращаются к художественным приемам, использованным Толстым в этом отрезке: внутренний монолог, невербальные средства. Напомним, что внутренний монолог – один из самых главных и важных средств изображения внутреннего изменения героев. Кроме него, Л.Н. Толстой использует другие приемы: мимика, жесты, взгляды как дополнительные невербальные способы проникновения во внутренний мир. В данном переводе все то, что Нехлюдов думает, становится его обращением к Катюше. Эта ошибка никак не может передать сложное страдательное настроение Нехлюдова на первой встрече с Масловой, так же не может отразить напряженную встречу между главными героями романа.

Утверждаем, что авторам последнего перевода удалось сохранить эмоционально-экспрессивную заразительность этого абзаца романа, так что вьетнамские читатели оказались в равном положении с русскими читателями.

Переходим к другому предложению: *«Прежде Нехлюдов играл своим чувством любования самого на себя, на свое раскаяние; теперь ему просто было страшно»* [32, с. 167]. Это настроение Нехлюдов почувствовал после второго свидания с Катюшей в тюрьме.

Рассмотрим это предложение в переводах:

Третий перевод	Последний перевод
-----------------------	--------------------------

<p>«Từ trước đến nay, Nekhlioudov vẫn thích thú với lòng tự tôn, vẫn thoải mái với lòng hối hận, bây giờ thì chàng cảm thấy sợ hãi» (с. 272).</p>	<p>«Trước đây, Nêkhlіudôp vẫn ưa chuộng thức cái cảm giác tự thương hại mình, lấy việc mình sám hối, chuộc tội làm một niềm vui; bây giờ chàng chỉ còn thấy kinh khủng» (с. 290).</p>
---	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«До сих пор Нехлюдов наслаждался самоуважением, удовлетворялся раскаянием, теперь он боялся».</p>	<p>«Прежде Нехлюдов с охотой любовался чувством жалости самого на себя, считал раскаяние, искупление грехов главным своим интересом; теперь ему просто было страшно».</p>

Очевидно, в душе Нехлюдова происходит резкое изменение. Герой «теперь» вполне понял всю свою вину. Он уже ясно видит ошибочность в своем разуме и в душе. Если раньше удивительная ситуация в суде с Масловой только обличала его грех, в связи с чем барин захотел искупить свою вину, то теперь он снимает маску животного искусителя в себе и с ужасом замечает свое лицемерие. Он понимает, что он вреден и даже гнил.

Сразу скажем, что по сравнению со смыслом романа Толстого два перевода на вьетнамский язык не удачно отражают внутреннее изменение в Нехлюдове. В третьем переводе Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы прибегали к другому выражению, чем у русского писателя. В нем появилось слово «самоуважение», значение которого далеко от смысла сочетания «чувство любования самого на себя» и не отражает толстовскую издевку над «диалектикой поведения» своего героя. Другая неудача в использовании слов в этом пере-

воде заключается в том, что вместо предиката «страшно», что усиливает трагическое душевное состояние Нехлюдова, переводчики употребляют глагол «боялся», который в меньшей мере рисует внутренний мир князя.

Как и авторы третьего перевода, переводчики Фунг Уонг и Ву Динь Фонг тоже прибегали к другому выражению, чем у русского писателя. На наш взгляд, этот фрагмент переведен ими более успешно, чем их южными коллегами. Однако в этом переводе исчезло слово «играл», показывающее «мертвую» жизнь богатого князя перед неожиданной встречей с Катюшей в суде. Толстовский герой играл «чувством любования самого на себя, на свое раскаяние», чтобы быть довольным собой, а не жалеть себя. Раньше жизнь для него была просто игрой, которая находилась под его волей и желанием, а теперь наступила жизнь с ее тайнами и мраком. Важно отметить, что духовное возрождение Нехлюдова уже выступает в новом качестве. С этого момента «ищущий герой» начинает испытывать такие чувства, какие ни разу не появлялись в его сердце. Это и сочувствие к злополучным людям, и стыд за то, что он спокойно смотрит на них, это и *«смешанное чувство любопытства, тоски, недоумения и нравственной, переходящей почти в физическую, тошноты»* [32, с. 180].

В переводах эти чувства переведены так:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Ấn tượng đó lại càng gieo vào tâm hồn chàng, hơn bao giờ hết, cảm giác buồn nản xen lẫn ngạc nhiên khiến chàng buồn nôn» (с. 296).</p>	<p>«Chàng bỗng thấy trào lên một cảm giác lẫn lộn vừa tò mò, buồn bã, băn khoăn, vừa ghê tởm, một thứ ghê tởm về tinh thần hầu biến thành một cảm giác lợm giọng, buồn nôn» (с. 313).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Такое впечатление оставило в его душе, больше, чем когда-нибудь, смешанное чувство тоски, удивления, которое вызвало у него тошноту».	«На него нашло смешанное чувство любопытства, тоски, недоумения и нравственной гадости, переходящей почти в физическую тошноту».

Значимый недостаток третьего перевода заключается в том, что в нем бедно передается «смешанное чувство» Нехлюдова, которое прежде никогда так сильно не охватило его, как в этот момент. В нем не звучат ключевые слова «любопытство», «недоумения», «нравственная» и «физическая» тошнота. Кроме того, включение лишнего существительного «удивление» в данном случае искажает эстетическое впечатление. В результате чего, внутренний портрет героя в какой-то мере теряет свою эмоциональность, образность. Переводчики третьего перевода проигрывают в передаче нового изменения в душе главного героя.

В последнем переводе авторы поступают правильно, добавляя слово «гадость» в данном предложении. Чем более Нехлюдов сближается с Катюшей, чем он глубже понимает совершенный им проклятый поступок и мучение этой женщины, тем ужаснее он видит страшную реальность. Он не может изменить прошлое, не знает, по какому пути ему должно пойти. Одно дело он сможет сделать – это жениться на Катюше и если понадобится, отправиться за ней в Сибирь.

Рядом с Катюшей в Нехлюдове появляются положительные и новые черты. В его речи присутствуют искренность, нежность, но, тем не менее, в его словах еще осталась самоуверенность: *«Катюша, как я сказал, так и говорю, – произнес он особенно серьезно. Я прошу тебя выйти за меня замуж.*

Если же ты не хочешь, и пока не хочешь, я, так же как и прежде, буду там, где ты будешь, и поеду туда, куда тебя повезут» [32, с. 195].

Приведем переводы второй части этого фрагмента, начиная со слов «где ты будешь...»:

Третий перевод	Последний перевод
«Em có bị lưu đày tới đâu, tới chân trời góc biển, anh cũng đi theo» (с. 325).	« <...> người ta dẫn em đi đâu anh sẽ đi đấy» (с. 339).

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«Куда тебя повезут, до горизонта неба до угла моря, туда я поеду».	«<...> где ты будешь, я поеду туда, куда тебя повезут».

Видно, что последний перевод сохраняет смысл и стиль романа «Воскресение», иначе говоря, авторам этого труда удалось перевести этот фрагмент на вьетнамский язык. Однако южные переводчики нарушают специфику толстовского стиля. Поясним нашу мысль.

Во вьетнамской литературе сочетание «до горизонта неба до угла моря» используется как крылатое выражение, часто присутствующее в романтизме. В любви оно выражает решительность, прочность чувств девушки или юноша к любимому/любимой. Так, в переводе реалистического итогового романа Л. Толстого, где любовная линия стоит на заднем плане, это сочетание не уместно. Как выше отмечено, в 1970-е годы в Южном Вьетнаме действовало примерно полторы сотни издательств, обладающих конкурирующим признаком. Исходя из этого, переводчики, в том числе авторы «Земли оживления»,

часто изменяют смысл и стиль оригинала, чтобы увлечь читателей переводным литературным произведением.

Сближение с Масловой открывает главному герою путь к народу («хождение в народ»), он ясно осознает общественное неравенство и признает то, что виновником является не один он, но и весь господствующий класс.

Далее мы попытаемся сопоставить народную жизнь с укладом правящего сословия с целью выявления жестокости и бездушия представителей государственного строя.

В книге «Лев Толстой. Путь писателя» Е.А. Маймин пишет: «За индивидуальным, частным конфликтом Нехлюдова и Масловой в романе явственно проглядывает конфликт более существенный и совсем не частный: конфликт двух классов людей – преступного класса и класса-жертвы, классов богатых и царствующих и бедных и поработенных»²¹¹. Это мнение, на наш взгляд, оказывается справедливым. В романе «Воскресение» Толстой обращает внимание на неравенство и жестокость в обществе, обличительно показывает безжалостность и равнодушие государственного строя к нищей и мучительной жизни народа.

После пробуждения духовности Дмитрий Нехлюдов почти все время живет с горестью и печалью. После того, как он услышал и увидел то, чего не должно быть в этом мире, задав себе вопрос: «Что же это такое?», – «ищущий герой» начинает находить ответ на него. Но ответ он не сразу нашел.

Нехлюдов, перед тем как отправиться вслед за Масловой в Сибирь, едет в деревню устроить свои дела с крестьянами. В новом осознании мира Нехлюдов поехал в деревни Кузминское и Паново. Там он впервые узнал ту степень бедности и суровости жизни, до которой народ дошел. Задумавшись над увиденными картинами народной жизни, он понял, что в Кузминском он

²¹¹ Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. М., 1978. – С. 170.

обманывал сам себя. Он думал, что сделал благородное дело для мужиков, на самом деле, это дело было, как он сейчас понимает, ошибочным. Богатый барин сознает, что «"народ вымирает, привык к своему вымиранию, среди него образовались приемы жизни, свойственные вымиранию, – умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу приходил народ в это положение, что он сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что положение это естественно и таким и должно быть". Теперь ему было ясно, как день, что главная причина народной нужды, <...> состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться» [32, с. 217-218].

Переводы этого большого эпизода:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Dân chúng đang chết dần, họ đã quen với cái chết từ từ. Cuộc đời của họ tàn lụi trong khi con cái thì ốm o, gầy mòn, đàn bà thì đầu tắt, mặt tối suốt ngày này qua tháng khác, thiếu ăn thiếu mặc, nhất là những người già nua.</p> <p>Cứ như thế lần lần dân chúng đi đến một thảm trạng ghê rợn không tưởng tượng nổi, thế mà họ cũng chẳng hề than van. Trong khi đó thì chúng ta đã tiến tới chỗ nhìn thảm trạng đó với sự vô tư bình thản vì cho rằng đó là luật thiên nhiên.</p>	<p>«“Dân chúng đang chết dần chết mòn, họ đã quen với cái chết dần mòn, và những lối sống đặc trưng của cái chết đó đã hình thành: trẻ nhỏ chết yểu, phụ nữ phải lao lực quá độ, mọi người ăn uống thiếu đói, nhất là những người già cả. Và dần dà dân chúng lâm vào một tình trạng mà họ không thấy hết được cái khủng khiếp và cũng không oán than nữa; vì thế cả chúng ta cũng coi cái tình trạng ấy như một chuyện bình thường, một điều tất nhiên.</p> <p>Bây giờ chàng thấy rõ như ban ngày cái nguyên nhân chính đẻ ra sự</p>

<p>Giờ thì đã rõ. Nguyên nhân chính của sự nghèo nàn thống khổ đó <...> là sự đổi trắng thay đen có lợi cho các điền chủ qua mảnh đất, thừa ruộng, là vú sữa của dân cày» (с. 370-371).</p>	<p>cùng khổ của nhân dân <...> là họ đã bị địa chủ cướp mất hết ruộng đất và không có ruộng đất thì họ không sống được» (с. 380).</p>
---	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Народ вымирает, он привык к вымиранию. Его жизнь погасает, когда дети больные, худые, женщины день за днем сверхсильно работают, пищи и одежды не хватает, особенно для стариков.</p> <p>И так понемногу народ пришел в ужасное невообразимое положение, но он не жалуется на него. А мы спокойно смотрим на это положение, потому что считаем его естественным законом".</p> <p>Теперь было ясно. Главная причина нужды, <...> состояла в замене белого черным для пользы землевладельцев, в отнятии земли, являющейся кормилицей крестьян».</p>	<p>«Народ вымирает, он привык к своему вымиранию, и образовались приемы жизни, свойственные вымиранию: ранняя смерть детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу народ пришел в это положение, что он сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что это положение естественно и таким должно быть".</p> <p>Теперь ему было ясно, как день, что главная причина народной нужды, <...> состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться».</p>

Сравнив эти переводные тексты с оригиналом, легко заметим, что удачным при передаче народной нищеты становится последний перевод, сделанный авторами Ву Динь Фонг и Фунг Уонг. Есть основания говорить о том, что эти переводчики тщательно работают над своим трудом, чутко ловят смысл подлинного фрагмента, передают читателям эмоционально-экспрессивную заразительность толстовского стиля.

Однако в третьем переводе замечаем много ошибок при изображении народной жизни. Значит, авторы этой работы смогли сохранить лишь «канву» анализируемого отрывка. Поясним эту мысль.

Переводчики прибегают к другому выражению, чем у Толстого: «Его жизнь погасает, когда дети больные, худые, женщины день за днем сверхсильно работают, пищи и одежды не хватает, особенно для стариков». В словах русского писателя, жизнь народа не просто погасает, а постепенно приобретает признаки вымирания. Так, использование глагола «погасать» в данном случае воспринимается не совсем удачным. Кроме того, заменив словосочетание оригинала «умирание детей» на описание детей «больные», «худые», переводчики уменьшили степень обездоленности народной жизни.

Кроме того, авторы этого перевода смягчают критический смысл умозаключений Нехлюдова, вместе с ним Толстого. Народ оказывается не в состоянии осознать всю степень катастрофы, переживаемой им. Включение в перевод слов «спокойно» и «закон», которых нет в оригинале, не придало тексту необходимой критичности, а только показало своеволие переводчиков в толковании толстовского фрагмента.

Самой серьезной ошибкой считаем перевод последнего предложения данного эпизода: «Главная причина нужды <...> состояла в замене белого черным для пользы землевладельцев, в отнятии земли, являющейся кормилицей крестьян». Видим, что толстовский стиль и смысл здесь совсем исчезли. Читатели чувствуют странность и непонятность в этом предложении, но

оно так переведено на вьетнамский язык. Утверждаем, что при переводе романа «Воскресение» на вьетнамский язык южные переводчики часто перетолковывают слова оригинала, вместо них применяют вьетнамские выражения, которые не соответствуют подлиннику. Именно так можно говорить о сочетании «замена белого черным». Кроме того, последнее предложение, использованное авторами перевода, никак не отражает обвинение Нехлюдова, и вместе с ним Толстого, в жестокости богатых людей, владеющих землей – источником народной жизни. Поэтому новый сдвиг в душевном и духовном мире главного героя также не смог отразиться в третьем переводе.

Картины деревенской темноты глубочайшим образом связаны с основным сюжетом романа, построенным на вине Нехлюдова перед Масловой. «Пребывание в деревне, потрясшие деревенские картины окончательно утвердили Нехлюдова в сознании большой своей вины перед трудовым народом, в сознании не просто греховности, но и преступности всей своей жизни. И не только своей – жизни всего своего сословия»²¹². В трактате «Так что же нам делать?» его автор писал: *«То, что составляет главное общественное бедствие народа не у нас одних, это управление, бесчисленное количество чиновников»* [25, с. 345].

Действительно, в душе Нехлюдова происходит резкое изменение под влиянием впечатления крестьянской жизни. С тех пор богатый князь начал видеть повсюду только социальное безумие. Он не понимает, почему люди допускают такую бессмыслицу, такое неравенство в жизни. Значительный сдвиг происходит в мироощущение Нехлюдова. После всего увиденного он приходит к выводу, что жизнь имущих классов, так же как и его собственная, не только несправедлива, но виновна и преступна: *«<...> Нехлюдов не то что решил, но всем существом почувствовал отвращение к той своей среде, в которой он жил до сих пор, к той среде, где так старательно скрыты бы-*

²¹² Маймин Е.А. Указ. соч. – С. 172.

ли страдания, несомые миллионами людей для обеспечения удобств и удовольствий малого числа, что люди этой среды не видят, не могут видеть этих страданий и потому жестокости и преступности своей жизни» [32, с. 246].

Переводы этого предложения:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«<...> tuy chưa có một quyết định dứt khoát nào về vấn đề ruộng đất, Nekhlioudov cũng cảm thấy hết sức ghê tởm nơi chôn nhau cắt rún của mình, ghê tởm cái giới đã che giấu kỹ càng những nỗi thống khổ của hàng bao nhiêu triệu con người khác đã phải chịu đựng, che giấu, với mục đích bảo đảm cho một thiểu số hạnh phúc. Chàng ghê tởm hạng người không hề trông thấy những nỗi thống khổ đó, và không hề nhận thức sự ác độc cùng tính cách tàn bạo của nơi họ sống. Chàng cảm thấy không thể nào tiến triển dễ dàng được trong cái thế giới đó mà không có tinh thần trách nhiệm» (с. 426-427).</p>	<p>«<...> Nêkhliudôp tuy chưa quyết định hẳn ra sao, nhưng chàng đã cảm thấy ghê tởm hết sức cái xã hội mà chàng sống cho tới ngày nay, cái xã hội đã che đậy kín đáo tất cả những nỗi đau khổ mà hàng triệu con người phải chịu đựng để đảm bảo cho một thiểu số sống an nhàn sung sướng, cái xã hội con người không thấy và không thể nào thấy được những nỗi đau khổ đó cũng như tính chất tàn bạo và tội lỗi của cuộc sống bản thân họ» (с. 432).</p>

В обратных переводах:

Третий перевод	Последний перевод
----------------	-------------------

<p>«<...> не решив окончательно проблему земли, Нехлюдов почувствовал отвращение к своему родному месту, отвращение к среде, где скрыты были страдания, несомые миллионами людей для обеспечения счастья малого числа. Он чувствовал отвращение к людям, которые не видят этих страданий, не сознают злость и жестокость места, где они живут. Он чувствовал, что нельзя естественно развиваться в том мире, где нет ответственности».</p>	<p>«<...> Нехлюдов не то что решил, но он почувствовал отвращение к тому своему обществу, в котором он жил до сих пор, к тому обществу, где старательно скрыты были страдания, несомые миллионами людей для обеспечения удобств и удовольствий малого числа, к тому обществу, люди которого не видят, не могут видеть этих страданий, а также жестокости и преступности их жизни».</p>
--	--

Авторы третьего перевода добавили не существующее в оригинале словосочетание «решил проблему земли», видимо, с целью акцентирования внимания читателей на новом, данным ими, названии романа «Земля оживления».

Более серьезным недостатком считаем замену словосочетание оригинала «отвращение к той своей среде, в которой он жил до сих пор» на «отвращение к своему родному месту». У Толстого акцент социальный, переводчики переводят повествование в план родовой, национальный. Причина деформации смысла исходного текста все та же: ошибка французского переводчика, невнимательность вьетнамских переводчиков.

Думается, не вполне удачна и замена слов «удобств» и «удовольствий» на «счастье». Слово «счастье» имеет отношение к душевно-духовной сфере человеческого бытия, а оба слова из оригинала указывают на материальное положение героя.

Не менее серьезной ошибкой в третьем переводе считаем неверную передачу чувства Дмитрия Нехлюдова: в оригинале речь идет о преступности жизни богатых и знатных в целом, и о преступности прежней жизни Нехлюдова, а авторы перевода переключают повествование в абстрактно-философский план о сложности жизни вообще. Поэтому психологическая новизна переживаемого Нехлюдовым в этот момент состояния не только передается неточно, но прямо искажается: исчезает толстовская «диалектика души».

Авторы последнего перевода более удачно передают не только новое качество состояния внутреннего мира героя, но сохраняют (что чрезвычайно важно!) стилистику Толстого: фрагмент из оригинала выглядит как одно, в духе Толстого, целое предложение. Таким образом, внутренняя текучесть главного героя, дающаяся в переводе, в сопоставлении с его душевным состоянием в оригинале по точности и эстетическому впечатлению адекватны.

Обратим внимание на очень важную пейзажную зарисовку, увиденную Нехлюдовым из окна железнодорожного вагона, уносящего его вслед за Катюшей в Сибирь, т.е в новую жизнь: *«Он (Нехлюдов) перешел на другую сторону и, вдыхая влажную свежесть и хлебный запах давно ждавшей дождя земли, смотрел на мимо бегущие сады, леса, желтеющие поля ржи, зеленые еще полосы овса и черные борозды темно-зеленого цветущего картофеля. Все как будто покрылось лаком: зеленое становилось зеленее, желтое – желтее, черное – чернее.*

– Еще! еще! – говорил Нехлюдов, радуясь на оживающие под благодатным дождем поля, сады, огороды.

Сильный дождь лил недолго. Туча частью вылилась, частью пронеслась, и на мокрую землю падали уже последние прямые, частые, мелкие капли. Солнце опять выглянуло, все заблестело, а на востоке загнулась над гори-

зонтом невысокая, но яркая, с выступающим фиолетовым цветом, прерывающаяся только в одном конце радуга» [32, с. 350].

Переводы этого абзаца:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Chàng đứng tránh sang phía khác hít làn không khí mát dịu và mùi gỗ thông, mùi đầu tóc thấm nước mưa. Hai bên đường, vườn tược, rừng cây thưa, đồng lúa vàng ối, những hàng lúa mạch xanh mượt và những luống khoai tung bưng trổ hoa thi đua chạy lướt qua.</p> <p>Vạn vật đều như được phết lên một lớp sơn: đồng lúa vàng trở thành vàng chói, rừng cây xanh lại trở thành xanh mượt, mây đen như đen sậm lại. Đồng ruộng vườn tược, cỏ cây như sống lại dưới cơn mưa. Nekhlioudov cũng vui lây. Rồi mưa thưa dần, mây đen kéo nhau về phía chân trời và mưa tạnh dần, chỉ còn lại những giọt nhỏ lất phất trên bụi cây đóm cỏ.</p> <p>Mặt trời lại hiện ra làm cho cảnh vật thêm tươi sáng. Cầu vồng mọc lên ở phía trời Tây không lớn lắm nhưng</p>	<p>«Chàng đổi chỗ sang phía bên kia và phòng ngực hít lấy hơi mát rượi, ẩm ướt và mùi lúa mạch ngọt ngào trên đồng ruộng đang chờ mưa; chàng nhìn những mảnh vườn, những khu rừng, những cánh đồng lúa mạch vàng hoe, những dải lúa kiều mạch xanh tươi và những luống khoai tây xanh thẫm đang nở hoa, lướt vụt qua trước mặt. Có thể nói là tất cả đều được phủ một lớp sơn bóng: màu xanh hoá ra xanh ngắt, vàng hoá vàng tươi, còn chỗ nào đen thì đen thẫm lại.</p> <p>–Mưa nữa đi, mưa nữa đi! – Nêkhliudôp nói, lòng khoan khoái thấy đồng ruộng, vườn tược sống lại dưới trận mưa phúc đức.</p> <p>Cơn mưa rào tạnh ngay. Đám mây lớn, một phần trút xuống thành mưa, còn thì bay tản mạn ra xa, và những giọt nước mưa cuối cùng đã rút thẳng</p>

rất tươi nổi bật màu tím» (с. 605-606).	<p>thưa thốt, nhỏ hạt xuống mặt đất ướt át.</p> <p>Mặt trời lại ló ra, làm cho muôn vật sáng loáng; đặng đông, trên đường chân trời, một cái mỏng cụt, không cao lắm nhưng tươi sáng, đặc biệt có màu tím là thắm hơn cả» (с. 615).</p>
---	---

В обратных переводах:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Он перешел на другую сторону, вдыхал влажную свежесть и запах хвойной древесины, запах волос, вымокших от дождя. По дороге сады, легкие леса, желтые поля риса, зеленые полосы ржи и цветущего картофеля бегут мимо.</p> <p>Все как будто покрылось лаком: желтые поля становились желтее, зеленые леса – зеленее, черные тучи – чернее. Поля, сады, растения оживали под дождем. Нехлюдов этому радовался.</p> <p>Дождь редел. Тучи пронеслись за горизонт, дождь реже лил, только мелкие капли падали на траву.</p> <p>Солнце опять выглянуло, все заблестело. Радуга, небольшая, но</p>	<p>«Он перешел на другую сторону и, вдыхал влажную свежесть и хлебный запах давно ждавшей дождя земли; смотрел на мимо бегущие сады, леса, желтые поля ржи, зеленые полосы гречки и черные борозды темно-зеленого цветущего картофеля. Все как будто покрылось лаком: зеленое становилось зеленее, желтое – желтее, черное – чернее.</p> <p>– Еще! еще! – говорил Нехлюдов, радуясь на оживающие под благодатным дождем поля, сады, огороды.</p> <p>Сильный дождь лил недолго. Большая туча частью вылилась, частью пронеслась, и последние прямые, частые, мелкие капли падали на</p>

яркая, с выступающим фиолетовым цветом, загнулась на западе».	мокрую землю. Солнце опять выглянуло, все заблестело; на востоке загнулась над горизонтом невысокая, но яркая, с выступающим фиолетовым цветом, прерывающаяся только в одном конце радуга».
---	--

Этот пейзаж играет важную роль в раскрытии духовной жизни Нехлюдова. Красота мира Божия царствует в душе «воскресающего» героя. Несомненно, человеческая жизнь, ее психическая реальность не изолирована от природы. Согласимся с Е.Н. Купреяновой в том, что «человек не противостоит природе, а является ее продуктом и элементом <...> Чем ближе человек к природе, чем полнее и сознательнее он подчиняется ее простейшим и «таинственным» законам, тем он счастливее, нравственнее и прекраснее, потому что природа сама по себе блаженна, нравственна и прекрасна»²¹³.

Приступим к анализу третьего перевода, который, несомненно, проигрывает оригиналу в передаче параллельного оживления природы и «зеленеющей» души Нехлюдова. Причина этой неудачи состоит в следующем. Во-первых, переводчики прибегли к другой конструкции, далекой от толстовской, добавили избыточные нюансы, не существующие в исходном тексте: «запах хвойной древесины», «запах волос, вымокших от дождя» и т. д.; во-вторых, они пропустили внутреннее обращение Нехлюдова к природе, занимающее доминирующее место в описании духовного мира человека. По нашему мнению, этот пропуск меняет многое. Читатели не могут чувствовать единодушия Нехлюдова с природой. Кроме того, в переводе описывается обыкновенный дождь, а не благотворный ливень, освежающий русскую зем-

²¹³ Купреянова Е.Н. Указ. соч. – С. 154.

лю, иссохшую и измученную, и душу героя, столь же иссохшую и измученную. Мы вновь сталкиваемся с неспособностью переводчиков передать «диалектику души» героя, обозначить новый фазис его внутреннего «текущего» преобразования.

В романе «Воскресение» образы солнца и радуги – символы Божественного присутствия, указывающие на возможность синергийного общения человека с Богом и ответа Бога на молитвенное обращение к нему человека. То, что вьетнамские переводчики обратили радугу на запад, а не на восток, как в оригинале, свидетельствует о их непонимании (или не знании) символического языка «Воскресения»: в общехристианской традиции свет Истины просиял на Востоке («Слава Тебе, показавшему нам свет»; алтари христианских храмов обращены на восток).

Есть в этом переводе фактические ошибки, объясняемые разностью культурно-исторических реалий Вьетнама и России. Остановимся на понимании слов «рожь» и «овес». «Рожь» – это злак, из молотых зёрен которого выпекают чёрный хлеб, а «овес» – это яровой злак, зерна которого обычно идут на корм лошадям, а также на крупу. Отметим, что эти злаки не растут во Вьетнаме, так что при передаче этих реалий вьетнамские переводчики столкнулись с трудностью.

В третьем переводе авторы употребляют слово «рис» вместо «рожь», «рожь» вместо «овес». Думается, они допустили погрешность из-за незнания особенностей русской зерновой культуры.

В последнем переводе слово «рожь» правильно используется, однако переводчики не до конца раскрыли его значение. Дело в том, что во вьетнамском языке слово «*lúa mạt*» [луа мать] обозначает несколько видов злака: либо рожь, либо ячмень, либо овес. С нашей точки зрения, точный перевод должен выглядеть так: «*lúa mạt đen*», которое буквально переводится на русский язык как «черная рожь». Касаясь слова «овес», скажем, что северные

переводчики, как и их южные коллеги, допустили ошибку из-за незнания русской зерновой культуры, ибо слово «kiêu mấch» [киеу мать] в переводе на русский язык получает название «гречка». Мы предлагаем перевести слово «овес» на вьетнамский язык как «уён mấch» [иен мать]. Кроме отмеченной неточности, по эмоциональному воздействию и силе изображения последний перевод анализируемого большого абзаца в целом равен оригиналу.

Заметим, что если в начале романа портрет действующего героя нарисован только отрицательными штрихами, то по мере его духовного выздоровления в его портрете появляются все больше и больше положительных черт. Если в начале произведения антиномия в Нехлюдове сильно и постоянно изображается, то к концу меньше и меньше возникает. Как мы выше сказали, причина этого изменения состоит в том, что Нехлюдов, сближаясь с Катюшей и мужиками, думает о порочности и незаконности своей жизни.

Полагаем, что есть основания говорить о прогрессе души героя: *«Он испытывал теперь к ней (Катюше) чувство, никогда не испытанное им прежде. Чувство это не имело ничего общего ни с первым поэтическим увлечением, ни еще менее с тем чувственным влюблением, которое он испытывал потом, ни даже с тем чувством сознания исполненного долга, соединенного с самолюбованием, с которым он после суда решил жениться на ней. Чувство это было то самое простое чувство жалости и умиления, которое он испытал в первый раз на свидании с нею в тюрьме и потом, с новой силой, после больницы, когда он, поборов свое отвращение, простил ее за воображаемую историю с фельдшером (несправедливость которой разъяснилась потом); это было то же самое чувство, но только с тою разницею, что тогда оно было временно, теперь же оно стало постоянным. О чем бы он и ни думал теперь, что бы ни делал, общее настроение его было это чувство жалости и умиления не только к ней, но ко всем людям. Это чувство как будто раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находивший прежде ис-*

хода, а теперь направлявшийся на всех людей, с которыми он встречался» [32, с. 372].

Переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Chàng dành cho Maslova một cảm tình chưa từng thấy ở chàng. Cảm tình này khác hẳn với thứ cảm tình thơ mộng thuở nào, cũng không phải là thứ cảm tình phát sanh từ dục tính, cũng chẳng phải cái tình thần trách nhiệm, cái ý thức bổn phận đã thúc đẩy chàng sau khi bị kết án.</p> <p>Tình cảm bây giờ cũng giống như tình cảm xưa chỉ khác là lúc đầu còn hời hợt nhưng sau trở nên bền bỉ. Tâm trạng hiện thời của Nekhlioudov khiến chàng thoát khỏi làn sóng tình trước đây không lối thoát. Sau cuộc hành trình, Nekhlioudov sống trong trạng thái hăng say» (с. 645).</p>	<p>«Chàng cảm thấy đối với nàng lúc này, chàng có một tình cảm mà trước kia chưa hề có. Tình cảm đó không giống một chút nào với tình yêu thơ mộng buổi ban đầu, lại càng không giống thứ tình yêu xác thịt về sau; thậm chí nó cũng không giống cả cái lòng thoả mãn vì đã làm tròn phận sự, trong đó không khỏi có lẫn chút lòng tự thân phục mình, và do đó sau khi toà tuyên án, chàng đã quyết định cưới nàng làm vợ. Tình cảm của chàng bây giờ chỉ đơn giản là tình thương xót và niềm xúc động mà chàng đã cảm thấy khi đến thăm nàng lần đầu tiên ở nhà giam và sau này khi nén được lòng khinh bỉ, chàng tha thứ cho nàng về câu chuyện dan díu tưởng tượng với viên y sĩ trong bệnh xá (nỗi oan này của nàng về sau đã tỏ rõ). Mỗi tình cảm của chàng bây giờ vẫn là tình cảm thương xót khi đó, chỉ có khác là trước kia tình cảm ấy chỉ còn trong chốc lát, còn bây giờ nó</p>

	<p>thành tình cảm thường xuyên, Bây giờ, dù có nghĩ gì, làm gì chàng đều cảm thấy lòng tràn ngập một tình thương mến, không những chỉ riêng đối với Maxlôva mà đối với tất cả mọi người.</p> <p>Tình cảm đó hình như đã khơi ra trong tâm hồn Nêkhludôp một nguồn yêu thương, trước kia vùi ứ tắc lại, bây giờ tràn ra, lan đến tất cả mọi người chàng gặp» (с. 651-652).</p>
--	---

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Он испытывал к Масловой чувство, никогда не испытанное им прежде. Это чувство отличалось от раннего поэтического чувства, от чувства, происходившего от чувственной любви, даже от ответственности, сознания исполненного долга, которые он испытал после суда.</p> <p>Теперешнее чувство было то самое прежнее чувство, но только с тою разницею, тогда оно было поверхностно, теперь оно стало постоянным. Это чувство помогает Нехлюдову избежать прежней безвы-</p>	<p>«Он испытывал теперь к ней чувство, никогда не испытанное им прежде. Это чувство не имело ничего общего ни с первой поэтической любовью, ни еще менее с чувственной любовью, которое он испытывал потом, ни даже с тем чувством сознания исполненного долга, соединенного с самолюбованием, и потому после суда он решил жениться на ней. Это чувство было то самое простое чувство жалости и умиления, которое он испытал в первый раз на свидании с нею в тюрьме и потом, когда он, пересилив свое отвраще-</p>

<p>ходной волны любви. После поезда Нехлюдов жил с упоением».</p>	<p>ние, простил ее за воображаемую историю с фельдшером (несправедливость которой разъяснилась потом). Это было то же самое чувство, но только с тою разницею, что тогда оно было временно, теперь же оно стало постоянным. Теперь о чем бы он ни думал, что бы ни делал, общее настроение его было чувство жалости и умиления не только к Масло-вой, но ко всем людям.</p> <p>Это чувство как будто раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находивший прежде исхода, а теперь направлявшийся на всех людей, с которыми он встречался».</p>
---	--

Остановимся сначала на третьем переводе, содержание оригинального текста в котором сокращено почти наполовину и, к сожалению, искажено: разница между «тогдашним» и «теперешним» героем не разъясняется в этом отрывке. Роман превращается авторами перевода в любовный, с занимательной, оригинальной интригой. Кроме того, многие слова и словосочетания в переводе остаются непонятными и звучат странно. Однако в этом случае, как и в других вышеперечисленных примерах, трудно судить, виноваты ли вьетнамские переводчики. Мы уже отметили, этот перевод романа «Воскресение» был выполнен с краткого французского перевода. Поэтому причины ошибок вполне можно приписать переводчику при его переводе романа с русского на французский язык.

В последнем переводе вьетнамские читатели чувствуют духовный прогресс в Нехлюдове. «Теперешний» барин заботится об окружающих его людях. Он думает о других намного больше, чем о себе. И это радует его. Мир оказывается перед глазами Дмитрия Ивановича совсем новым. Несмотря на то, что авторы перевода иногда используют другие слова, чем у Толстого, они все-таки равноценны русским словам. Итак, этот эпизод переведен удачно.

Свободный от сословных пут, просветленный взгляд Нехлюдова способен разглядеть комедию суда, ужасы крестьянской нищеты, бесчеловечность чиновников, особенно высших, жестокость и несправедливость всего существующего строя. На дальнейших страницах романа перед ним стоит много сложных вопросов, на которые он не находил ответа: *«"Так неужели же и это все делалось только по недоразумению? Как бы сделать так, чтобы обеспечить всем этим чиновникам их жалованье и даже давать им премию за то, чтобы они только не делали всего того, что они делают?" – думал Нехлюдов»* [32, с. 414].

Рассмотрим переводы этого отрезка:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Nekhlioudov tự hỏi “sao không làm cách nào để những người đó trao đổi một cách công bằng tiền lương của họ với những công lao mà họ phải làm”» (с. 719).</p>	<p>«“Nhưng phải chăng những việc làm đó cũng vẫn chỉ là do một sự hiểu lầm? Liệu có cách nào bảo đảm cho những viên chức kia không những có lương bổng mà còn được cả tiền thưởng nữa chỉ để họ đừng làm tất cả những việc họ đang làm không?” – Nêkhliudôp tự hỏi» (с. 723).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Нехлюдов себя спросил: "Почему не сделать каким-нибудь образом так, чтобы они (чиновники) равноправно обменивали их зарплату на услуги, которые им не нужно делать?"».</p>	<p>«"Так неужели все это делалось только по недоразумению? Как бы сделать так, чтобы обеспечить всем этим чиновникам не только их жалованье, но и давать им премию за то, чтобы они только не делали всего того, что они делают?" – думал Нехлюдов».</p>

Легко видим, что в последнем переводе авторы, хотя меняют некоторые слова оригинала, все-таки полностью передают смысл и стиль Толстого. Внутренний монолог главного героя удачно сохраняется. Это дает возможность вьетнамскому читателю ясно увидеть новый прогрессивный этап в душе Нехлюдова. Герой ясно понимает, что причина озверения людей, особенно трудового класса, состоит в том, что общественные законы дурно и жестоко строятся, а чиновники активно участвуют в их применении.

Третий перевод, отмечаем это в очередной раз, не зафиксировал тот духовно-нравственный перелом, который случился с Нехлюдовым во время поездки в Сибирь. Не передается и стиль Толстого. Главный герой размышляет здесь о том, чтобы чиновники перестали совершать повседневную бессмысленность, приносящую развращение и страдание. Он сурово обличает бесчеловечность государственных слуг. В третьем переводе эта мысль приглушена.

После пробуждения «духовного человека», разрыва с прежней жизнью душа Нехлюдова начинает преображаться, но сомнения, раздвоенность не покидают его и в финале романа. После посещения семьи губернатора в Нехлюдове вновь пробудилась жажда изящного, чистого семейного счастья, и

он начинает тяготиться Катюшей: «"Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни", – мелькнуло у него в голове» [32, с. 431].

В переводах звучит:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«<...> "mình cũng muốn sống, muốn có gia đình con cái, muốn sống cuộc đời bình thường như mọi người". Tư tưởng đó vụt xâm chiếm tâm hồn chàng» (с. 752).</p>	<p>«"Та muốn sống, muốn có gia đình, có con cái. Ta muốn sống cuộc đời một con người". Những ý nghĩ đó thoáng qua trong óc chàng» (с. 753).</p>

Обратные переводы:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«"Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу обыкновенной жизни, как и у других", – Эта идея захватила его душу».</p>	<p>««"Я жить хочу, хочу семью, детей. Я хочу человеческой жизни", – эта мысль мелькнула у него в голове».</p>

Отметим, что к концу романа замечается некоторое замедление темпа бурно начавшегося процесса воскресения Нехлюдова. Эта особенность отражается в последнем переводе, а не в третьем. В последнем переводе авторы аккуратно обращаются со словами оригинала, так что внутренний монолог Нехлюдова в нем такой же, какой изображен в оригинале. Тем более, в переводном тексте ничего не опускается и ничего не добавляется.

В третьем переводе вместо словосочетания оригинала «человеческая жизнь» употребляется «обыкновенная жизнь, как и у других». Сразу скажем, что прилагательное «обыкновенный» появляется в данном случае странно и непонятно. У Нехлюдова высшее социальное положение и богатая жизнь, о

которых большинство людей мечтает и к которым стремится. Если раньше все это барин считал важным и должным, теперь все это не имеет для него почти никакого значения. Герой хочет другой жизни, где у него будет настоящее, «человеческое» счастье. После того, как он увидел и осознал, что в высшем обществе только безумие и злость, ему весьма надоела жить «как все». Значит, старый уклад Нехлюдов воспринимает как античеловеческий, аморальный и мертвый. Думается, авторы третьего перевода не понимают глубинный смысл романа, не видят духовную эволюцию в Нехлюдове.

В финале романа главный герой открыл в буквальном и переносном смысле для себя Евангелие. Начинается новый период его духовного просветления. Хотя Толстой пишет, что для Нехлюдова началась новая жизнь, на этот рассказ о нем обрывается. И это не случайно, так как дальнейшая жизнь героя была не ясна самому писателю.

Подведем итоги.

Скажем прежде всего, что существование нескольких переводов романа «Воскресение» – заметное явление в культурной жизни Вьетнама, серьезная заявка на установление культурного диалога между двумя странами и народами. Даже отмеченные нами неточности, просчеты, недостатки, особенно третьего перевода, не умаляют важности и значительности переводческого труда. Широкий вьетнамский читатель получил возможность познакомиться с классической русской литературой в ее лучших образцах, и не только познакомиться, но эмоционально и эстетически погрузиться в мир далекой для него русской жизни, т. е. пережить чудо «эмоциональной заразительности» искусства, о котором писал автор «Воскресения» в трактате «Что такое искусство?».

Нам известно, что, как и в других произведениях, в романе «Воскресение» Толстой особенно заботился об изображении процесса становления и изменения человеческого характера в его непосредственном течении. Самые

большие трудности вызывают у переводчиков психологические состояния Дмитрия Нехлюдова, что объясняется не столько неумением переводчиков, сколько принципиальными отличиями, существующими между русской и вьетнамской ментальностями. Хотелось бы отметить, что в одних случаях, действительно, допущенные погрешности – результат невнимательности переводчиков, в других – следствие непреодолимых различий вьетнамского и русского языков, в-третьих – результат этнокультурной уникальности вьетнамской и русской культур.

Безусловно, перевод художественного произведения – трудное дело. Для того чтобы адекватно перевести Толстого, требуются глубокие знания не только в области художественной литературы, но религии, философии, культуры. И, несомненно, есть у Толстого факты, которые вообще не переводятся на иностранный язык. Их можно полностью воспринять только при чтении романа на языке оригинала

4.5. «Евангельский текст» в романе Л. Толстого «Воскресение»

Русская литература является христианской. Литературовед В.Н. Захаров об этом пишет: «Крещение дало идеал и предопределило содержание русской литературы, которое в своих существенных чертах оставалось неизменным в длительном процессе секуляризации и беллетризации того изначального духовного "зерна", из которого проросла русская литература»²¹⁴. Русские писатели часто использовали и используют образы, цитаты из Библии. «Евангельский текст» «включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и псал-

²¹⁴ Захаров В.Н. Русская литература и христианство [Электронный ресурс] // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/1994/01-zakharov.htm>.

тырь, и книгу Иова – словом, все то, что сопутствовало Евангелию в повседневной и праздничной церковной жизни»²¹⁵.

Следует сказать, что с 80-х годов Толстой все более и более отходил от художественной литературы. Проблемы народной нищеты и бесправия народа интересуют его больше, чем проблемы художественной литературы. Работая над романом «Воскресение», он настаивал на необходимости человеческого внутреннего перерождения, заставлял человека обдумывать общественные проблемы. На наш взгляд, в этом произведении Л. Толстой использовал образы, цитаты из Евангелий с целью активного общения с читателями.

Обращаем внимание на то, что Евангелие от Матфея занимает важное место в «Воскресении». По-нашему мнению, причина заключается в том, что до обращения к Христу Матфей служил мытарем. Слово «мытарь» звучало для иудеев так же, как слова «грешник», «идолопоклонник». Услышав Господа, осознав свои грехи, Матфей покаялся, бросил все ранее нажитое и пошел за Христом. Главный герой «Воскресения», Дмитрий Нехлюдов, тоже раскаявшийся грешник, желающий искупить свой грех и грехи своего сословия, стремящийся к нравственному возрождению.

Прежде чем приступить к конкретному анализу евангельского текста в «Воскресении» и его переводу на вьетнамский язык, дадим информацию о существующих во Вьетнаме переводах Библии. На сегодняшний день их четыре.

1. Перевод о. Чан Дык Хуан. «Новый Завет» опубликован в 1959 году, «Ветхий Завет» – в 1968 году. Полный перевод вышел в свет в 1969 году. Он переведен с латинского языка. Многие исследователи Библии считают, что в этой работе есть лексические неточности.

²¹⁵ Захаров В.Н. Указ. соч.

2. Перевод о. Нгуен Тхе Тхуан. Опубликовано в 1975 году. К распространению был разрешен архиепископом Нгуен Ван Бинь в ноябре 1975 года. Это единственный труд, переведенный с оригинала Библии. О. Нгуен Тхе Тхуан работал над ним в течение 20 лет. Несмотря на то, что в переводе присутствуют диалектизмы, в целом эта работа высоко оценена библиеистами.

3. Перевод кардинала Чинь Ван Кан официально издан в начале 80-х годов, быстро распространился в Католической Церкви на Севере Вьетнама. Он выполнен с французского языка на основе книги «Bible de Jérusalem» и в сравнении с Библией на греческом языке. Положительная сторона работы состоит в том, что стиль легко понятный, отрицательная – в том, что перевод не имеет специальной ценности для исследования. После 1975 года этот труд больше не используется.

4. Перевод группы «Литургия часов». Считается самым авторитетным, точным. Он до сих пор широко распространен. Переводчиками этого труда являются специалисты, окончившие библейские институты в Риме, в Иерусалиме или во Вьетнаме, специалисты по литургике, окончившие институты во Франции. Полный перевод Библии, выполненный группой «Литургия часов» с греческого языка, появился в 1998 году. «Новый Завет» был допущен к публикации архиепископом Павлом Нгуен Ван Бинь, а «Ветхий Завет» – архиепископом Фан Минь Ман. В 2006 году вышел в свет полный перевод с предисловием и примечаниями.

Роман «Воскресение» начинается евангельскими эпитафиями, которые являются смысловым ключом, дающим представление об авторском отношении к поднятым в произведениях вопросам. Несомненно, эпитафия – один из важнейших способов раскрытия проблематики произведения. Он является полифункциональным компонентом художественного текста: формирует читательское восприятие, служит одним из способов выражения авторской точ-

ки зрения, разносторонне связан с различными элементами поэтики произведения, его жанром.

Касаясь евангельских эпитафий к роману «Воскресение», можно сказать, что, предпослав своему последнему роману евангельские эпитафий, завершив его обильными цитатами из Евангелия, Толстой тем самым направил читательское внимание в нужном для него русле, а именно указал на содержательную и сюжетно-композиционную значимость этого текста в структуре целого. Можно с уверенностью утверждать, что евангельские аллюзии, цитаты, реминисценции не были лишь своеобразными словесными «инкрустациями», а несли в себе, выражаясь словами Достоевского, «сердцевину целого». Вместе с евангельским финалом они образуют кольцевую композицию романа. В евангельских эпитафиях Толстой проводил мысль о том, что ни при одном общественном укладе невозможно избежать преступлений, если не позаботиться о душе человека, не изменить его взгляды, не дать ему твердые понятия о смысле жизни, в соответствии с которыми он мог бы сверять свои поступки. Именно в них русский писатель раскрывает идеи: «прощай!», «не суди!», «усовершенствуйся!».

Следует отметить, что в третьем переводе романа «Воскресение», выполненном переводчиками Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы, пропущены многие религиозные эпизоды, в том числе и евангельские эпитафий. Причина двоякая: или южновьетнамские переводчики не увидели смысловой важности евангельского текста, или французский переводчик ранее склонился к тому же мнению. Таким образом, третий перевод потерял смысловую емкость «Воскресения». Далее мы будем говорить в основном только о последнем, четвертом переводе, выполненном с языка оригинала.

Рассмотрим евангельские эпитафий в оригинале и в последнем переводе.

В переводе евангельских эпитафий вьетнамские переводчики столкнулись с неустраняемыми трудностями. Рассмотрим их. «*Матф. Глава XVIII. <...> 22. Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз*» [32, с. 3]. Его перевод: «*Giêxu đáp: "Ta không nói là đến bảy lần, mà bảy mươi lần"*» (с. 5), что в обратном переводе значит: «Иисус говорит: не говорю тебе: до семи, но до семидесяти раз». Слово «седмижды» пропущено – количественно и качественно умаляется добродетель безграничного прощения грехов ближнего своего. Далее в эпитафии написано: «*Матф. Гл. VII. Ст. 3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Иоанн. Гл. VIII. Ст. 7....кто из вас без греха, первый брось на нее камень. Лука. Гл. VI. Ст. 40. Ученик не бывает выше своего учителя; но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его*» [32, с. 3]. Переведено это так: «*Mathio XII, 3. "Có sao người nhìn thấy sợi rơm nhỏ trong mắt anh em người mà chẳng thấy cây gỗ lớn trong chính mắt người?". Giảng XIII, 7 - "Trong các người ai không có tội lỗi hãy ném đá trước nhất vào người đàn bà đó". Luca, VI, 40. - Học trò không hơn được thầy; nhưng học trò nào tu hành trọn đạo thì tất sẽ được như thầy*» (с. 5). В обратном переводе звучит: «*Матф.: XII. 3. Почему ты смотришь на маленькую соломинку в глазе брата своего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Иоанн. XIII. 7. Кто из вас без греха, первый брось на нее камень. Лука. VI. 40. Ученик не выше учителя, но ученик, совершивший монашескую и даосическую жизнь, будет, как учитель*». В этом фрагменте есть некоторые фактические небрежности, что более серьезно – произвольная интерпретация духовного смысла евангельского текста.

Фактические небрежности в том, что, во-первых, переводчики не правильно указали цитируемые из Евангелия главы, во-вторых, слово «сучок» заменили «маленькой соломинкой». Прилагательное «маленький» и существительное «соломинка» выражают ласкательный, уменьшительный оттенок,

а не обличительный. Заметим, что идея «не суди!» неоднократно повторяется в романе. В финальной сцене устами прозревшего Нехлюдова эта мысль получает дополнительную авторитетность: *«Только бы всегда вовремя успеть увидеть бревно в своем глазу, как бы мы были добрее»* [32, с. 326].

Самым же интересным в этом переводе является замена слова «усовершенствовавшись» (ключевое у Толстого) словосочетанием «совершивший монашескую и даосическую жизнь». Работая над переводом «евангельского текста», вьетнамские переводчики столкнулись сразу с несколькими трудностями. Во-первых, христианство, особенно русское Православие, было практически неизвестно во Вьетнаме (хотя к XX веку существовало, как мы отметили, четыре перевода Библии на вьетнамский язык). Под влиянием китайской культуры во Вьетнаме господствовали, да и сейчас это явление не ушло в прошлое, даосизм и буддизм. Православное христианство, в отличие от католицизма и протестантизма, воспринималось, и до сих пор воспринимается, как некая экзотика. Хорошо известно увлечение Толстого в послепереломные годы учением Лао-цзы, Конфуция, Будды, так что, в некотором роде, он сам пошел навстречу ожиданиям восточных читателей, облегчив им восприятие своего своеобразного «христианства». Н.А. Бердяев имел основание говорить о буддизме Толстого, не видя в его религиозных воззрениях ничего христианского: «Я никогда не сочувствовал толстовскому учению. Меня всегда отталкивал грубый толстовский рационализм, и я всегда думал и продолжаю думать, что мировоззрение Л. Толстого не христианское, скорее буддийское»²¹⁶. Вот и вьетнамские переводчики констатировали не буддизм, как Н. Бердяев, а **даосизм** автора «Воскресения». Учение Лао-цзы «неделание» началось с человеческой любви. Это учение соответствует закону любви у Толстого. Изучая восточную мудрость Лао-цзы, Толстой указывает человечеству

²¹⁶ Бердяев. Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) // Путь. – 1928. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/11/4/>

путь к нравственному самоусовершенствованию. Каждый человек должен переоценить себя, сознать себя как духовное существо.

После духовного кризиса Толстой негативно относится к вероучению православной Церкви и монашеской жизни. В позднем творчестве русский писатель внимательно изучал восточную философию, увлекался учением Лао-Цзы, однако не стал последователем китайского мыслителя. Так что интерпретация поздней духовности Толстого в духе даосизма, безусловно, является произвольной, хотя и не лишенной известной основательности.

Берем следующий фрагмент для анализа: «2. Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них 3. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное» [32, с. 440].

Рассмотрим его переводы:

Третий перевод	Последний перевод
«2. Chъa Jesus gọi một púa bĩ tới bảo rúng vaο giũa сбс mфn рồ ru va phбn dạy: 3. Та nyi thậт với сбс ngэхi, nếu сбс ngэхi khфng hobn cỏi va nếu сбс ngэòi khфng trở nкn giống nhэ những púa trẻ thm сбс ngэхi khфng vaο рэợс Thikn Pang» (с. 768).	«2. Chъa Gikxu gọi một púa trẻ lại va pật ny ở giũa бон họ. 3. Va nyi: Та nyi thực với сбс ngэòi la nếu сбс ngэòi khфng cỏi giбо pi theo pạo va khфng trở thanh nhэ những trẻ thx thm сбс ngэòi khфng thể lкn Thikn рэờng рэợс» (с. 768).

В обратных переводах значит:

Третий перевод	Последний перевод
«2. Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: 3. Ис-	«2. Иисус призывал дитя и поставил его посреди них. 3. И сказал:

тинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Рай».

истинно говорю вам, если вы не вернетесь к даосизму и не будете как дети, вы не войдете в Рай».

Сначала остановимся на третьем переводе. Отметим, что переводчики в целом удачно, «по букве», переводят данный абзац на вьетнамский язык. Но вместо словосочетания оригинала «Царство Небесное» употребили слово «Рай». В значениях этих слов существует разница. Царство Небесное – это место, где царствует Бог, где живут праведники, воссоединенные с Богом для вечной жизни. А рай – это место вечной совершенной жизни в блаженстве, в гармонии с природой, нетронутое временем и смертью. Так что, в переводе вместо слова «рай» нужно использовать сочетание «Nэ́́с Tròì» [Ньюк Чой] (т. е. Царствие Божие), которое употребляется в Библии на вьетнамском языке. Вследствие чего, можно утверждать, что «евангельский текст» романа «Воскресения» южновьетнамские переводчики переводили без обращения к авторитетному библейскому источнику. К сожалению, эта ошибка присутствует и в переводном тексте, сделанном Фунг Уонг и Ву Динь Фонг.

Проанализируем этот фрагмент в последнем переводе. Нужно сказать, что авторы этой работы вновь пытаются сделать из Толстого последователя даосизма. Глагол «обратитесь» в переводе становится сочетанием «вернетесь к даосизму». Известно, вьетнамская культура до наших дней находится под влиянием древнекитайской культуры, философии и религии. Однако переводчики допускают серьезную ошибку, затемняют идею Евангелия, следовательно, затрудняют правильное понимание текста вьетнамскими читателями, делают практически невозможным понимание ими своеобразного христианства Толстого.

Остановимся подробно на главах XXXIX-XL первой части, кульминационных в этом сюжете, содержащих кощунственное, с точки зрения церковной догматики, описание таинства Евхаристии, шокирующее, не менее дерзкое,

«остраненное» (т.е. странное, «дурацкое», юродствующее) переложение акафиста Сладчайшему Иисусу, упоминание читаемых за богослужением глав из Деяний апостолов и Евангелия от Марка.

Здесь «сгусток» «евангельского текста», его квинтэссенция, именно здесь Толстой вступил в открытую борьбу с Православной Церковью. Эти главы стали последней каплей, вынудившей Священный Синод выступить с известным Определением от 20-22 февраля 1901 года, констатировавшим отлучение Толстого от Церкви. Именно они стали поводом для начала открытой полемики доколе тактично молчавшего В.С. Соловьева с толстовскими идеями. Бывший толстовец М.А. Новоселов в «Открытом письме графу Л.Н. Толстому» утверждает: «Когда я зимою 1900 года спросил покойного Владимира Сергеевича Соловьева, почему он, умышленно избегавший раньше полемики с Вами, выступил так энергично против Вас в своих "Трех разговорах под пальмами", он отвечал: "Меня возмутили кощунства "Воскресения""»²¹⁷.

Трудность перевода этих глав состояла в том, чтобы почувствовать и передать всю степень дистанцирования Толстого от Православия, найти переводческий эквивалент его издевательски-ироническому стилю.

Прежде чем конкретно проанализировать эти главы в обоих переводах на вьетнамский язык, стоит отметить, что они сокращенно переведены в третьем переводе, многие нюансы, связанные с религиозными мыслями Толстого, здесь отброшены. Поэтому есть основания говорить о том, что авторы этого перевода не уделили должного внимания «евангельскому тексту» в структуре романа.

Обратимся к оригинальной сцене Таинства Евхаристии в ее передаче вьетнамскими переводчиками: *«Сущность богослужения состояла в том,*

²¹⁷ Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому // Басинский П. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М.: АСТ, 2013. – С. 552.

что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было оставлено особенной торжественностью. <...> После этого считалось, что превращение совершилось, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел кусочек тела бога и выпил глоток его крови. После этого священник отдернул занавеску, отворил средние двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в средние двери и пригласил желающих тоже поесть тела и крови бога, находившихся в чашке» [32, с. 135].

Приведем перевод второй части этого большого фрагмента, начиная со слов «После этого считалось...»:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Linh mục nhắc chiếc khăn rây đĩa bñnh ra, lấy khъc bñnh pẻ giữa cắt ra lam bốn nhъng vaο rợu xong, cho vaο miệng. Фng lam nhэ gn một nt thit va uóng một nt mбу của Chъa» (с. 217).</p>	<p>«Pén ru, coi nhэ sự bién hoб рг hoan thanh, bmnh va rợu рг bién hản thanh thit va mбу va linh mục nhắc chiếc khъn lkn khỏi pĩa, cắt mầu bñnh ở chnhnh giữa ra lam tэ, nhъng vaο rợu va bỏ vaο mòm. Nhэ thэ la coi nhэ фng рг gn một ngum mбу của Chъa. Sau ru, фng kйо man, mở cửa giữa vбch</p>

	ngón, pưng chiếc chén vang, pì ra ngoài mời những ai muốn uống pên gñ thịt và uống mbi Chúa pưng trong chén» [с. 234].
--	--

В обратных переводах это выглядит так:

Третий перевод	Последний перевод
<p>«Священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его сначала в вино, а потом в рот. Он будто съел кусочек тела бога и выпил глоток его крови».</p>	<p>«После этого считалось, что превращение совершилось, кусочки и вино превратились в тело и кровь, и священник, сняв салфетку с блюда, разрезал серединный кусочек начетверо и положил его в вино, а потом в рот. Предполагалось, что он съел глоток крови Бога. После этого священник отдернул занавеску, отворил серединные двери и, взяв золоченую чашку, вышел и пригласил желающих тоже поесть тела и крови Бога, находившихся в чашке».</p>

В третьем переводе этот отрезок сокращен вдвое. Кошунственно-иронический стиль Толстого практически исчезает из перевода, отношение Толстого к Православию, Церкви, богослужению никак не проявлено, а значит, не отражено религиозное мировоззрение русского гениального писателя после его духовного кризиса.

Думается, в последнем переводе переводчикам удалось передать глумливое недоверие Толстого к реальности происходящего на литургии пресу-

ществления хлеба и вина в Тело и Кровь Господнее. Важно то, что переводчики сохранили слова «считалось», «предполагалось», которые передают всю степень скептицизма Толстого, его убежденность в том, что Церковные Таинства, в том числе Таинство Евхаристии, есть не что иное, как колдовство и гипнотизерство.

Павел Басинский остроумно заметил, что таинство Евхаристии в интерпретации Толстого как будто бы увидено глазами первобытных туземцев. «Остраненный» (дурашливый, неразумный) взгляд Толстого оказался в чем-то соразмерным горизонту культурно-религиозных «ожиданий» иноземных, инокультурных интерпретаторов толстовского текста.

Берем для анализа в главе XL эпизод, где говорится о вынесенном священником в конце литургии золоченом кресте «с эмалевыми медальончиками на концах», *«который, – пишет Толстой, – был не что иное, как изображение той виселицы, на которой был казнен Христос <...>»* [32, с. 138].

Скажем, что этот эпизод пропущен в третьем переводе. А в последнем переводе авторы ненавязчиво смягчают накал толстовского критицизма в адрес официальной Церкви. Они опустили выделенные нами слова («был не что иное»), известным образом приглушив авторитарно-категорическое утверждение автора «Воскресения» о невозможности веры в реальность совершаемого Церковного Таинства (священник *«верил не в то, что из хлеба сделалось тело, что полезно для души произносить много слов или что он съел действительно кусочек бога, – в это нельзя верить, – а верил в то, что надо верить в эту веру»* [32, с. 138]). Характерна сделанная Толстым подмена: «виселица» вместо «креста», которая моментально нейтрализовала сакрально-исторический смысл События, положившего начало новой эре жизни человечества. Христианская святыня превращена в заурядное орудие наказания государственного преступника. В этом переводе «виселица» переведена как

орудие смертной казни через повешание, т. е. сохранена толстовская семантика.

Иногда северовьетнамские переводчики, видимо, неосознанно, в силу недостаточной компетентности, стирают существующие в христианстве конфессиональные различия. В той же XL главе говорится о священниках, которые не только лишают пасомое ими стадо, «малых сих», возвещенного Христом блага, но и соблазняют их «оболганным» учении Христа. Выражение «скрывая от людей то возвещение блага, которое он принес им» [32, с. 138] переведено: «скрывая от людей ту **Радостную Весть**, которую Он принес человечеству». Во Вьетнаме католики называют святыя писания от Матфея, Луки, Марка и Иоанна «Евангелиями», а протестанты – «Радостными вестями». Полагаем, в последнем переводе словосочетание «возвещение блага» переведено в духе протестантизма, как «радостная весть».

Данный фрагмент отсутствует в третьем переводе. Однако в другой части перевода, к сожалению, присутствует эта ошибка. Рассмотрим следующее предложение: «*Надеясь найти подтверждение этой мысли в том же Евангелии, Нехлюдов с начала начал читать его*» [32, с. 443]. В переводе оно так звучит: «*Hu vọng tìm thấy trong quyển Tin Lanh sự xác nhận các lẽ thuyết của chàng, Nekhlioudov lại đọc lại từ đầu*» (с. 773), что обратно переведено: «Надеясь найти в той же **Радостной весте** подтверждение своих мыслей, Нехлюдов с начала начал читать его».

Это, конечно же, свидетельствует о непонимании переводчиками русского Православия. Но в то же время, как это ни парадоксально, акцентирует свойственный Толстому рационализм, роднящий его как с «критическим христианством», например, Эрнеста Ренана, так и с протестантизмом. И все-таки это неточность переводчиков, пусть и непреднамеренная, свидетельствующая о их незнакомстве с официальной Библией на вьетнамском языке.

Видимо, «евангельский текст» «Воскресения» они переводили без обращения к авторитетному источнику.

В XXXIX главе первой части упоминаются «Деяния апостолов», эпизод из которых был прочитан дьячком *«странным, напряженным голосом, что ничего нельзя было понять»* [32, с. 135].

К сожалению, в третьем переводе ни разу не говорится о «Деяниях апостолов», также не упоминается Евангелие от Марка. А в последнем переводе «Деяния» названы «Жизнеописанием святых апостолов». Акцент сделан характерный. В русском синодальном переводе речь идет не столько о жизнеописании апостолов, сколько о их деятельном участии в распространении Христова благовествования: они свидетели и посланцы Божии. Но переводчики, изменив название, – «жизнеописание» вместо «деяния» – передали «букву», а не «дух» толстовского текста. Поясним эту мысль.

В той же главе в вольном изложении передан прочитанный на литургии эпизод из Евангелия от Марка: *«<...> в котором сказано было, как Христос, воскресши, прежде чем улететь на небо и сесть по правую руку своего отца, явился сначала Марии Магдалине, из которой он изгнал семь бесов, и потом одиннадцати ученикам, и как велел им проповедовать Евангелие всей твари, причем объявил, что тот, кто не поверит, погибнет, кто же поверит и будет креститься, будет спасен и, кроме того, будет изгонять бесов, будет излечивать людей от болезни наложением на них рук, будет говорить новыми языками, будет брать змей, и если выпьет яд, то не умрет, а останется здоровым»* [32, с. 135] (Марк, 16: 9-18). Не случайно Толстой выбрал именно этот эпизод, в котором говорится о смятении апостолов, о том, что они не поверили словам Марии Магдалины о воскресении Христа: «но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили» (Мк. 16: 11). Толстой, как известно, не верил в Воскресение Господне, не верил в чудеса, совершенные Христом, в частности в чудо воскрешения из мертвых Лазаря. Для христиан

же главное упование на воскресшего Христа. Иоанн: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, то оживет» (Ин., 11, 25). Только евангелист Иоанн повествует о чуде воскрешения Лазаря. Н.Н. Гусев, биограф Л. Толстого, записал: «Перед Пасхой 1908 г. Лев Николаевич выразился: «Вот Софья Александровна Стахович – умная женщина. А пишет мне, выписывает стихи Хомякова о воскресении Лазаря. Он и не воскресал никогда, и незачем ему было воскресать, да если бы он и воскрес, то нам никакого дела нет до этого»²¹⁸.

Толстой жестко тенденциозен, когда акцентирует внимание на заключительной части текста Евангелия от Марка, и когда пропускает из-за кажущейся «невнятности» прочитанный дьячком эпизод из апостольских Деяний (1, 1-14; 2, 1-4). Смысл этого эпизода – послание апостолов на проповедь, свидетельство о Вознесении Господнем. Не случайно Толстой «не услышал» это чтение, ибо здесь, в отличие от заключительной главы от Марка, так подробно иронично переданной им, подчеркивается нерушимое единомыслие апостолов, их непреклонная вера в Воскресение и Вознесение Господнее, свидетелем которого они и стали. На литургии, описанной Толстым, было прочитано: «Он поднялся на глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время Восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деяний, 1:11).

Евангелисты постоянно напоминают, что они были свидетелями всех описываемых ими событий. Автор «Деяний» евангелист Лука так и начинает свое повествование: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил нас от начала до того дня, в который Он вознесся,

²¹⁸ Цит. по книге: Иоанн Сан-Францисский. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Ю. Линник. – Петрозаводск: «Святой остров» (Фонд культуры Карелии), 1992. – С. 319.

дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил себя живым по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжении сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим» (Деяния, 1: 1-3). Евангелист Иоанн заканчивает свое повествование: «Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин. 21: 24). Первое соборное послание он же начинает: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни» пишем вам (1 Ин., 1). Апостол Петр свидетельствует о фаворском преображении Христа, соучастником которого он, вместе с Иоанном и его братом Яковом, стал (2 Петр, 1: 16-18).

Нам известно, что одной из важнейших проблем библеистики является вопрос о толковании Священного Писания, т. е. экзегетика. В работе «О началах. Против Цельса» основоположник библейской герменевтики Ориген объясняет, что причина ошибочного понимания священного текста заключается в понимании его не в духовном смысле, но по букве²¹⁹. Мысль Священного Писания бездонна.

Утверждаем, что авторам последнего перевода, не смотря на отмеченные нами произвольности, удалось сохранить эмоционально-экспрессивную заразительность глав XXXIX-XL первой части «Воскресения», так что вьетнамские читатели оказались в равном положении с русскими читателями. Они смогли почувствовать и воспринять не только стилистическое своеобразие «Воскресения», но и приблизиться к пониманию оригинальной духовности Толстого. Это важно отметить, так как в первом сокращенном переводе «Воскресения» на вьетнамский язык, выполненном в 1928 году и помещенном в газете «Голос народа» (переводчик Хоа Чунг), были объединены главы XXXVII-XL и пропущена сцена тюремного богослужения. В связи с этим

²¹⁹ Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – 792 с.

можно констатировать усиливавшийся во вьетнамском обществе интерес к нравственно-религиозному учению Толстого.

Обратим внимание на некоторые подробности, детали в передаче «евангельского текста» «Воскресения». Например, перевод ключевого слова «овца». В третьем переводе оно переводится в точном соответствии с библейским переводом. Иначе в последнем переводе. Там «овца» на вьетнамском языке произносится «с'и» (кыу). Заметим, что в религиозном стиле слово «овца» имеет другое название – «сop ch'иn» (кон чиен), обозначающее: человека, которого Спаситель, Добрый Пастырь, сравнил со скромными, послушными овцами.

К передаче значения слов «талант», «динарий» северные и южные переводчики приступают по-разному. Если Нгуен Дан Там и Ву Ким Тхы сохраняют значение этих слов и обозначают их французскими буквами («talents», «deniers»), то Фунг Уонг и Ву Динь Фонг самовольно используют вьетнамские денежные единицы: «донг», «су». До 1945 года во Вьетнаме «донг» – наивысшая денежная единица, а «су» – самая маленькая. Полагаем, что авторы последнего перевода правильно сделали, так как смысл Евангелия сохраняется, причем читатель легче его понимает.

Как выше отмечено, Толстой вольно воспринимает Евангелие, по сути дела, радикально его переосмысливает. В конце романа Толстой устами Нехлюдова цитирует большие куски евангельского текста (Мф.: 5. 21-48). В Священном Писании Господь дал шесть заповедей: «не гневайся!» (ст. 21-26), «не прелюбодействуй!» (ст. 27-30), «не разводись!» (ст. 31-32), «не клянись!» (ст. 33-37), «не противься злу!» (ст. 38-42), «люби врагов!» (ст. 43-48). Однако в романе автор оставил только пять, соединил две заповеди – «не прелюбодействуй!» и «не разводись!» – в одну: «не прелюбодействуй!». Несмотря на то, что в христианстве развод является непростительным грехом, который хуже и ужаснее, чем прелюбодеяние, Толстой не обращает на это

внимание. Важно для него исполнение этих заповедей, поскольку на этом основании можно создать «царствие божие на земле». Причина его избирательности состоит в том, что писатель открывает внутренний смысл заповедей в связи с положением о непротivлении злу, подчеркивая общественное значение каждой из пяти заповедей. «Он с необычайной силой и красноречием бичует пороки современного общества, скрывшего, в целях морального самооправдания, заповедь о непротivлении злoму, и мечтает о том, как изменилась бы жизнь всех людей, если бы они приняли и исполняли бы эту заповедь»²²⁰.

Отметим, что два глагола «прелюбодействовать» и «ненавидеть», присутствующие в оригинале «Воскресения», точно переданы в третьем переводе. Однако в последнем переводе вместо них употребляются слова «развращаться» и «гневаться». Неточность перевода этого фрагмента можно поставить в вину переводчикам из-за их невнимательности.

Таким образом, «евангельский текст» играет важную роль в романе «Воскресение». Однако он не служит средством проповеди христианского учения, а также догматов официальной Церкви, а оружием обличения современных Толстому государства и Церкви. Прием избирательности помогает мыслителю выбрать из Евангелий то, что важно для просвещения нравственности в человека, писать «материалистическое Евангелие», и наконец, создать собственное вероисповедание.

Есть основания говорить о том, что вьетнамские переводчики перевели евангельский текст «по букве», большей частью без сравнения с Библией, перевод которой на вьетнамский язык был сделан авторитетными вьетнамскими библеистами.

²²⁰ Булгаков В.Ф. Духовный путь Л. Толстого. – Иваново: ПреСто, 2013. – С. 21.

В третьем переводе авторы почти не уделяли внимания «евангельскому тексту». Это приводит к тому, что наши читатели не имеют возможности понять степень неприятия Толстым догматического христианства, осмыслить новое качество послепереломного мировоззрения и творчества художника и мыслителя.

Касаясь итогового перевода «Воскресения» на вьетнамский язык, мы предполагали, приступая к работе над предложенной темой, что переводчики в силу духовно-религиозной несовместимости, столкнутся при обращении к роману «Воскресение» с непреодолимыми для них трудностями, прежде всего, духовно-культурного плана. Но оказалось, что «духовность» Толстого не столь уж несовместима с традиционными для Востока религиозными практиками. Переводчики Фунг Уонг и Ву Динь Фонг безошибочно почувствовали в «христианстве» Толстого дух даосизма, что и позволило им, несмотря на отмеченные выше неточности, не углубляясь в бездонную символичность Священного Писания, «по букве» воспроизвести на вьетнамском языке реально заявленную в романе неканоничность толстовских верований.

Заключение

В представленной диссертационной работе мы рассмотрели влияние Л. Толстого в нашей стране, сосредоточили внимание на ценностях и недостатках переводов итогового толстовского романа «Воскресение» на вьетнамский язык.

Перевод является одним из важнейших средств общения между людьми разных национальностей. Особенную роль сыграл и играет художественный перевод в становлении и развитии межкультурных коммуникаций. Показывая общие сведения о романе Л. Толстого «Воскресение» в переводах на

вьетнамский язык, мы особо подчеркнули способности/неспособности переводчиков в передаче мастерства Толстого-психолога.

В начале XX века Л. Толстого называли учителем в жизни и в искусстве, наследие этого человека продолжает поражать и жизненными, и творческими открытиями. Произведения Толстого близки и понятны всем людям, потому что в каждом из них ставятся вечные проблемы жизни. В связи с этим, огромный интерес к Л. Толстому остается актуальным и на сегодняшний день.

Лев Толстой – великий писатель, философ и человек. Он всю жизнь ищет истину, правду, думает о благополучии человечества. Его произведения были написаны не для развлечения, а для размышления. К.А. Федин писал: «Толстой никогда не состарится. Он из тех гениев искусства, слово которых – живая вода. Источник бьет неиссякаемо. Мы снова и снова припадаем к нему, и нам кажется – мы еще ни разу в жизни не пили такой прозрачной, чистой, свежей воды»²²¹.

При своей жизни писатель глубоко изучал восточную философию и религию, много писал и говорил о странах Востока, общался с деятелями разных восточных государств. До сих пор мир продолжает говорить о взаимосвязи между гениальным писателем и Востоком. Эта проблема стала знакомой и бесконечной темой в литературоведении.

С 20-х годов XX века Л. Толстой стал известен во Вьетнаме и быстро стал близким писателем для вьетнамских читателей. Следует сказать, что вьетнамские передовые политики, литературоведы, переводчики первыми начали писать о нем и оценивать его творчество. В это же время появились первые переводы произведений Толстого на вьетнамский язык через языки-посредники (французский и/или китайский).

²²¹ Федин К.А. Искусство Льва Толстого // Писатель. Искусство. Время. 4-е изд. –М.: Сов. писатель, 1980. – С. 27 (23-27// 592 с).

В период 1945-1975 годов наша страна была разделена на две политические части. В Северном Вьетнаме строится Демократическая Республика Вьетнам, а в Южном – «новая американская колония». В связи с этим, проблема изучения творчества Толстого на Севере и Юге имеет свою специфику.

В обеих зонах появилось большое количество переводов толстовских творений на вьетнамский язык, но не все эти переводные работы качественные. Отметим, что северо-вьетнамские критики и переводчики акцентируют внимание на социально-критическом пафосе «позднего» Толстого, южно-вьетнамские – на философско-эстетическом. В суровое время войны против французских и американских врагов произведения Толстого утешали души миллионов людей, вселяли в их сердца надежду.

С 1975 года до наших дней, хотя русская литература потеряла свое прежнее значение во Вьетнаме, вьетнамские исследователи все-таки продолжают изучать Л. Толстого, их интерес все больше и больше привлекают религиозные и философские взгляды Толстого.

С 1954 года русская литература официально преподается во вьетнамских школах и вузах.

На обязательных и внеклассных занятиях ученики учат эпизоды из «Войны и мира», с помощью которых они знакомятся с русским обществом, с русской душой, русским характером, стилем и «диалектикой души» в творчестве Толстого. В начальных классах преподаются нравоучительные рассказы Л. Толстого, которые интересуют детей и дают им нравственные уроки.

В вузах студенты изучают не только три толстовских романа «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», охватывающие актуальные жизненные вопросы, особенно важные для молодежи, но и рассказы и повести. К

сожалению, в нашей стране не имеется общей учебной программы по русской литературе, в том числе по творчеству Л. Толстого, для всех гуманитарных вузов. Несмотря на это, существует много вспомогательных книг по истории русской литературы, сделанных известными литературоведами, полезных для студентов.

Творчество великого Толстого рано переведено на вьетнамский язык. Несмотря на то, что «Воскресение» – последний роман Толстого, он стал первым его переводным произведением во Вьетнаме (1927 г.), и одновременно одним из наиболее любимых.

В практических главах работы мы уделяем внимание ценностям и недостаткам, а также возможностям передачи образов главных героев и «евангельского текста» в переводах романа «Воскресение» на вьетнамский язык.

В первом переводе «Воскресения», публиковавшемся в газете «Голос народа» (1927-1928 гг.), автор Хоа Чунг ставит идейные ценности выше художественных. Достоинства первого перевода состоят в том, что Хоа Чунг через переводимый текст показал вьетнамским читателям актуальные для них проблемы, подкрепив их авторитетом Л. Толстого. Первый перевод «Воскресения» – важная веха в истории изучения русской литературы во Вьетнаме, открывающая, вместе с тем, новый период в становлении и развитии вьетнамской литературы. В результате тщательно проведенного сопоставительного анализа оригинала и перевода нами отмечены некоторые существенные особенности стиля перевода, а именно, его архаичность, обусловленную, прежде всего, состоянием вьетнамской письменности начала XX века. Первый перевод, по нашему мнению, имеет в основном историческую ценность, но интерес к нему не ослабевает и сегодня, так как с него началось знакомство вьетнамского читателя с русской классической литературой.

Несомненно, передача художественного мастерства Л. Толстого вызвала серьезные затруднения у вьетнамских переводчиков. При наблюдении

над транслированием сюжета последнего толстовского романа на вьетнамский язык мы сравнили третий и последний перевод, чтобы, во-первых, показать культурно и исторически обусловленную динамику переводческой практики во Вьетнаме, во-вторых, обнаружить и объяснить как субъективные, так и объективные сложности (порой непреодолимые!), с которыми столкнулись переводчики.

Мы отметили, что образы Катюши Масловой и Дмитрия Нехлюдова в переводах не всегда передаются с точностью, с силой художественного изображения, свойственной оригиналу. Особенно в этом плане вызывает нарекания третий перевод, названный переводчиками «Земля оживления».

Самые большие трудности вызывают у переводчиков психологические состояния центральных персонажей. В переводах внутренний мир героев не всегда точно передается, иногда искажается. Это затрудняет восприятие вьетнамскими читателями особенностей художественного мастерства Толстого-психолога.

Наибольшие сложности вызвал у переводчиков всех трех рассмотренных нами переводов «евангельский текст» «Воскресения». Все они перевели этот текст «по букве», большей частью без сравнения с Библией, авторы первого и третьего переводов неоправданно его сократили или вообще выпустили. Это, несомненно, затруднило понимание иноязычными и инокультурными читателями сущности позднего толстовского учения, его отношения к Православию, Церкви. Не исправили положение и авторы последнего, наиболее профессионального и авторитетного перевода, придав «христианству» Толстого даосистский смысл и дух.

Будем надеяться, что в ближайшее время во Вьетнаме появится новый перевод романа «Воскресение», в котором будут преодолены фактические неточности ранее сделанных переводов, в котором богатство универсального, «синтетического» содержания последнего романа Толстого — и последнего

романа русской классической литературы — наконец, получит должное освещение, сделает национально-культурную коммуникации между русским и вьетнамским народами более осмысленной и прочной.

Список использованной литературы

Материалы на русском языке:

I. ИСТОЧНИКИ:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1955. – Т.8-9.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 21.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М. - Л., 1949. – Т. 11.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное издание). – М. - Л.: Гослитиздат., 1928–1958.
5. Тургенев И.С. Статьи и воспоминания. – М.: Худ. лит., 1979.

II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Литературный энциклопедический словарь под редакцией В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. энц-я, 1987. – 752 с.
2. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен / Спец. науч. ред. О.Д. Митрофанова. – 2-е изд., стереотип. – М.: рус. яз., 1980. – 384 с.
3. Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия для студентов/ Авт.-сост. Н.Д. Тamarченко. М., 2002.

4. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2004.
5. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Советский писатель, 1976. – 369 с.
6. Христианство и новая русская литература ХУ111-XX вв. Библиографический словарь. 1800-2000. СПб., 2002.
7. Христианство: Словарь. М., 1994.
8. Шеляпина Н.Г. Библиография литературы о Л.Н. Толстом. М.: Книга, 1978.
9. Бирюков И.П. Библиография Л.Н. Толстого в 4-х т. М., 2000.
10. Бурнашева Н.И. Толстой Л.Н. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2009.
11. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. 1828-1855; 1855-1869; 1870-1881; 1881-1885. М., 1954-1970
12. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. М.-Л., 1936.
13. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. М., 2008.
14. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. 1886-1892; 1892-1899. М., 1979-1998
15. Бирюков И.П. Библиография Л.Н. Толстого в 4-х т. М., 2000.
16. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. 1828-1855; 1855-1869; 1870-1881; 1881-1885. М., 1954-1970
17. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. М.-Л., 1936.
18. Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. М., 2008.
19. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. 1886-1892; 1892-1899. М., 1979-1998

III. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Бабаев Э.Г. Очерки эстетики и творчества Л.Н. Толстого. М.: Изд-во МГУ, 1981.

1. Бердяев. Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) // Путь. – 1928. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/11/4/>.

2. Билинкис Я.С. Лев Николаевич Толстой // История русской литературы XIX века: Вторая половина: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. – М.: Просвещение, 1987. – С. 499-550.

3. Богомазова Н.Л. Л.Н. Толстой в контексте японской культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2012. – №1. – С. 66-71.

4. Бочаров С.Г. Лев Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. – М.: Гослитиздат, 1963. – С. 224-309.

5. Булгаков В.Ф. Духовный путь Л. Толстого. – Иваново: ПреСто, 2013. – 78 с.

6. Бурсов Б.И. Избранные работы: В 2 т. Л.: Худож. Литер. 1982

7. Ву Тхыонг Линь. Проблема перевода русских личных местоимений на вьетнамский язык // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 5. – С. 70-74.

8. Галаган Г.Я. Толстой: художественно-эстетические искания. Л., 1981.

9. Громов П.П. О стиле Льва Толстого: Становление «диалектики души». М., 1971.

10. Громов П.П. О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л., 1977

11. Гарбовский Н.К. Теории перевода: учебник. – М.: изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

12. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – 2-е изд. – М.: Сов. писатель, 1980. – 255 с.
13. Горький М. Лев Толстой // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / Ред. С.А. Макашин. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. Н.М. Фортунатова. – С. 461-505.
14. Григорьев А.Л. Роман «Воскресение» за рубежом // Толстой Л.Н. Воскресение / АН СССР; Изд. подгот. Н.К. Гудзий, Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1964. – С. 552-571.
15. Гудзий Н.К., Маймин Е.А. Роман Л.Н. Толстого "Воскресение" // Толстой Л.Н. Воскресение. – М.: Наука, 1964. – С. 483-545.
16. Гулин А.В. Духовный идеал и художественное творчество Л.Н. Толстого 1850-1870-х годов // Автореф дис.<...> доктора филолг. Наук. М. 2004.
17. Жданов В.А. От «Анны Каренины» к «Воскресению». – М.: Книга, 1967. – 280 с.
18. Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Материалы и наблюдения. – М.: «Сов. писатель», 1960. – 450 с.
19. Захаров В.Н. Русская литература и христианство. [Электронный ресурс] // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/journal/konf/1994/01-zakharov.htm>.
20. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М., 2006.
21. Иоанн Сан-Францисский. Избранное / Сост., авт. вступ. статьи Ю. Линник. – Петрозаводск: «Святой остров» (Фонд культуры Карелии), 1992. – 575 с.
22. Ковалев В.А. Поэтика Льва Толстого. Истоки. Традиции. М., 1983.

23. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
24. Кузина Л., Тюнькин К. «Воскресение» Л.Н. Толстого. – М.: Художественная литература, 1978. – 115 с.
25. Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. – М. - Л.: Наука, 1966. – 324 с.
26. Ломунов К. Лев Толстой в современном мире. – М.: «Современник», 1975. – 493 с.
27. Ломунов К.Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л.Н. Толстого. Проблемы, образы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. – М.: «Современник», 1978. – 381 с.
28. Маймин Е.А. Лев Толстой: Путь писателя. – М., 1978. – 190 с.
29. Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М., 2003.
30. Мардов И.Б. Лев Толстой. Драма и величие любви: Опыт метафизической биографии. М., 2005.
29. Найда Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 114-137.
30. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. История и теория перевода с древнейших времен до наших дней. [Электронный ресурс]. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks319367#ТОС_IDAFT2 АВ.
31. Никулин Н.И. Произведения Льва Толстого во Вьетнаме // Лев Толстой и литературы Востока. – М.: Наследие, 2000. – С. 151-176.

32. Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому // Басинский П. Святой против Льва: Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. – М.: АСТ, 2013. – С. 551-563.
33. О религии Толстого: сборник статей. М., 1992.
34. Ореханов Георгий, свящ. Жестокий суд России: В.Г. Чертков в жизни Л.Н. Толстого. М., 2009.
35. Опульская Л.Д. Эволюция реализма Л. Толстого // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. – М.: «Наука», 1974. – Т. 3. – С. 11-48.
36. Ориген. О началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – 792 с.
37. Орлова С.В. К вопросу о принципах исследования реализма Л.Н. Толстого в романе «Воскресение» // Учебные записки Ивановского гос. пед. ин-та им. Д.А. Фурманова. Иваново, 1970.
38. Парахин Ю.И. Творческий путь Л.Н. Толстого к книге Жизни // Автореферат дисс. <...> доктора филологич. Наук. М., 2004.
39. Порудоминский В. О Толстом СПб., 2005
40. Пospelов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы». – М., 1972. – 272 с.
41. Разумовская В.А. Художественный текст в решетках культуры и переводе. [Электронный ресурс] // Вестник Тюменского гос. ун-та, 2011, – № 1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16892893>.
42. Рехо К. К истории восприятия романа «Воскресение» в Японии // Роман Л.Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1991. – С. 165-188.
43. Роллан Р. Ответ Азии Толстому. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/rolland/rolland_tolstoy.htm.

44. Романова Т.В. Жанровая специфика «Воскресения» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник 1986: Статьи, материалы, публикации. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.
45. Русские мыслители о Льве Толстом. Сборник статей. Ясная поляна. 2002.
46. Рустамзода Г.Л. Философия Востока в творчестве Льва Толстого. [Электронный ресурс] // Мир современной науки. – 2012. – Т. 4. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-vostoka-v-tvorchestve-lva-tolstogo>.
47. Сдобников В.В. Петрова О.В. Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков]. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
48. Сейвори Т. Искусство перевода. – Лондон, 1952. – 279 с.
49. Страхов И.В. Психологический анализ в творчестве Л.Н. Толстого // Вопросы литер. 1978, №4.
50. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве: В 2 ч. Саратов, 1973.
51. Тарасов А.Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого м., 2001.
52. Тарасов А.Б. Какую правду проповедовал Толстой? // Литер. В школе. 2003, №3.
53. Толстой и зарубежный мир // Литературное наследство: в 2-х кн. [Ред. С.А. Макашин]. – М.: Наука, 1965. – Т. 1: 620 с. – Т. 2: 614 с.
54. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000. – 254 с.
55. Тюленев С.В. Теория перевода: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
56. Ты Тхи Лоан. Проблемы поэтического перевода с русского на вьетнамский язык (на материале переводов стихотворений А. Пушкина, М. Лермон-

това, А. Блока, С. Есенина и др.): дисс... канд. филолог. наук. – М., 1992. – 147 с.

57. Федин К.А. Искусство Льва Толстого // Писатель. Искусство. Время. – 4-е изд. – М.: «Сов. писатель», 1980. – С. 23-27.

58. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.

59. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. – М.: «Худ. лит», 1971. – 525 с.

60. Чан Тхань Бинь. Изучение творчества Л.Н. Толстого в средней школе СРВ: автореф. дисс...канд. филолог. наук. – Санкт-Петербург, 1995. – 20 с.

61. Челышев Е.П. Лев Толстой и литературы Востока // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1979. – Т. 38. – № 1. – С. 36-41.

62. Шайтанов И. Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема. // Вопросы литературы. – 2009, Март-апрель. – С. 5-26.

63. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

64. Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Наука», 1971. – 552 с.

65. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л., 1974.

Материалы на вьетнамском языке:

I. ИСТОЧНИКИ:

1. «Воскресение». Переводчик Хоа Чунг // Газета «Голос народа», 1927-1928. – № 9–85.
2. «Земля оживления». Переводчики Нгуен Дан Там, Ву Минь Тхы. – Сайгон: Фу Са, 1973. – 776 с.
3. «Воскресение». Переводчики Фунг Уонг, Нгуен Нам, Мок Нгиа, Нгок Ан. – 3-е изд. – Ханой: «Литература», 1993. – Т. 1: 311 с. – Т. 2: 403 с.
4. «Воскресение». Переводчики Фунг Уонг, Ву Динь Фонг. – Ханой: «Сообщество писателей», 2005. – 783 с.

II. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Бе Киен Куок. Лирическое стихотворение о «Войне и мире» // Литература и искусство. – 09.09.1978.
2. Дао Туан Ань. Лев Толстой в модернизации вьетнамской литературы (период до 1945 года) // Исследование литературы. – 2010. – № 12. – С. 55-70.
3. До Куанг Хынг. История вьетнамской журналистики: 1865-1945. – Ханой: Национальный ханойский университет, 2001. – 335 с.
4. До Хай Фонг, Ха Тхи Хоа. Курс по русской литературе. – Ханой: Образование, 2011. – 247 с.
5. История русской литературы XIX века / Нгуен Хай Ха, До Суан Ха, Нгуен Нгок Ань и др. – Ханой: Образование, 1966. – 217 с.
6. История русской литературы XIX века / До Хонг Тьунг, Нгуен Хай Ха, Нгуен Чьонг Лить. – Ханой: Университет и специальные училище, 1982. – 527 с.
7. Лай Нгуен Ан. Некоторые вьетнамские газетные материалы о Л. Толстом в 1920-30-х годах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phongdiep.net/default.asp?action=article&ID=11661>.

8. Ле Нгок Ча. Л.Н. Толстой, художник и идеолог // Исследование литературы. – 2011. – № 1. – С. 19-27.
9. Ле Тхи Тху Хиен. Организация повествования в народных рассказах Л.Н. Толстого // Исследование литературы. – 2012. – № 12. – С. 42-50.
10. Ле Тхи Тху Хиен. Художественный мир в рассказов и повестей Л.Н. Толстого в период 1881-1910 гг.: дисс... канд. филолог. наук. – Ханой, 2012. – 225 с.
11. Ле Шон. Преемственность героических традиций русской классики в советской литературе // Литература. – 1968. – № 6.
12. Ле Шон. Читая «Воскресение» Л. Толстого // Литература и искусство. – 17.12.1971.
-
13. Лыу Лиен. Обличительная сила романа «Анна Каренина» // Сборник 40 лет журнала Литература (1960-1999): в 4 т. – Хошимин, 1999. – Т. 4: Зарубежная литература.
14. Нгуен К. Тханг. Хунг Тхук Кханг – творчество. – Хошимин: Изд-во города Хошимин, 1992. – 369 с.
15. Нгуен Минь Тьяу. Чудесное значение литературного произведения // Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. – Хошимин: «Молодость». 2006. – С. 147-149.
16. Нгуен Туан. Монолог о войне и мире, обращенный к Льву Толстому // Иностранная литература. – 1979. – № 3. – С. 212-215.
17. Нгуен Туан. Толстой // Нгуен Туан. Сборник: в 3 т. – Ханой: Литература, 2000. – Т. 3. – С. 410-428.

18. Нгуен Тхи Лан Зунг. Исследование перевода романа Л. Толстого «Воскресение» в газете «Голос народа» в 1927-1928 гг.: дипл. работа. – Ханой, 2003. – 83 с.
19. Нгуен Тхи Фонг Ле. Изучение о создании программы русской литературы в средней школе по реформе образования: маг. дисс.... – Хошимин, 2010. – 130 с.
20. Нгуен Хай Ха. Вводное слово // Толстой. Севастополь. Избранные рассказы: в 2 т. – Ханой, 1984. – Т. 1. – С.5-16.
21. Нгуен Хай Ха. Квинтэссенция русской литературы: раскрытие и наслаждение. – Ханой: Вьетнамское образование, 2012. – 699 с.
22. Нгуен Хиен Ле. Автор // Лев Толстой. Война и мир. – Хошимин: «Литература», 1993. – С. 9-62.
23. Нгуен Хиен Ле. Благодарность издательству // Литература. – 1969. – № 128. – С.
24. Нгуен Хиен Ле. Война и мир // Лев Толстой. Война и мир. – Хошимин: «Литература», 1993. – С. 63-90.
25. Нгуен Хиен Ле. Лев Толстой как святой // Энциклопедия. – 1959. – № 48. – С. 21-33.
26. Нгуен Хонг. Дневник литературного пути. – Хошимин: Литература и искусство г. Хошимина, 2001. – 303 с.
27. Нгуен Хонг. Такие чудесные произведения пришли ко мне // Литература. – Ханой, 11/1962. – № 224. – С. 6.
28. Нгуен Хюи Тьонг. Дневник: в 3 т. – Ханой: Молодежь, 2006. – Т. 1. – 758 с.
29. Ньи Ка. Введение // Толстой. Анна Каренина. – Ханой: «Литература», 1978. – Т. 1. – С. 5-29.

30. Ньы Фонг. Суждение о литературе. – Ханой: Литература, 1977. – 371 с.
31. Переводчик. Вводное слово // Толстой Л. Воскресение: в 2 т. – Ханой: «Литература», 1970. – Т. 1. – С. 5-24.
32. Предисловие // Толстой Лев. Анна Каренина. – Сайгон, 1970. – С. 3-27.
33. Предисловие // Толстой Лев. Земля оживления. – Сайгон: Фу Са, 1973. – С. 7-15.
34. Суждение о романах во вьетнамской литературе (с начала XX века до 1945 года) / сост. Вьонг Чи Ньян. – Ханой: «Сообщество писателей». 2000. – 447 с.
35. Тхюи Тоан. Ищем первого переводчика романа Льва Толстого «Воскресение» на вьетнамский язык // Почтовые лошади. – Ханой, 2011. – С.
36. Тьинь Дао. Газета «Голос народа» (1927-1943): некоторые новые материалы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hopluu.net/a2214/bao-tieng-dan-1927-1943-vai-tu-lieu-moi>.
37. Фам Винь Кы. Переведение и издание Толстого во Вьетнаме. Успехи и актуальные проблемы // Зарубежная литература. – 2010. – № 11. – С. 121-132.
38. Фам Тхи Фьонг. Курс по русской литературе. – Хошимин: Хошиминский педагогический университет, 2013. – 463 с.
39. Фам Тхи Фьонг. Русская литература в южных городах Вьетнама в 1954-1975 гг. (спецкурс). – Хошимин, 2009.
40. Фан Кхой. Сила писателя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viet-studies.info/Phankhoi/PKhoi_Tolstoy.htm.
41. Хай Чиеу. О литературе и искусстве. – Ханой: Литература, 1969. – 103 с.
42. Хо Ши Винь. Лев Толстой, искусство и религия // Зарубежная литература. – 2010. – № 11. – С. 116-120.

43. Хоанг Ву Дык Ван. Лев Толстой в «Войне и мире» // Литература. – 1964. – № 22. – С. 35-39.
44. Хоанг Суан Ньи. История русской литературы. XIX век: в 5 т. – Ханой: Образование, 1962. – Т. 5: Толстой – Чехов. – 280 с.
45. Хоанг Чунг Тхонг. Лев Толстой и мы // Литература. – 1978. – № 6. – С. 104-106.
46. Хыу Нгок. К юбилею 160 лет (1828-1988) дня рождения великого писателя Льва Толстого // Календарь общей культуры. – 1988. – С. 247-248.
47. Чан Винь Фук. Героизм в «Войне и мире» // Л. Толстой – могучая вершина русской литературы. – Хошимин: «Молодость». 2006. – С. 54-65.
48. Чан Фонг Зао. Несколько мыслей для примечания // Литература. – 1969. – № 128. – С. 79-84.
49. Чан Тхи Куинь Нга. К столетнему юбилею со дня смерти Льва Толстого (1910-2010). Некоторые черты о Л. Толстом во Вьетнаме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nhandan.com.vn/vanhua/dong-chay/item/13755602-.html>.
50. Чан Тхи Куинь Нга. Лев Толстой во Вьетнаме // Литература и искусство. – 2000. – № 11. – С. 87-90.
51. Чан Тхи Куинь Нга. Прием русской прозаической литературы XIX века во Вьетнаме. – Ханой, 2010. – 179 с.
52. Чан Тхи Куинь Нга. Русская и советская литература в средней школе. – Хошимин: Хошиминский педагогический университет, 2010. – 320 с.
53. Чан Тхи Фьонг Фьонг. О смерти великого писателя Льва Толстого. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.honvietquochoc.com.vn/bai-viet/1323-ve-cai-chet-cua-dai-van-hao-nga-lev-tolstoy.aspx>.

54. Чан Чонг Данг Дан. Лев Толстой – великий писатель земли русской, чудесный человек всего человечества // Литература и искусство г. Хошимин. – 18.8.1978.

55. Чанг Тхиен. Толстовская тема: смерть // Энциклопедия. – 1963. – № 163. – С. 65-71.